

Николай Сайнаков
Шлем Громовержца

Почти антигероическое фэнтези

Николай Сайнаков

**Шлем Громовержца. Почти
антигероическое фэнтези**

«Издательские решения»

Сайнаков Н.

Шлем Громовержца. Почти антигероическое фэнтези /
Н. Сайнаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903814-2

Когда бродяга по прозвищу Волк-Оборотень вызвался быть проводником через страшный Корбовый лес, он не знал, что этот поход изменит судьбы венедских родов, откроет дорогу Предречённому к заветному Шлему Поревита, столкнёт между собой венедских князей и соседние народы. И поднимутся песиглавцы, выйдут на бой кощеи, зарысит по их следам Лихо. А что можно противопоставить злу? Только дружбу и любовь. Выдержат ли они испытания?

ISBN 978-5-44-903814-2

© Сайнаков Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	7
I	7
II	8
III	10
IV	12
V	14
VI	16
VI	18
VII	20
VIII	21
IX	22
X	23
XI	25
XII	27
XIII	28
XIV	30
XV	31
XVI	32
XVII	33
XVIII	34
XIX	35
XX	36
XXI	38
XXII	40
XXIII	41
XXIV	43
Глава II	44
I	44
II	45
III	46
IV	47
V	49
VI	51
VII	53
VIII	54
IX	55
X	56
XI	57
XII	58
XIII	59
XIV	60
XV	62
XVI	63
XVII	64
XVIII	66
XIX	68

XX	69
XXI	71
XXII	72
XXIII	73
XXIV	75
XXV	76
XXVI	77
XXVII	79
XXVIII	81
XXIX	83
L	84
LI	85
LII	86
LIII	88
LIV	89
LV	90
Глава III	92
I	92
II	93
III	95
IV	96
V	98
VI	100
VII	101
VIII	102
IX	104
X	105
XI	106
XII	107
XIII	108
XIV	109
XV	110
XVI	112
XVII	113
XVIII	115
XIX	116
XX	118
XXI	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Шлем Громовержца Почти антигероическое фэнтези

Николай Сайнаков

Моим друзьям посвящается...

© Николай Сайнаков, 2018

ISBN 978-5-4490-3814-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I Встреча

I

Ключья призрачных облаков в сумрачном небе обречённо цеплялись за вершины дряхлых, уже до половины заросших лесом гор. Тусклый серо-коричневый камень заполонил все вокруг. На северном склоне гряды, впившись корнями в грунт, скорчилось обугленное мертвое дерево. Безразличное ко всему как вечность и столь же старое как сами горы. Но время пришло и в эти забытые богами места. Небо над горами разорвала кровавая вспышка, и дерево вспыхнуло алыми языками пламени, вдруг начало таять, меняя форму. На мгновение стала видна изогнутая, словно в муке, человеческая фигура, а потом огонь полыхнул сильнее, погас, и видение исчезло. Волк-Оборотень, озадаченно смотревший на всё это, потрянул головой, приходя в себя после увиденного, поднял плащ и, сощурившись, ещё раз осмотрел лежавшую внизу негостеприимную долину. Проверив, легко ли вынимается из ножен длинный меч, он быстро, перепрыгивая с камня на камень, направился вниз.

Он думал о том, что неладно было вокруг в последнее время. То ему вдруг пришло на ум снова пойти через Корбовый лес, то вдруг понял, что не помнит многое из того, что с ним было неделю, месяц назад. А теперь ещё это видение. К чему оно, о чём? Оно подталкивает его идти через лес, или наоборот, предостерегает от гибельной затеи?

Надо лишиться рассудка, чтобы сунуться туда. Прочно угнездившийся в лесу Ужас сделал его непроходимым. Но он однажды сунулся. Хотя вроде глупцом не слыл. Тогда он пошёл...

Оборотень содрогнулся от воспоминаний и сжал кулаки. Да, он прошёл через лес. И даже вернулся обратно. До самого недавнего времени он был уверен, что ничто на белом свете не заставит его сделать это вновь. Но потом... потом вдруг он понял, что забыл что-то там, за лесом. Что-то важное настолько, что это чувство не давало ему ни меры покоя и превратило его жизнь в кошмар. Его всё сильнее тянуло туда, но сама мысль идти через Корбовый лес сотрясала всё его естество. Сколько он так промучился – месяц, три, он и сам сказать не мог.

Ещё одну попытку отбиться от наваждения он сделал три дня назад, добравшись до волхва-отшельника, живущего недалеко от «Последнего пристанища». Но невозмутимый обычно дед только отшатнулся в испуге, как от мертвого, а потом, жалеючи, долго качал головой, выслушивая бродягу. Только и сказал: иди, дескать, выполняй, что душа требует, от такого наваждения помочь нельзя, а уж откуда оно явилось, не столь важно. Ещё, посоветовал потом идти прямо в Итарград. Хранимый Громовержцем город часто даёт ответы даже на не заданные вопросы.

Ха! Итарград! К нему отсюда и нет другого пути, кроме как через проклятый Корбовый лес...

Волк-Оборотень ушёл не попрощавшись, а потом долго смеялся как помешанный, бился о землю. Но что ему могла подсказать Мать Сыра Земля? Решать всегда приходится самому. Хотя иногда и кажется, что за него решают боги, но это обман. Будь на душе покойно, разве пошёл бы он сегодня на Ведымин гребень? Да, было видение. Ну и что? Боги опять лукавят, оставляя за ним выбор ответа.

II

Тук-тук-тук-тук!
Бам-бам-бам-бам!
Блям-бам-бам-блям!
Грям-грям-грям-грям!

Укороты использовали все имеющиеся в деревне бубны, барабаны и другие гремящие и звучно шумящие штуковины, собирая людоедский народ на сходку. Собственно все знали о сходке и без барабанов и стука в котлы и сковородки, но Не-простак, как и все жители деревни, обожал издавать громкие звуки. Сковороды у него не было, поэтому он снова и снова с упоением лупил по большущему глиняному горшку, пока тот вдруг не лопнул.

Укорот с досадою ахнул. Горшок был неплохой, краденый, и его было безмерно жаль. «Может потихоньку подмазать глиной отвалившиеся куски и сбить его по быстренькому какому-нибудь олуху?» – подумал Не-простак, перебирая осколки. «Вот Не-такой мог бы польститься... да ведь...» – укорот снова пригорюнился, вспомнив, что он потому и лупил в горшок, что сегодня судилище над этим самым Не-таким. Ну, тому теперь не до покупки горшков будет...

Раздумывать далее было некогда, папаны и дупли уже потянулись на судилищную полянку, и надо было поспевать, а то затрут на самые задки, там ничего и не увидишь. Спрятав остатки горшка возле хатки, в разросшиеся листья ревеня, Не-простак побежал за толпой, подпрыгивая в такт издаваемому грохоту.

На единственной прямой и широкой улице деревни были уже почти все взрослые людоеды. Шли папаны – скряга Не-скудняк в нарядной жилетке, Не-слухач с большим барабаном из человеческой кожи, хмурящий рожу Не-добрый, шаман Не-понюшка и другие. Дуплей тоже было полно, Без-зубый и Без-мозглый крутились рядом с Не-добрым. Эти подпевалы и на судилище будут кричать то, что он им скажет, а тот явно будет требовать для Не-такого особенно позорной казни. Не-простак терпеть не мог всю троицу, но об этом помалкивал. Не будь Не-доброего, он бы уже давно надул Без-мозглого и обчистил Без-зубого, да и горшок бы теперь сбаврил дуплям без проблем. Но Не-добрый хитёр и жесток, и когда они втроём – не справиться, отдубасят будь здоров. Ну и не будет он с ними рядом идти, лучше присоединится к Не-косматому. Тот хоть и размахивает как всегда кинжалом, но людоед гораздо более достойный, хоть редкостная сволочь, и плешивый как лабирский раб.

Теперь можно было не спешить, и Не-простак постарался сделать как можно более важный вид, приличествующий моменту. Людоедихи с завистью посматривали на них из-за костяных заборчиков. Ещё бы, им на сходку никак нельзя, решать важные дела – это для мужчин. Женщины же пускай мясо варят и кожу выделывают. Впрочем, он не против поиграть с ними в догонялки-пожиралки. Особенно с Без-застенчивой, что вон, так и крутит широким задком у калиточки. Укорот уже хотел крикнуть ей что-нибудь смачное и похабное, но тут увидел, как из проулка вывели связанного виновника торжества, и сразу забыл обо всём другом.

Не-такой был, на первый взгляд, такой же как все нормальные людоеды, даже папан по рождению. В половину высокого человечаьего роста, косматый, без бороды и усов, с хорошими, крупными зубами и сильными руками. Но это только на первый взгляд. А как начнёшь с ним общаться, так и поймёшь – не такой! То ли мать его после родов о камень шандарахнула, то ли дед Не-далёкий сбил его с понтальку, только обо всём Не-такой судил не по-людоедски, вёл себя прегорделивейше, а дурью маяться умел, как никто в деревне. То лягушек спасает, то рыбью икру высиживает, то разные закорючки на чужих хатках рисует. А в последнее время и совсем силькикнулся, иначе и не сказать, если совершил такое преужаснейшее преступление против людоедского племени, принёс такую крамолищу, о какой целые поколения людоедов

даже не слышали, даже помыслить такое не могли. Так что ой не зря собираются сегодня укороты на сходку! Знатная будет ругань!

Пока Не-простак разглядывал да и оценивал, что можно будет снять с трупа в случае казни, процессия достигла судилищной полянки и все стали рассаживаться, побросав барабаны и сковородки. Заслуженные и полноправные папаны (их имена начинались на «не»), толкались и ругались ближе к судному камню, дупли же ссорились позади.

Не-простак воспользовался не только правами, но и кулаками, заняв место в первых рядах папанов, где было хорошо видно поставленного спиной к камню побледневшего преступника. Рядом, на камнях поменьше, расположился старейшина Не-бестолковейший, самый уважаемый людоед в деревне. И самый старый, так как у него от времени даже отросли борода и усищи.

Оправив накидку из бурундучьих шкурок, он застучал большой берцовой костью по извлечённому из сумки черепу, призывая к тишине. Этот старый, пожелтевший череп, украшенный золотым венком, принадлежал раньше какому-то знатному витязю, даже князю или магу, которого Не-бестолковейший съел самолично. Созерцание реликвии, а тем более стук по ней, заставили укоротов успокоиться и забыть на время об отдавленных ногах и заготовленных оскорблениях. Не-простак замер одним из первых, всматриваясь в глазницы. Вдруг да мелькнёт там магический красный огонь?

– Ну, вот что, безусые уроды и недоноски! – начал Не-бестолковейший, с наслаждением пользуясь правом безнаказанно оскорблять и поносить соплеменников. – В ваши пустые головы уже, наверное, пришла мысль, что мы не на травке посидеть сюда собрались. Если не пришла, то поясну. Сегодня мы судим проклятого негодяя Не-такого!

Папаны и дупли согласно завопили, доказывая, что они не просто сидят на травке, и мысль им эта приходила.

– Засудим Не-такого! – закричал, не соблюдая порядка Не-добрый.

– Ты, баран! – резво осадил его Не-бестолковейший, – Усы сначала отрасти, потом будешь старших перебивать!

– Ха-ха-ха! – возрадовались вокруг.

Не-простак чуть на начал хлопать в ладоши, но вовремя сообразил, что осмеянный папан сидит слишком близко и может пырнуть кинжалом.

– Чего ржёте, недоумки?! – старейшина умел остановить веселье. – Вы такие же бараны, как и он! Мы здесь не для того, чтобы засудить. А для того, чтобы судить по истине и совести. Истина же – всегда одна. И если обвиняемый укорот окажется невиновен, то мы казним кого-нибудь другого. Например... того, кто больше всего сегодня кричал! Это будет по совести.

Не-простак, как и все укороты, испуганно притих. Никому не хотелось пострадать по совести. Казнить, конечно, не казнят, а вот чего-нибудь плохое сделать «попавшему на зуб» будут рады все. Опыт прошлых наказаний «по совести» был у многих.

– Так вот, – продолжил Не-бестолковейший, положив скалившую зубы реликвию перед собой. – Сегодня укорот Не-такой обвиняется...

Небо вдруг окрасилось в алый цвет, громыхнуло так, что земля задрожала. Не-простак в ужасе застыл на своём месте. В глазницах черепа явственно горел огонь!

III

Тропа по краю Ведьминого гребня – небольшого кряжа гор на границе венедских лесов, была безлюдна и потихоньку зарастала, особенно в низинах, где каждый раз после ухода властительницы зимы Морены талые воды покрывали камни налётом ила, и осока с орешником спешили пустить свои корни.

Велена, дочь воеводы, с интересом поглядывала по сторонам. Места были незнакомые, дикие, ждать можно было чего угодно. Они как раз преодолели очередной подъём, когда столкнулись с воином на кауром жеребце. Сопровождающие Велену дружинники потянулись за мечами, Карислав воинственно подал коня вперёд, но тут над гребнем полыхнуло алым, а когда свечение погасло, взгляды мужчин уже были гораздо более миролюбивы, так как все мысли были о чуде.

– Я думаю, это видение или магическое действие говорят о том, что нам по пути. А твоя красота ещё больше убеждает меня в этом. – Обезоруживающе улыбнулся тот, на кауром. Его совсем невоинственное, юное, округлое, слегка курносое, с по-детски припухлыми щеками и большими губами лицо сразу располагало к себе. Говорил он тоже приятно. Дружинники только хмыкнули, убирая оружие, а вот Карислав недовольно насупился.

И было понятно от чего. Незнакомец был явно богаче его и знатнее. Против червенской кольчуги Карислава – у него была снежинская, серебрянная. Против грубых сапог с жёлтыми разводами – червлёные сапожки, сафьяновые, с загнутыми острыми носками, больше для верховой езды назначенные, и сорочица – белоснежная, шелковистая, залесная. Почти как князь ряжен. Велене это понравилось, а на недовольство Карислава она решила не обращать внимания. Всё же она дочь воеводы, а он – верный дружинник князя Горимира, а значит и её тоже.

Вскоре они уже ехали вместе. Встретившегося им воина звали Святомором, а ехать им было действительно в одну сторону. Да и не было здесь других дорог в сторону Прилесья. Беседа получалась занятной, а вскоре и Карислав перестал дуться, видимо решив, что золотая гривна у него на шее и выставленная вперёд богато украшенная рукоять действительно изумительной работы меча стоят снежинской кольчуги. С мечом, правда, не всё было так хорошо, потому что он хранился в неприглядных, дешёвых ножнах, словно красавица, одетая в дерюгу. Будь у Велены такое оружие, она купила бы ему более пристойные одежды.

– Вот так-то погиб мой отец, – между тем рассказывал Велене Святомор. – Брежень тоже пал, не спасли высокие стены. С самой войны Дня и Ночи мои предки стояли при князьях. А теперь, – он махнул рукой, – всё утеряно. Теперь только я смогу вернуть роду славу. А почему иду в Итарград? Не след говорить вслух о заветных задумках, не то мавки украдут слова и не будет удачи в намеченном.

– Это точно, – подтвердил Горимиров дружинник. – Меньше будешь болтать – дольше проживёшь. Полыхают тут, понимаешь. Кстати, знаете, почему это жалкое подобие гор зовётся Ведьминым гребнем?

– Карислав, расскажи! – обрадовалась Велена. Легенды и сказки слушать она любила с детства.

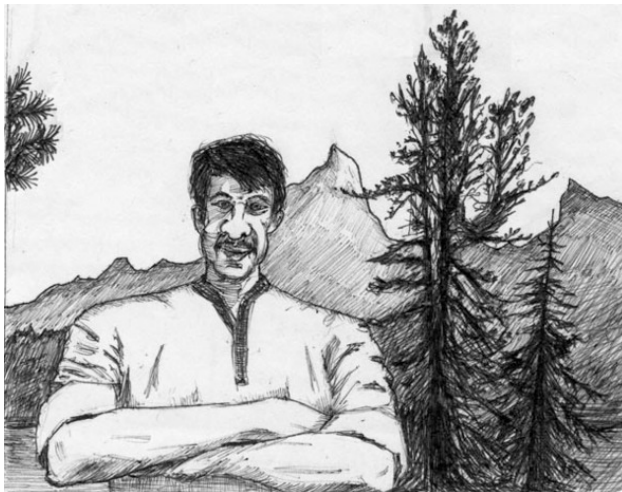
– Ну, в самые стародавние времена, ещё когда все три рода были едины и о каких сейчас уже мало кто рассказывает, жил один молодой крепкий дружинник, вроде меня. – Видно было, что Карислав был польщён вниманием не только Велены, но и Святомора. – Жил, значит.... А злая колдунья Яга украдала у него невесту, такую же прелестную как ты, Велена. Он, конечно, пошёл её искать. И в дремучем лесу, скорее всего в Корбовом, отыскал избушку Яги. Колдуньи дома не было, так что он мигом разметал всяких курдушей, каких у каждого колдуна много, и её освободил. А девушка, не будь дура, утащила у старухи волшебный гребень. И, когда Яга

их почти настигала, они бросили гребень оземь, и на том месте выросли горы с лесом. Яга и отстала. Потом они ещё платок и огниво кидали, но это вы и сами, поди, знаете.

– Ну из тебя и баюн, – улыбнулась Велена.

– Сказочки сказывать – это по мне! – Карислав не заметил иронии. – Вот это и есть тот самый Ведьмин гребень. Говорят, тут нечисти полно и мавки любят летать. Так что надо быть осторожнее. Да и вообще говоря, Прилесье, – места всё хмурые и скудные, княжым дружинникам тут особо ловить нечего.

Велена с этим легко согласилась. Алый всполох всё никак не шёл у неё из головы.

Карислав. Рис. автора

IV

– Слава Триглаву и пятиликому Поревиту! Свершилось! – Сновид торжествующе воздел руки к мрачным ликам венецких богов. А потом устало опустился на услужливо подставленную дубовую скамью. Перед ним на столе, в богатой золотой чаше самих ветхих времен, догорал огонь. Наконец, резко пахнув, жидкость, питающая его, прогорела, наполнив белесым дымом тесный вертеп-пещеру. Стоящие позади вещуны осторожно выдохнули, боясь спугнуть невидимую птицу удачи, накинули на тощие плечи главного волхва восточных родов теплые бровные шкуры. Зажгли лучины, торчащие из стен позади идолов.

Отдышавшись, Сновид поднял голову:

– Свершилось с давних времен ожидаемое. Знаменья не обманули. Знать не втуне мы веками наблюдали за небом, разумели в вертепах и капищах природу человеческую, приносили многие жертвы Триглаву, богу чародеев, варили колдовские зелья. Знания, простым людям неподвластные, помогли найти искомое! Нашлись руки Шелом имать могущие. Нашелся разум от соприкосновения с другими себя не теряющий!

Вещуны молчали, с благоговением глядя на главного волхва.

– В день сей, – продолжал Сновид, – отправился Предреченный судьбу добрых родов пытаться.

– А ежели возьмет, кому Шелом отдаст? – осмелился спросить один из вещунов, молодой и не сдержанный, не обтёсанный ещё чередой прожитых лет.

– А это, – старик грозно сверкнул очами, – не нашего разума дело. Для нас важно, чтобы Шелом Итар, коей сокрыт от людей в Каменном Зубе Итарграда, вернулся добрым родом. И на сивере и на западе сейчас о том же волхвы богов молят.

– Молят то молят, да все, почитай, для своего князя Шелом прочат! – не сдавался упрямый вещун, сжимая тонкие губы.

– Кому именно Шелом отведен будет, то забота Предреченного, да князей, мы же помнить должны о благе всех добрых родов. – Старик раздражённо поправил шкуры.

– Будет ли благо то, ежели чужие князья Шелом имать будут? – в голосе спросившего послышался откровенный вызов.

– Нет в добрых родах чужих князей! – взъярился волхв. – Не о том глаголите, корыстники завистливые! Думайте о том, что станется, ежели Шелом ещё в Итарграде год пробудет, когда летборгцы наступают или ежели в руки рабов Камня попадёт. Думайте о том, знатоки человетцев, себя не знающие! – Старик вскочил, сбросив шкуры, и сжал кулаки. – Думайте и страшитесь!

Он снова сел. Больно было Сновиду, что забывают молодые богов и старые заветы, легенд не помнят. Для них Шлем – всего лишь магическая вещь, символ власти, а бог грозы и войны – Поревит – всего лишь имя. А ведь было время, когда в Битве Творений Поревит сам возглавил войска богов против творений сыновей Великого Рода – Асилка и Велета, и не только молниями, но и мечом разил людей. Было и время примирения, когда люди добрых родов встали под знамёна Поревита против войск Смарда. В признание мужества, как символ единства в противостоянии злу, перед битвой подарил Поревит свой чудесный шлем предводителю людей – Расту. Боги и люди победили. Раст погиб в той битве, Шлем достался его сыну. Но после начались раздоры, Шлем попал в руки Злыгостя, между родами вспыхнула война. Тогда, последний раз на памяти людей, Поревит вмешался, повелел сокрыть Шлем в Итарграде. И никто не сможет имать его оттуда, покуда беды и войны не понудят добрые роды объединиться, покуда не появятся достойные чести надеть Шлем и повести за собою людей.

И вот, время настало, враги взяли венецов в круг, горе стучится в каждое селище. А в день сегодняшней появился Предреченный, тот, кому дано войти в Храм и взять оттуда Шлем бога,

тот, кто должен решить – кому вести за собою людей. И что ж? Даже его, Сновида, ближние ученики мыслят так, что появился человек, который МОЖЕТ взять подарок Поревита. А ведь «может», ещё не есть «должен». И что Предречённому предстоит сделать, чтобы взять Шлем, что должны сделать люди, чтобы заполучить Итар, об этом кто мыслит, кто помнит? Одни раздоры, выгоды на уме!

Одно добро, теперь есть надежда. Поревит гнев свой оставил. Если Предречённый успеет...

Взгляд Сновида вновь упал на чашу. Он отшатнулся. Что-то было не так!

V

На другой день после встречи со Святомором Ведьмин гребень был почти преодолён. Но Карислава не зря мучили предчувствия. За очередным поворотом они увидели человека, сидящего на нависшем над тропой огромном камне, упёршимся в склон. С другой стороны тропу ограничивал обрыв, так что объехать камень иной дорогой, нечего было и думать. Брони на незнакомце не было видно, сорочица простая, плащ – невзрачный, но висящий на боку меч показывал, что о встреченном человеке не стоит судить по одежде. На его худом, скуластом, чуть вытянутом лице резко выделялся по-венедски крупный, но слегка с горбинкой нос, густые брови под высоким лбом, не скрытым короткими, ни чем не прибранными волосами.

Дружинники остановились. Незнакомец сидел неподвижно, разглядывал их, слегка шурясь.

– Кто такой? – Карислав угрожающе подбоченился.

– А вы кто и куда идёте? – незнакомец оскалился неприятной улыбкой.

– Кто мы такие и куда идём – не твоё собачье дело!

– Ха! – незнакомец зло раздул крылья носа и опять издевательски оскалился. – А я всё-таки хотел бы услышать ответ! – он ловко спрыгнул на землю, загоразивая собой дорогу.

– А ты сам кто, чтоб нас пытаться? – Карислав попятился, до половины вынув меч из ножен и оглядываясь вокруг. Святомор занял место подле, так же озираясь, но оружие доставать не спешил.

– Я – Волк-Оборотень. – Чужак вновь оскалил зубы и впрямь напоминающие волчьи клыки. – И хочу знать, кто это в моё Прилесье пожаловал.

– А я таких волков как ты... – начал было отповедь Карислав, но Велена перебила, протиснувшись вперёд:

– Погодите! Не след ссорится из-за пустого! Слова, они ведь дешёвы, а жизни стоят дороже, так ведь? – она обернулась к Святомору и дождалась его согласного кивка. – Мы все из западных родов, идём к жилому в Прилесье, хотим пройти через Корбовый лес к Итарграду.

Карислав в досаде сжал кулаки. Вот уж эти болтливые женщины! Ну кто же про свою дорогу чужакам рассказывает? Ой, не к добру это!

– Меня зовут Велена, – продолжала между тем девушка, – а это, – она повела рукой в сторону остальных, – мои спутники, Карислав, Святомор и охрана. Может, ты покажешь нам дорогу до корчмы? Говорят, именно оттуда идёт дорога к Итарграду.

– Дороги через Корбовый лес нет уже много лет, разве вы не знаете? – криво ухмыльнулся чужак, пристально разглядывая венедку.

– Мы слышали. – Вмешался Святомор. – Но ведь она была, значит можно проторить снова.

– Верно, но не в Корбовом лесу! Теперь там по одной дороге только один раз и ходят – прямиком в ирий, да не туда, где боги пируют, а туда где они гадят! А сейчас там и такую дорогу сыскать не удастся, умирать в чаще придётся. Хотя... – разбойник выдержал паузу, переводя взгляд с одного венеда на другого и вогнав Карислава в дрожь. – Я мог бы, пожалуй, провести таких смельчаков. Но это вам дорого станет.

– А мы обойдёмся без твоей разбойничьей хари! – не выдержал Карислав. – Может теперь, когда ты узнал что хотел, уберёшься с дороги?!

– Ну, ну! – снова усмехнулся чужак, попятился, не сводя глаз с Велены, а потом повернулся, и скрылся за камнем.

Ни стрел из чащи, ни воинственных криков нападающих не последовало ни теперь, ни когда они обогнули валун и последовали дальше.

– Брать такого татя в провожатые! – облегчённо выдохнул Карислав. – Проще сразу сунуть голову в пасть беру! Я бы такими дикое зверьё кормил. Видали? Ни на рукавах, ни на воротах – ни одного знака-оберега, ни петухов, ни яровых знаков. Волосы искромсаны почти под корень, а морда, как у зверя! Проводничок нашёлся! Завёл бы к татям в засаду и глотки бы нам всем перерезал. Я же говорил, что этот Ведьмачий гребень – отвратное место!

VI

После разговора с Белояром Душильц долго чесал свою голову. Что за ботва – пойдти туда, не знаю куда, найди того, не знаю кого! Какая-то девочка в помощь, какой-то засланец... Опиять своей задницей рисковать! И зачем он только пошёл в магическую обучающую, школу, как лабиринты это называют?! Сейчас бы лежал на печи, да жрал калачи, ан нет, приходится суетиться, выёживаться, засланца вот какого-то искать. Да ещё чтоб Сновид не знал!

Душильц шлёпнул по крутой попке лежащей рядом обнажённой девицы, поднялся.

– Куда ты, душа моя? – томно проворковала она, переворачиваясь. Её полные груди соблазнительно колыхнулись, чуть не заставив мастера-мага снова залезть на полати. Но он сдержался.

– Мир спасать иду. Так что придётся тебя пока оставить.

– Мир спасать?! А ты сможешь? – девица захлопала ресницами.

– В полный рост! Моей могучности хватит, чтобы по уши, это самое, всех спасти. Один только браслет чего стоит! Видишь эту медную штуку на моей руке? Может воздушного духа вызывать мне на помощь. Простого человека, не такого крутого, как я — дух сожрёт весьма жизнерадостно... Слушай, а где мои порты?

– Порты? Так ты, кажется, ещё на лестнице их начал скидывать, когда я тебя своими поцелуями пригрела.

– Как всё запущено. Не мог я их на лестнице оставить.

– Как же не мог? Ты ведь в страсти весь был, горел весь, – мечтательно вздохнула девица, снова соблазнительно переворачиваясь.

Душильц смущённо закашлялся и пошевелил усами. Неужели он и правда так увлёкся? А что теперь, без портов делать? Он прошлёпал по дощатому полу к двери, открыл её, выглянул. Темный коридор и ещё более тёмная лестница гостевой избы не позволяли что-либо увидеть. А внизу, в корчме, стоял неумолчный шум, сновали люди, визжали женщины. Выходить без портов было не очень уютно. Он прикрыл дверь.

– Слушай, э... – тут он понял, что напрочь забыл, как зовут девицу. – Слушай, сходи, посмотри мои порты.

– Вот ещё! Ты даже имени моего не помнишь, а я тебе за портами буду бегать?

– Да, блин! Ну слушай, ты же воплощение белостности и пушистости, ну что тебе стоит сходить, поглазеть там?

– Правда, пушистости? – заинтересовалась девица, приподнявшись и вновь демонстрируя свою грудь. – Ну, так и быть! Схожу, гляну. – Она грациозно поднялась, одела исподнее, юбку, сорочицу, накидку, завязала один пояс, другой, одела бусы, нацепила серьги, принялась шнуровать один сапужок, потом другой...

Душильц стоял без портов и злился всё сильнее и сильнее. Когда девица, наконец, собралась, он уже был готов её убить, но сдержался, ответил поцелуем на поцелуй, проводил до двери. Девица растворилась в темноте, заскрипели под её ногами ступени, а потом всё стихло, только слышался едва различимый шум корчмы.

Он ждал, ждал... пока не понял, что снова облажался. Кинулся к своим подшумочкам, кое-как разобрался в них в полумраке. Ну, так и есть – исчезли куны! «Мать её! Пасть порву! Поубиваю! Это же надо – так обделаться! Да ещё порты потерять!»

Душильц был вне себя. Но бегать голышом по комнате ему скоро надоело. В конце концов, он маг, или где? Не вешун какой-нибудь, ни ведун, ни колдун, а настоящий мастер-маг, специалист, можно сказать, по мозгоколуванию. Душильц сосредоточился, проник разумом в корчму, захохотал какого-то мужичонку и заставил идти к себе. Проблема была только в том,

что он сам толком не знал, где находится. Определял он, где идёт мужичок только по крикам, визгам и стукам на лестнице и в других комнатах.

Наконец, дверь распахнулась, и в неё ввалился порядком измочаленный итарец.

– Скидывай порты! – взял быка за рога Душильц.

– Да ты что?! – глаза мужика стали круглые от ужаса, когда он разглядел голый мужской торс. – Не позорь, мил человек!

– Да, блин, скидывай порты, ёлы-палы, а не то я тебя...

Мужик, однако, порты не снимал. Пришлось снова колупаться у него в мозгу, подчинять разум. Заполучив нужные вещи, он выпнул мужика за дверь, заставив забыть о том, что с ним случилось. Затем одел порты, повесил на шею десяток самых крутых амулетов, натянул свою специальную зелёную хламиду, зашнуровал рукава, затянул перевязь, перекинул через плечо подсумки с магическими шурушками, навесил на другое кошель с амулетами, причиндалами и записулями, пристегнул специальный коробок с особым порошком, натянул сапоги, сунул за голенище метательный нож на большие расстояния, за другое нож для близкой цели, потом, за пояс, нож для вспарывания всяческих придурков, с другой стороны, нож на случай потери главного ножа, в рукав – потайной нож, ну и, наконец, распихал остальные восемь по специальным ножнам, хитро пришитым изнутри к хламиде. Осталось только спрятать под одеждой короткий меч, взять котомку, и вот – он уже готов отправиться в путь.

Да нет, не будет он рвать пасть этой грудастой воровке, и без другой девочки тоже обойдётся. Он сам найдёт задницу этого засланца, пошарится вдоль границы, поколупает у кого следует, и найдёт.

VI

Святомор был доволен, что встретил Велену и Карислава. Он не стал им рассказывать, что перед этим заблудился и ехал прямо в противоположную сторону. Да это и не важно. Главное, у него появились хорошие спутники, если повезёт – до самого Итарграда.

Карислав был словоохотливым малым из западных венедов. Правда внешность у него была совсем не венедская, крупный нос ещё туда-сюда, но волосы и усы уж больно чёрные, да кожа смуглая – вылитый горец, только широкоплечий как бреженский пахарь. Вообще-то, чужаков князья жаловали, так что не удивительно, что Карислав попал в Горимирову дружину.

Его спутница оказалась дочерью недавно погибшего воеводы Буриvoja. Слышал он о таком, знатный был воевода. И дочь у него замечательная. Волосы волнами спадали на её спину, против обычая не заплетённые в косу, а лишь украшенные алой лентой, живое, женственное лицо, загоревшее на солнце, было весёлым и милым. Никаких украшений, кроме серого камушка оберега и трёх заступников – коготков родового зверя – она не носила. Зато носила мужскую одежду и тонкой работы кольчугу, меч и налучие, а смотрелись они на ней так естественно, что любо-дорого посмотреть. Такую воительницу даже в нынешние гиблые времена встретишь не часто.

После встречи с Волком-Оборотнем Карислав долго не мог успокоиться:

– Подлый тать! Я уверен, что там, рядом, пряталась целая шайка! Ведь как нагло себя вёл! В одиночку-то небось... – Карислав осекся и предположил: – Слушай, Святомор, а может он из нечисти? А что, они часто в людскую личину рядятся.

– Я бы почувствовал, – возразил Святомор. – Мой отец не только старшим дружинником был при Воиславе – отце Горимира, но и за чародея слыл, знал травы, волшебю, магию. Кое-чему и меня научил.

– Так ты обавник?! – широко раскрыла глаза Велена.

– Можно, наверное, и так сказать, – поморщился Святомор. – Но это всё просто забавы ради, пока не на ком косточки размять. А вообще, иногда в жизни помогает. Правда дара как у кудесников у меня нет и ведовство не по мне, не достойно оно витязя. Но уж нечисть вижу насквозь! – Святомор слегка лукавил, но считал, что лучше перехвалить себя, чем недохватить.

Как раз во время этого разговора они и выехали к приземистой корчме, скрывавшейся за высоким тыном на вершине холма. Со стороны пустошей виднелась лишь латаная покатая крыша, с грубо сколоченной наблюдательной вышкой у конька. За то на покосившихся, темных от времени воротах, к которым они подъехали, красовалась вывеска с криво вырезанными буквами.

– «Последнее пристанище» – прочёл Святомор, с трудом разбирая корявые резы.

– Хорошее название! – пробурчал недовольно Карислав. – И что это всё вокруг такое заупокойное? Потому, наверное, и последнее, что отсюда прямо в ирий – в первую же ночь прирежут или отравят.

Святомор. Рис. автора

VII

Обширный двор был похож на поле битвы богов, настолько беспорядочно там располагались коновязи, выгребные ямы, повозки, неопрятные столы и коптящие очаги. Презируя огонь, хозяева здесь же свалили несколько куч сена, служащих одновременно кормушками для лошадей и лежанками для постояльцев. Везде сновали, лежали, грелись у огня, пили и ели разбойного вида люди, в одиночку и целыми семьями. Все при оружии, с ножами даже дети.

– Хозяин! – прокаркал с вышки какой-то оборванец, только сейчас узревший путников. Как показалось Велене, на его крик обратили внимания не больше, чем на карканье настоящей вороны. Но потом над низким крыльцом корчмы заскрипела дверь.

Велена ожидала увидеть обычную в таких случаях грузную как сама корчма фигуру и поэтому не сразу узрела на пороге маленького, едва ли в два локтя человека. А как заметила – ахнула, признав в нём домового.

Обычно домовые не показывались людям, и сама Велена за всю жизнь видела их лишь мельком, как спешащие прочь видения. Этот же никуда спешить не собирался. А потому, как важно домовый подпирал кулачками бока, становилось понятно, что именно он и был хозяином корчмы.

– Добро пожаловать, разинувшие рот гости! Меня спужались, али проголодались? – весело заговорил домовый, рассматривая их из-под густых косм. – Что надоть? Накормить? Напоить? – он вытер руку о штаны и начал загибать пальцы. – В баньке попарить? Спать уложить? Девоч привести?

– Пока только напоить и накормить! – поспешил остановить его Святомор, и Велена с удовольствием заметила, как он покраснел. Впрочем, банька не прельщала и её. Девушка успела заметить, что дым валит из притулившейся у тына халупы, больше похожей на сторевший сарай, чем на баню. В большой луже перед входом, явно заменявшей пруд для купания, лежали довольные свиньи.

Домовой разогнул три пальца, разочарованно посмотрел на оставшиеся два:

– Сделаем. Где желаете, в корчме или во дворе?

– Святомор, Карислав, давайте во дворе! – попросила Велена, с сомнением глядя в непроглядно черный дверной проём за спиной домового. Лучше комары и мухи, чем клопы и тараканы.

– Во дворе будем. – Карислав направился к ближайшему свободному столу, заваленному объедками. На столе нагло хозяйничали вороны, даже не думая взлетать при его приближении.

– А-а! – хихикнул домовый, – Тогда это дело дворового! – И скрылся в корчме.

Стол с объедками вдруг опрокинулся, заставив Карислава отпрыгнуть. Вороны взлетели, досадливо каркая, а из-за стола показался человек – ровня домовому, только ещё более худой и гораздо более хмурый, чем тот. Он деловито поставил стол на ноги, стряхнул рукавом оставшиеся крошки, и представился:

– Я дворовой. Стол свободен, так что будьте как дома! – и умчался куда-то, на своих маленьких ножках.

Сгущались сумерки. Карислав разыскал пару чурок для сидения, одну из них предложив ей. Велена благодарно улыбнулась. Хорошо иметь такого Карислава!

А через мгновение примчался дворовой, и на столе появился ржаной хлеб, горшки с просяной кашей и кувшины с квасом.

После ужина Велена простилась со своими молчаливыми провожатыми.

– Ни в какую не хотят оставаться, – пожаловалась она Кариславу. – Даже ночевать не хотят, говорят, лучше в поле у костра, чем в этом разбойничьем логове.

Карислав поверил. И хорошо, зачем ему знать, что она сама отослала воинов.

VIII

Наевшись, Карислав облокотился на стол, поглядывая на Велену, и затеял разговор:

– Эх, в этом Прилесье ничего не смыслят в настоящей еде! Разве же воина просяной кашей прокормишь? Нет, чтобы телятины дать или поросёночка заколоть!

– Так ты же сам кинул ему всего одну куну! – удивился Святомор.

– Ну, так я думаю, что у них на большее и еды нет. – Возразил Карислав, надеясь, что Святомор не заметит, что у соседнего очага, судя по запаху, уплетали свинину. Святомор заметил.

– Да вот, тем же дворовой свинины принёс. И нам бы подал, коли захотели бы.

– А, теперь уже поздно, поели, – махнул рукой Карислав и поспешил сменить тему. – Здесь вообще подозрительное место, верно? Домовые не прячутся, ходят прям как люди.

– А вы когда-нибудь раньше видели домовых? – поинтересовалась, понизив голос, Велена.

– В виде котов – часто, а так – всего пару раз, – подумав, сказал Святомор.

– А меня они обычно боятся. – Карислав оглянулся. – И вообще, мне здесь не нравится. Сразу чувствуется, что вокруг полно нечисти. Может из-за того, что Корбовый лес близок?

Собственная идея пройти через Корбовый лес нравилась ему всё меньше. Нелюдь вокруг пешком ходит и никто даже не удивляется! Как будто так оно и должно! Домовой вместо корчмаря. Расскажи кому в Червене – засмеют. А может и остальные тоже нежить? Карислав принялся насторожено оглядывать людей по соседству. И вдруг столкнулся с холодным, пристальным взглядом серых глаз. Воина пробил холодный пот. На него, растягивая губы в наглой усмешке, смотрел Волк-Оборотень!

– Вон! Видали?! Сидит! – ткнул туда пальцем Карислав, привлекая внимание спутников. – Только этой твари тут и не хватало! – глаза он поспешил отвести, так как Оборотень не смутился и не подумал отвернуться.

«Вокруг и так не спокойно, – думал между тем Карислав. – С тех пор как в Овруче хозяйничает Моймир, татьба на дорогах страшная. Да вон и нечисть, видно, из Корбового леса лезет. И вот это ещё. Добро, что он нашёл себе спутников, в одиночку здесь было бы совсем тошно. Когда он встретил девку, с двумя молодцами, подвизавшимися её охранять, то никак не мог взять в толк, чего она просит взять её с собой. Теперь-то понятно, что она не надеялась на сопровождавших трусов. Но тогда они трусливыми не казались, а выглядели сущими головорезами, ехать с ними не хотелось. Велену выручила его слабинка, не смог себе отказать в желании пообщаться с симпатичной девушкой. Она, правда, обузой не стала, потому как была умна и привычна к походной жизни, хотя непонятное стремление идти в Итарград забытым Лесным трактом и рождало сомнение в ее здравомыслии. Кроме того, она была весьма мила. Вот только краса ни от меча, ни от наговора не спасет, и потому он теперь был рад, что к ним присоединился обавник Святомор.

«Странно, – размышлял про себя Карислав, – воин-обавник. И отец его – ближний дружинник Воислава... В старшую дружину западные венеда попадали не часто, только знатнейшие. Так значит этому Святомору уже сейчас дорога в витязи протоптана, а ему, Кариславу, горы свернуть надо, чтоб попасть, хотя бы он во сто крат сильнее был и доблестнее!

А с другой стороны, как можно знатный род таким делом позорить? Он, Карислав, никогда бы колдовством не стал мараться. Не к лицу это воину. Хорошо, что Горимир не в отца пошел, ничего кроме честных мечей не приемлет. Так что, еще неизвестно, кто быстрее в старшей дружине окажется – мелькнула вдруг честолюбивая мысль. – Вот справит он дело в Итарграде, тогда посмотрим...

– Этот Оборотень всё смотрит и смотрит, – шепот Велены прервал мечты воина. – Что ему от нас надо?

IX

– Ты звал, княже? – в палаты решительно вошёл высокий, с длинной, густой бородой и резкими чертами лица мужчина, с головы до ног закутанный в лохматые шкуры чудовищного древнего зверя.

– Здравствуй, вещун. – Князь поднялся со своего устланного мехами ложа, оправив сорочичу, шагнул на встречу. Его молодое, красивое, с аккуратно подстриженной бородой лицо выражало радушие, но глаза – две голубые льдинки, пристально и хищно следили за Бялом, лишь неделю как сменившим бывшего главу сиверских вещунов. Пускай князь восточников – Белояр, пляшет под дудку вещунов. На сивере один хозяин – он, Мечислав. А старый вещун видно забыл про это, если упустил срок, когда появился Предречённый. Бял, по мнению Мечислава, был более решителен и умён. А что до заносчивости, то князь окучивал и не таких.

– Что скажешь, Бял? Скоро ли отыщешь Предречённого?

– Княже, пришла весть от Сновида. Он обещает не вмешиваться и предлагает сделать то же.

– А ты?

– Послал людей в земли Белояра и Горимира, настрополил послухов в Итарграде. И отправил туда Святомора.

– Хорошо. Но Святомор княжич, а не маг, там же нужны будут маги.

– Он обавник. И умён. Там и так будет хватать колдунов и магов. А всех наших сильных ведунов ты, княже, держишь при войске.

– Сам знаю, но что толку от Святомора?

– Он идёт как вой Горимира из Брежня, через Корбовый лес. Если не погибнет, то будет на месте быстрее всех и не вызовет подозрений. А когда Предречённый появится в Итарграде...

– Ясно. – Князь развернулся и зашагал по увешанной оружием палате. – Этот Предречённый, кто он?

– Он может быть кем угодно.

Надо, чтобы Святомор дошёл до Итарграда. А когда найдёт Предречённого, я должен быть рядом. Чтобы тот увидел, кому действительно нужно отдать Шлем. Пора уже объединить в одно целое все добрые роды. – Князь сжал свой могучий кулак и несколько мгновений смотрел на него так, словно это уже и было все вenedское племя вместе. – А для этого, надо готовить дружину и лоды.

Х

Отодвигая пустую чашку, Святомор подумал, правильно ли он поступил, что не оставил на дне ничего для тутошной нежити? Впрочем, судя по тому, кто здесь заправляет, впроголодь, пожалуй, не сидят. А им с Кариславом и Веленой не стоит здесь засиживаться. Поэтому Святомор решил не затягивать важный разговор.

– Надо бы решить, как дальше поступать. Я так мыслю, что «Последнее пристанище» на то и последнее, что до опушки Корбового леса рукой подать. Через лес до Итарграда путь не близкий, а мы ни троп, ни дорог не знаем, да и вообще о лесе ничего кроме слухов нехороших не слышали.

– Скорее не слухов, а страхов, – возразила Велена.

– Верны они, или нет, а напролом не полезешь.

– Ага – лучше здесь с нечистью посидеть да ножа в бок подождать, – проворчал Карислав.

– Мы не можем ждать, – заёрзала Велена на своём чурбачке. – Нам нужно поговорить с людьми, узнать побольше о Корбовом лесе. Может, мы сумеем найти проводника.

– Проводника до первой ночевки, чтоб без головы и без денег проснуться?

Святомор улыбнулся. Карислав явно не подумал о том, что нельзя проснуться без головы.

– Много ты тут видишь людей, которым можно доверять? – продолжал воин, не заметив улыбки.

– Мало, – согласилась девушка. – Но мы же сами пути не найдем...

– Да-а... – погладив свою гладкую щеку, задумался Святомор. – Есть один способ. Правда не хотелось бы его здесь применять...

– Обавать?! – загорелись глаза у Велены.

– Позвать, – мягко поправил Святомор. Если есть кто рядом, способный внутреннюю речь услышать – отзовется.

– И вон тот тать – первым! – с неприязнью покосился на Волка дружинник. Заметив его жест, тот оскалился в полумраке, и Карислав замахал руками: – Ну ее, эту ворожбу! Обойдемся!

– А я думаю, надо попробовать, – Велена тряхнула головой. – Ведь в этом ничего такого страшного нет, правда, Карислав?

– Да... ну... в общем, надо бы конечно попробовать...

Святомор пожал плечами, сел поудобнее и закрыл глаза. Представил себе яркий, солнечный день, себя, стоявшего посреди цветущего луга. И стал мысленно звать всё, что любит свет, всех, кто слышит радость в песне жаворонка...

Но уши вдруг заложило противное карканье воронья.

– Кыш, проклятые твари! Кыш вам говорю, заорал рядом Карислав. Святомор, ты чего творишь, чего они к тебе лезут?!

Святомор лишь сильнее зажмурился, сосредоточился, попытался представить светлый лес, солнце, играющее на листве, плещущихся в озере рыб. И снова позвал...

И почувствовал, как кто-то вцепился в его голень. Жутко больно вцепился! Он распахнул глаза и увидел как Велена, с нежным возгласом «Киса!» пытается оторвать от его ног здорового, угольно-чёрного кота. Кот только сильнее выпустил когти, недовольно заорав. Святомор тоже чуть не заорал от боли, стукнул кулаком по кошачьей башке, и паршивец, мявкнув, отпустил, вырвался из рук Велены и стремглав взобрался на крышу корчмы.

– Фу ты! – шумно перевёл дух Карислав. – Я уж думал всё – это тебя шиши или злыдни под землю тянут. Кота в темноте не видно было. Да и кот ли это?

– Кот, – подтвердила Велена. – Святомор, зачем ты его так сильно... по голове?

Святомор промолчал. Хотелось под землю провалиться от стыда за неудачное обавание. Хотя он вроде всё сделал правильно.

– Чего звали, чего надоть? – домовый неожиданно прервал повисшее молчание.

– Мы не звали! – удивился Карислав.

– Как же, как же, я слышал. И ворон зачем-то подозвали и коты моего рыбкой соблазнили. А вместо рыбки – одни побои. А хотели-то чегошеньки?

– Да, я звал, – растерялся Святомор. – Только...

– Не меня и не котикшу? – захихикал домовый. – Так поосторожней надо. А то кого похуже призовёте. Да неужто надеялись берегинь увидеть? «я призываю добрые силы...» – нараспев передразнил он Святомора. – Да откедова им тута взяться! Окромя меня тут из говорящих тварей только дубина дворовой внутреннюю речь слышит. Да он поди уже пьяный валяется, – домовый вытер руки о штаны и залез на стол, усевшись среди не убранной посуды. – Откедова здесь, возле самого Корбового леса, в самое, что ни на есть глухоночье, «добрые силы»? Тут только мы – страшные и ужасные! Но шутки ради я вас даже не съем. – Он подмигнул притихшему Кариславу. – Так есть у вас ко мне дело, али нет?

– Мы вообще-то хотели узнать кое-что про лес. – Святомор постепенно приходил в себя. – Но...

– Мы через лес хотим к Итарграду пройти, – перебила его Велена. – Ты можешь сказать нам, как это лучше сделать?

– Через Корбовый лес?! – домовый даже приподнял закрывающие глаза космы, чтобы лучше видеть. – Бр-р-р! Бросьте-ка лучше эту затею! Для людёв путь через Корбовый лес напрочь закрыт. Откедова вы только такие умники берётесь, через лес собирающиеся? Люди даже жить-то рядом опасаются, все тропки-дорожки давно быльём поросли.

– А старая дорога на Итарград?

– Над Лесным трактом уже сто лет даже птицы не летают, такая там мразь и темень поселилась. И если вы нас нечистью называете, то я не знаю, как вы это назовёте. А хозяина всей этой мерзости в Прилесье Ужасом зовут.

– И что, неужто за все эти годы никто через лес не проходил? – не поверила Велена.

– Проходили. Колдуны, да ведуны. Да ведь вы не из таких, верно? – он подмигнул теперь уже Святомору.

– Верно, не колдуны, но нам нужно пройти! – ударил кулаком по столу Карислав.

– Мало ли кому нужненько что! Раньше было несколько человек, которые брались через лес переводить, да все они, в конце концов, там и сгинули. Доводились человечешки! А уж без проводника вам нипочём не пройти.

– А вон тот человек? – Велена указала рукой туда, где сидел их давешний мрачный знакомый. – Он говорил, что может провести через Корбовый лес.

Хозяин даже не оглянулся, видать знал о ком речь. «А может, уже ждал вопроса» – подумал Святомор.

– Этот? Возможно, – домовый оглядел венедов. – Этот, могёт быть, и вправду может.

XI

Горимир с малой дружиной выезжал из Червеня, будто бы на охоту. Но цель его была далеко в стороне от заповедных княжеских лесов, где в изобилии водились сохатые, туры, вепри и прочая славная дичь. Три дня дружина скакала на север, вдоль реки Дивы, за далёко объезжая селища и веси. К капищу же пятиликого Поревита, надёжно скрытому дремучим лесом, он ездил один. Потом снова дальний путь в сторону Овруча. А теперь он спешил обратно в стольный град. Не то чтобы в его отсутствие что-то могло случиться, его старший сын Яромир был вполне способен удержать братьев от безрассудств и охранить город. Просто князь нуждался в совете.

Горимир оглянулся на дружинников. Все угрюмые и широкоплечие, как он сам, с лицами, задубевшими от ветра и солнца, испещренными шрамами. Все опытные, хваткие, проверенные в множестве схваток с летборгцами и в своих усобицах.

«Что за упрямая дочь осталась у Буривоя, – вновь подумал он, наливаясь яростью, – предлагал ей лучших воев в провожатые, всех отринула. Впрочем, в уме ей не занимать, – быстро успокоился князь, – много мудрых слов привела в своё оправдание. Что дескать каждого его воя за версту видно, а вражеских послухов и лазутчиков привлекать никак нельзя. Да, конечно, дело серьёзное, разыскать человека за Шлемом идущего, когда неизвестно ещё кто это – мужчина ли, баба или вовсе ребёнок. Даже то, что он будет из венецов, не обещают вещуны. Разыскать такого – как иголку в стогу сена найти. Ну а как убьют её, случаем? Девка умна и сметлива, умеет и слушать и действовать, но против опытных мечей не устоит. И приметил же ей под Овручем этот олух Карислав! – князь в досаде махнул рукой. – Конечно, он не из последних, всё же сын Велемира, силой боги не обидели, но молод, глуп ещё, тщеславен. Впрочем, Велена говорила, что ей именно такой и нужен, про какие-то его достоинства ещё говорила. Но потребовала, чтоб о цели он ничего не знал. И даже о том, что ей в помощь послан, до того как в Итарград придут».

Как же интересно она его так обернёт, чтоб по дороге ей помогал, в пьянство не ударился, да за какой-нибудь юбкой не сбёт? Правда, волхвы его на путь в Итарград быстро наставили, опоили мухоморами, окурили дурман-травами, так заморочили, что едва на ноги потом подняли. Но уж как встал, так и пошёл в сторону Корбового леса, на Итарград. Правда волхвы говорят, что если влюбится вдруг, то может и сбиться с дороги. Да в кого ему ещё влюбляться, кроме Велены? Ох уж эти добры молодцы, тупые головыши, всё о бабах!

Велена вскоре выехала вослед. Хотела ехать одна, но он уж был бы совсем дурак как силькикринг, если бы не дал сопровождающих, через земли, захваченные отщепенцем Моймиром, пробраться. Хоть до леса безопасно доберётся».

Дальше мысль князя потекла в сторону борьбы с Летборгом. Вспоминал поражения в Лукоморье, под Бреженем, где погиб славный воевода Буривой и под Овручем, где из-за измены Моймира полегла большая часть червенского ополчения. И вот теперь не поднимаются больше по Диве суда, торговля с лабир-аниранами пресеклась. Летборгцы набирают силу день ото дня, а князья сивера и востока не помогут – своих бед хватает, да и свежи многие обиды от усобиц друг с другом. Ещё немного и сгинут венецы поодиночке. Нет единого князя и народа единого – нет.

По преданию единым князем станет тот, кто наденет в трудную годину Шлем Итар, шлем самого Поревита. «Вот если бы Шлем достался ему! – Горимир даже зажмурился, представляя столь великий миг. Как бы разметал он единым махом летборгцев, с землёй сравнял их каменный город, рассеял их по свету! Потом пришёл бы на помощь аталам и уничтожил гнездо зла в горах Изверы. А там, глядишь, и скаредных лабир-аниран под свою руку прибрал! И венецы враз простили бы ему усобицы, как узрели бы Шлем Поревита на его голове».

Впрочем, не до жиру. Сейчас вопрос как выжить стоит. А тут и человек нужный появился, как сказывают волхвы. Тот, кто Шлем иметь может, и должен передать тому, кто наиболее достоин, как знак княжеской власти над всеми венедами родами. А вот кому, кто достойней? В том вся и загвоздка. Несомненно, что самый достойный, это тот, кто приложил больше всех сил, чтоб добыть Шлем. Поэтому он, Горимир, не допустит, чтобы тот Шлем Белояру достался, или, ещё хуже, Мечиславу.

Ещё не хватало, чтобы сиверские скоты или восточные сыродцы власть над родами в свои руки брали! Поди только и мечтают дружину его распустить, города срыть, и им как рабом помыкать! Лучше уж он ими помыкать станет. Жесток не будет, хотя Белояру и Мечиславу глаза выколоть надо, чтоб помнили руку Горимирову! А коли сила за ним будет, то и Правда – его! А правда слабых, есть ли она? И где ту правду сыскать, чтоб кривды не было?»

XII

– Расскажи, что ты знаешь об Оборотне? – попросил Велена.

– Кто он и откедова – не известно. А кличут верно, то Оборотнем то Волком, имён здесь не спрашивают, – домовый захихикал. – А его ещё и побаиваются, хотя здешний народец не такой уж и трусоватый. Живёт-то Волк почитай всё время в лесах, да на Ведьмином гребне, людёв чурается, к жилью выходит редко. А исчезает и появляется всегда внезапно.

– Он что, действительно оборотень? – поинтересовался Святомор.

– А это вам, людям, виднее, – усмехнулся хозяин. – По мне так вы все оборотники, каждый на свой лад.

– Скажи, – Велена пыталась заглянуть в глаза домовому. – Вы же должны знать, добрый он или злой? Что он людям несёт?

Карислав, не сдержавшись, фыркнул возмущённо, но промолчал.

– Добрый? Злой? – удивился домовый. – По какому такому покону этакое звание одиночке может быть дано? Что вы, люди, сказать можете о человеке без рода, племени, без отца, матери?

– Изгой! – презрительно процедил Карислав.

– Сирота. – Вздохнула Велена.

– Вот вы и ответили на свой вопрос. А что есть добро, что зло, то каждый понимает по-своему.

– Но ведь говорит он по-венедски, значит венедские законы должен чтить. – Возразил Святомор. Если чтит, значит добрый.

– Да что ты говоришь! – вспылил Карислав. – Ты посмотри на эту рожу! Какие законы? Какие венеды? У таких один закон – на чужое добро посягнуть!

– И верно, воин, – неожиданно поддержал его домовый. – Говорить можно и по-венедски и по-кимврски и по-лабирски. А коли рода нет, так ты сам себе род и хозяин, до других тебе дела мало, режь, убивай, кого захочешь, жги и насилуй, лишь бы не поймали. Да только у вас и в родах таких – сколько захочешь.

– Почему ты считаешь, что он через лес может провести? – Велена не отставала, чувствуя, что загадка Оборотня начинает её весьма занимать.

– Было такое, несколько лет назад отправился он в Корбовый лес и через год вернулся... Точнее, его нашли полумёртвым недалеко от «Пристанища». Рваные лохмотья, что остались на нём, были точно итарские, с петухами. И в кошеле была пара итарградских кун. Но сам он про то, что было с ним, ни слова не сказывал. – Хозяин испытующе оглядел венедов. – Через лес-то, я думаю, он ходил. Могёт быть и вас проведёт, но вот захочет ли и проведёт ли – не знаю. Потому нечего попусту судьбину пытаться, отправляйтесь-ка лучше в обход. Потеряете полгода, год, за то животы сохраните.

А ещё... – домовый хихикнул. – Гостит тут у меня одна престранная девчушка, так она тоже через лес мечтает перебраться. Забирайте её с собой и возвращайтесь домой. А то мне вас, молодых, да глупых, чегой-то жаль.

Хозяин прыгнул со стола и растворился в темноте. Велена зябко передёрнула плечами, глядя ему в след.

– Я думаю нужно найти ту девчушку, а уж потом... – она помедлила, слегка покусывая нижнюю губу, как делала всегда, когда волновалась. – Всем вместе решать что делать.

– Я отыщу. – Карислав поднялся, поправил оружие и направился к корчме.

XIII

Карислав вернулся вместе с высокой, пышноволосой девушкой в тёмной накидке. Даже привередливой Велене её округлое лицо с большими глазами показалось красивым.

Карислав предупредительно усадил её на своё место, сел рядом, и Велена с некоторой досадой заметила, что его внимание целиком сосредоточилось на гостье.

– Будьте здоровы, дети добрых родов, – приветствовала она их. – Меня зовут Золотинка.

Велена только подивилась чудесному, плавному голосу и легкостью, с которой та заговорила с незнакомцами.

– Карислав рассказал мне про вас, и про ваш путь. Я очень рада, что повстречалась с теми, кто ищет дорогу туда же, куда и я. Видно богиня Дана посылает мне такую удачу.

– Расскажи, что ты ищешь там, за лесом? – попросила Велена.

– Мне жаль, – Золотинка потупила глаза. – Но я не смогу вам объяснить. Иногда я сама не знаю, что и зачем делаю. Ведь я вилла и подчиняюсь воле Лады и Даны, что живёт во мне.

– Вилла! – Горимиров дружинник просто излучал восхищение. – Я никогда раньше не видел очарованных, но уверен, что ты – самая очаровательная из них!

Велена бросила было на Карислава возмущённый взгляд, но очарованные, или виллы, и для неё были дивом. О них слагались легенды. Виллы – гласили они – благословлены богами и несут только добро, они слышат Рода, Ладу и Дану – богов, которые не желали говорить даже с вещунами и кудесниками.

– Виллы – любимицы богов, считается, что они могут многое... – заинтересовался Святомор. – Ты тоже можешь лечить?

– Мне дано исцелять, это правда, но... виллы лечат души, а тела врачуют вещуны – знатоки болезней. Я могу слишком мало и только когда это угодно богиням. Но может быть, я сумею как-нибудь пригодиться, если вы возьмете меня с собой через лес. – Золотинка просительно посмотрела на Святомора.

– Конечно возьмем! – Вскочил со своего места Карислав. – О лучшей спутнице и мечтать нельзя!

– Благодарю! – Золотинка искренне улыбнулась. – Я уже начала терять надежду после трёх недель ожидания. Никто здесь не хочет идти через лес, чураются даже говорить о нём, всё твердят про какой-то «ужас», но ничего толком не рассказывают.

– Похоже, в Прилесье действительно трудно найти проводника. – Согласился Святомор. – А ты когда-нибудь слышала про Волка-Оборотня?

– Тут водятся такие звери?!

– Не знаю, может он и зверь, но сейчас похож на человека, и даже в проводники набивался. За плату, разумеется.

– Домовой утверждал, что Волк-Оборотень, это всего лишь имя. – Уточнила Велена, заметив, что Карислав снова возмущённо скривился при его упоминании.

– Нет, я не слышала. А вы согласились?

– Да это тать, каких поискать! А нам ещё животы дороги, если не в сече терять, понятно. Лучше пойти без тропы и встретить врага лицом, чем ожидать удара сзади! Человек с таким именем обязательно заведёт нас в ловушку! Как поверить изгою, а иначе – извергу, извергнутому матерью или родом? И ведь идёт за нами от самого Ведьминога гребня. Наверняка недоброе замышляет. А волки, между прочим, всю ночь воют. Слышите?

Волки и правда, выли. Теперь, когда постояльцы двора затихли, устроившись спать, это было особенно хорошо слышно.

– Мы знаем, что он бывал в Корбовом лесу и возможно ходил через него в Итарград. – Дождавшись, пока Карислав отшумит, заговорил Святомор. – Я ещё в Брежене слышал

о непроходимости Корбового леса, но кажется здесь всё ещё хуже, чем я думал. Но Волк-Оборотень – безродный изгой, и Карислав прав, ему опасно доверяться. Да и нет уверенности, что он действительно может то, что обещал.

– И я так считаю. А посему – надо решать, идти через лес или повернуть обратно. – Подытожил Карислав. – Хотя без проводника, кажется, нечего и соваться.

– Может, бросим жребий? – предложил Святомор. – Пускай боги ответят, идти или не идти.

Идея с жребием Велене не понравилась. Она не для того проделала такой длинный путь, чтобы теперь повернуть обратно. Карислав ещё, шатун этакий, уставился на Золотинку! Теперь, когда стало ясно, что других провожатых кроме как эти веныды ей не найти, она стала жалеть, что отпустила Горимировых воинов. Ну и что, что заметны – зато надёжные. Ну а теперь сделать всё, что бы Святомор и Золотинка решились. И как не боязно самой отважиться на такой поход, она уже решилась, когда отправилась в путь. Теперь поворачивать поздно. Значит, надо действовать.

– Лучше давайте решим, доверимся мы проводнику или нет. Он говорил, что может провести за плату, так давайте узнаем какова она, эта плата?

– Я тоже думаю, надо узнать, – согласилась Золотинка. – По тому, что он запросит, можно многое понять.

– Это хорошая мысль. Я пойду и узнаю, – поднялся Святомор и направился к Оборотню.

Велена заметила, как Карислав, словно невзначай, прикрыл накидкой золотую гривну и улыбнулась про себя.

Тем временем звёзды на небе начали бледнеть. На дворе «Последнего пристанища» догорали костры, люди спали и даже лошади у кормушек перестали лениво жевать, вяло махая хвостами. Только веныды упорно боролись со сном, наблюдая за разговором Святомора с Волком и гадая о предстоящем.

XIV

– Итак, вы хотите знать плату?

– Да.

– Так вы решили идти? – Волк-Оборотень выгнулся на встречу Святомуру.

– Послушай, мы ничего не решим, пока не узнаем, чего ты хочешь. – Святомор сдержался, чтобы не отодвинуться. Уж больно походил изгой на выходца из гор Изверы, легенды о которых так часто звучали среди венедедов. Не зря же говорят, что человек без рода пятнает землю. – Наше решение теряет смысл, ежели мы не сможем заплатить.

– Сможете. – Оборотень зловеще улыбнулся. – Но вот захотите ли – другое дело. Я же не согласен рисковать своей шкурой втуне и торговаться не буду.

– А где уверенность, что ты действительно нас можешь провести? Чем докажешь?

– А я и доказывать ничего не собираюсь. Я попытаюсь вас провести, сделаю всё, что смогу, а вот пройдем ли – это зависит не только от меня. Конечно, можно пройти. Иначе вести бы не брался. Моя голова о моих ногах ходит, – криво усмехнулся он.

Святомор задумался. Больше всего его мучили не ужасы леса, а страх перед неизвестностью. Самый древний, тёмный и безрассудный страх. Святомор боялся леса, но ещё больше боялся спросить, что же именно его там поджидает.

Отправляясь в путь из под разрушенного летборгскими рыцарями Брежня и шагая по захваченным Моймиром землям, он много раз рисковал, но никогда не ввязывался в схватку, если не мог серьёзно рассчитывать на победу. Рисковать следует с умом, в этом Святомор не сомневался никогда. Был он так же уверен, что нельзя ставить на кон абсолютно всё. Бывало, ставил жизнь, но оставалась воинская слава, честь, ирий, наконец. А Волк требовал сразу всё, и даже расчёты на успех. Кто вспомнит о сгнувшем в клятом лесу Святомуру, кто сложит о нём славную песню, кто положит его тело на костёр? Не Мечислав же, которому он, княжич, вынужден служить, в надежде получить удел.

– Какая же ещё тебе нужна от нас плата?

– Ещё? – удивился изгой. – Да я ещё ничего и не требовал. – Он провёл рукой по щетине на щёках. – Прежде всего, я хочу те славные обереги, что висят у тебя на шее.

Святомор сжал зубы. Он не расставался с оберегами с тех самых пор, как получил их в детстве на капище пятиликого Поревита.

– Ещё, мне нужен меч вояки Карислава. Кажется это славный меч, может, на что и сгодится. Ну а если с вами пойдёт вилла, то мне нужна прядь её волос.

– Это всё? – в горле у Святомора пересохло. – Ты просишь слишком много!

– Много?! Я ещё не сказал самого главного. – Голос Оборотня стал столь мрачен, что Святомор отшатнулся. Серые глаза бродяги лихорадочно заблестели. – Да, главное, это условие, что, если будет нужно для выживания остальных, я возьму жизнь одного из вас, и она будет отдана мне беспрекословно и безоговорочно, по первому требованию, независимо от того, на кого я укажу.

– Во всякой битве воин жертвует собой ради других!

– Речь не о битве. И я там ничего не буду вам объяснять.

Повисла мучительная тишина. Чувствуя, как противно дрожат ноги, Святомор встал:

– Я передам твои условия остальным. Завтра мы дадим ответ.

Вернувшись к товарищам, Святомор отказался рассказывать что-либо до утра. Хотя птицы и так уже готовились расправить крылья, он решил, что повременить всё равно надо. Глядя на беспокойно уснувших венедедов, он ещё долго сидел, ожидая рассвет и чувствуя себя попавшим в волчий капкан.

XV

Яр в этот день как-то с трудом вкатывал огненное колесо солнца не небосвод. Петухи не встречали бога в этом сумрачном крае, только захрюкали в луже голодные свиньи, а потом заграяли вороны, заметались вокруг «Пристанища», вплетая свой крик в многоголосый уже хор оголодавшей за ночь скотины. Люди на дворе засуетились, заскрипели отворяемые ворота, залаяли собаки. Поневоле поднялись и венеды. У дождевой кадки омылись от остатков ночи. Если не умыться, ночь ещё долго будет прятаться в глазах, в уголках губ и морщинках, навевая тяжесть и затуманивая разум. Да и Яр-солнце не любит неумытых, а кто же захочет сердить великого бога, могущего расслабить тело, заморочить голову, а то и опрокинуть могучим ударом? Голод тоже помеха телу и духу. В западных родах особенно придерживались старого покону, велевшему никакого важного дела не начинать голодным и неумытым.

Только отдав дань обычаю, венеды собрались вокруг Святомора.

– Я должен отдать свой родовой заговорённый меч?! Да пусть татя продадут лабирь на торжище за одни такие слова! Его корявые руки даже прикоснуться не смеют к этому сокровищу! Ещё мой прадед орудовал этим мечом! Только через мой труп он получит...

Святомор терпеливо переждал крики, закончил рассказ. Карислав больше не кричал. Лица женщин помрачнели.

– Страшно. – Призналась Велена еле слышно. А почему у меня он ничего не потребовал?

– Мало тебе общего зорока? – пробурчал Карислав, отворачиваясь.

– Пусть каждый решит за себя. – Велена поднялась, сдёрнула с волос ленту и направилась в сторону. Она не хотела, чтобы они видели, как наворачиваются на глаза слёзы. Слёзы бессилия и одиночества. Ах, если бы рядом оказался отец! Или брат! Они бы не дали её в обиду. Они бы обняли и подбодрили. Она бы набралась у них решимости и мужества. Была бы жива мать, она поплакалась бы ей в поневу, нашла бы утешение. И того нет. Отец всегда говорил: «Ты дочь воеводы и всегда должна поступать достойно этого, а если не хватает сил, обопришь на друзей». После гибели отца кто она теперь – сирота или дочь воеводы? И где те друзья? Только косточки белеют в чистом поле. Всю жизнь она училась владеть оружием, и умеет постоять за себя. Но куда ж деть женскую природу? Она слаба и беззащитна, ей так часто страшно. Тяжела доля женщины, надевшей кольчугу и взявшей в руку меч. Но что же делать? Надо идти. Не из-за слова князева, что оно здесь, его слово? Но ради родов. Она должна, она сможет, она пройдёт. А если погибнет, то достойно, не посрамит отцовского имени!

XVI

Святомор долго колебался, раздумывал, взвешивал. Предсказано ему вещунами было двусмысленно – славу своему древнему роду вернёт в Итарграде, если душой не покривит, если с дороги не свернёт и если огня не побоится. Ох уж эти «если», вечно вещуны мутные предсказания дают, вроде и ясно всё, да ничего не ясно. Что значит, с дороги не свернёт? Через Корбовый лес та дорога или одна из сотен других, что каждый день под ногами? С душой более понятно, да поди разбери что под кривизной мыслилось. А уж огонь, что ему теперь, в каждый костёр кидаться? Славу вернуть... Святомор вспомнил, как в Овруче его осыпали насмешками за безобидную внешность. Рубиться в ответ не станешь, моймировы люди и понятия о чести не имеют. Славы в бою с ними не добудешь.

Да и другая у него нынче забота – Итарград. А ведь город, кажется, так близок. Неделю пути через лес, не больше. Обереги, ладно, он готов отдать. Они, конечно, пригодились бы, но и потеря их не смертельна. У него в запасе ещё много чего есть, что Оборотень отнять при всём желании не сможет.

Что же касается главного требования, то ведь Волк-Оборотень не настаивал, что жертва обязательно понадобится. Может больше пугает, кто его знает, что у изгоя на уме. А если понадобится..., то один жребий из четырёх – это конечно плохо. Ну да он везучий, выбора же особого нет. Спутникам своим он ничем не обязан. А ежели возможность будет, неужто не отобьет, не спасёт? Знать бы ещё, от чего спасать, у кого отбивать. Может Оборотню кровь чью-то выпить надо будет, чтобы подкрепиться? Очень даже похоже на правду. Если так, то ещё посмотрим, кто кого загрызёт, если окажется, что всё слишком скверно. Слово, данное изгою и нарушить можно. Но что толку сейчас рассуждать?

Святомор чувствовал, что его падкая на дерзкие замыслы душа уже решила, и теперь он искал только подтверждений. За воротами, у тына, на утопанной скотиной земле он наметил площадку, начертил по кругу знаки огня. Сел ждать, кто первый наступит, заползёт, налетит, по воле богов. Наступил, точнее, свалился с крыши, давешний угольно-чёрный кот. В самую середину, всеми четырьмя лапами! Ошалело посмотрев на Святомора, он помчался к воротам. А Святомор почувствовал себя обманутым. Мало того, что нога всё ещё саднила, так эта тварь его ещё и в Корбовый лес отправила! Что за напасть! Всеми лапами – нет, значит, выбора, а что кот чёрный и толковать не надо. Придётся идти. Да и нехорошо как-то перед девушками от собственных замыслов отказываться. Эх, если бы ещё береги не отдавать!

XVII

Карислав выпил жбан браги, распинал пару засохших коровьих лепёшек, но так ничего и не решил. Идти через лес не хотелось, отступать тоже, а Волку позорному он не верил ни меры. Карислав бы и гривну, и всё что ни на есть отдал, но как отдать оружие, да ещё прадедовское? Такое в бою потерять – бесчестие полное. Дался же выродку этот меч, знает что просить!

Почистив сеном сапоги он вернулся обратно.

– Что решили мужчины? – подняла глаза Золотинка.

Карислав готов был поклясться, что подняла она их только на него!!! Теперь, при свете дня, он мог разглядеть и её чудесные, золотого цвета волосы, и чистые, глубокие зелёные глаза с солнечной короной вокруг зрачков. Нежные веснушки на белой коже, губки алые... Он хотел сказать что-то героическое ей в ответ, но неожиданно для себя промямлил давно уже заготовленное:

– Если все пойдут, то и я... – поняв, что говорит не то, он как утопающий хватанул воздух ртом, отхлебнул браги, и немедля поправился охрипшим голосом: – Я пойду всё равно! Смерть меня не остановит! А если этот гнилоед нас посмеет предать нас, то даже Извера ему не поможет! – Закончив, Карислав сам испугался своих слов, но метаться уже было поздно, и он устался в кружку, опасаясь поднять глаза. Вдруг да увидит Золотинка, что у него на душе?

– Мне нужно идти, – вздохнул Святомор. – Что до оберегов, то пускай подавится, я глядишь и новые найду. Всё равно выбора особого нет.

– Я тоже пойду! – Велена тряхнула русыми волосами и поправила на поясе меч. – Может нам повезёт, и мы все останемся живы. Летборгцы взяли в плен моего брата и наверняка продали лабирам, которые скупают рабов отовсюду. Самый большой невольничий рынок – в Итарграде. Если не там, то в землях лабир-аниран, но я всё равно найду своего брата!

Карислав поднял глаза на зардевшуюся от волнения девушку и сделал вывод, что она тоже очаровательна, хотя и не чета прекрасной Золотинке. Не часто встретишь столь отважную женщину даже среди венедских родов, где, как известно, рождаются самые красивые женщины в поселенной.

– А ты, Золотинка? – Велена подошла к вилле. В ответ та протянула ей прядь золотистых волос.

– Вот мой ответ! Голоса зовут меня через лес, и я должна следовать им. Я уверена, Род защитит нас.

Карислав облегчённо вздохнул. Как ни корыстно это звучало, ему не хотелось, чтобы Золотинка осталась.

– Давайте собираться, – заторопил он. – Надо запасти еды, не уверен, что Оборотень о нас особо позаботится. Ещё неясно, чем он сам питаться привык. А потом пойду, поговорю с людьми, может прикуплю какое оружие, прежде чем явится этот проклятый проводник. Я его уже ненавижу!

XVIII

В полдень на небе появились редкие, плоские, серые облака. Продав лошадей и докупив припасы, венецы дожидались теперь невесть куда канувшего проводника. Карислав усердно чистил устрашающе ржавый боевой топор. Мех с вином возле его ног постепенно пустел и язык все сильнее развязывался, так что сидящая рядом Золотинка не успевала отвечать на комплименты.

Святомуру говорить не хотелось, тем более что он так и не решил, всё ли они запасли в дорогу. Берестяные короба стояли рядом, и еды в них хватит на неделю.

День потянулся лениво, не спешно, а проводник всё не появлялся. Солнце уже перевалило за полдень, когда неожиданно закричал сторожевой на башне. И сразу вслед за этим Святомуру услышал стук копыт. В ворота, один за другим, въезжали вооружённые всадники, все в кольчугах и шлемах. Мигом рассыпавшись по двору, они стали рассматривать постояльцев. Никто встреч им оружия не поднял, но мужчины стали сбиваться в кучки, поближе к своему добру, а женщины – под защиту мужей. Из всего этого Святомуру сделал вывод, что всадники наведывались сюда не в первый раз и особой любви к ним никто не испытывал.

– Что происходит? – спросил он у соседей.

– Это люди Моймира. Волка-Оборотня выспрашивают. Это же надо – бродяга только вчера объявился, а уже такой сполох! Не иначе как в Овруче чего натворил.

Новость взволновала всех.

– Вор, он и есть вор, – высказался Карислав. – Видать и Моймиру успел насолить. Ну Моймиру и поделом конечно! Знать бы ещё, в чём дело.

– Готов поклясться, что в Овруче Оборотень ничего натворить не мог. – Святомуру затеребил обереги. Если только он не умеет летать как птица.

– Согласна, – Велена присела рядом. – В любом случае, враг Моймира нам уже наполовину друг.

– А я, – Карислав с досадой махнул рукой, – думаю, что уж если даже вороньё Моймира за ним охотится, значит, он совсем пропащий. Нашли мы проводника на свою голову. Похоже на этом наше путешествие и завершится.

Между тем вышедший на крыльцо корчмы домовой с поклонами выслушивал самого богато одетого всадника. Слышно их речей не было, но видно было как хозяин виновато разводил руками. Пара всадников подъехала и к венедам. Спрашивать ничего не стали, только уставились, разглядывая лица.

В Овруче и Прилесье, захваченных Моймиром с помощью Летборга, оставалось ещё много венецких ратников, воевавших против, а после поражения разошедшихся по родным весям и дворам. Моймир старался лишней раз не злить народ, людей таких приказал не трогать втуне, но можно представить, как бывшие горимировы дружинники бесили моймировых слуг.

Неудивительно, что взгляды их были враждебны, а губы – презрительно искривлены. Несколько дольше они задержались возле женщин, к вящему недовольству Карислава. Когда всадники, наконец, отъехали, Святомуру вздохнул с облегчением.

Осмотрев корчму, загоны, всё темные углы и даже остывшую баньку, чужаки разочарованно загалдели, но уходить и не подумали. Главварь направил одного на вышку, троих спрятал у ворот тына, а с дюжиной остальных расположился за столами, требуя еды и браги. Стало ясно, что они здесь надолго и, более того, никого не собираются выпускать. Как понял Святомуру, моймировы люди тоже решили дождаться Оборотня. И теперь Святомуру не знал, что делать. Как предупредить бродягу? А если проводника схватят, то куда идти? С людьми Моймира им не справиться. В конце концов, он махнул про себя рукой. На всё воля богов. Потянулось время.

XIX

Велене не сиделось. Устроившись за спинами мужчин, она проверила лук, тетиву, снарядила дополнительно несколько тяжёлых стрел на крупного зверя. Это в полях хороши лёгкие стрелы, в лесу такую отклонит с пути и крохотная веточка. Маленькие руки Велены со спорой женской аккуратностью делали свою работу. Испытать бы новые стрелы, прошить ими пару моймировых недоносков! Хотя для них бы нужны другие наконечники, чтоб кольчугу проби-вали.

Велена думала о Волке. Почему он взял с них не куны, а такую странную плату? Меч у Карислава действительно знатный, может и правда заговорённый. Но у бродяги есть свой, и судя по всему – не худший. Обезоружил Карислава, хотя сам обещал опасности. Свято-мор без берегов тоже уязвимей перед злыми духами и колдовством. А стоит, зная наговоры, сжечь волосы Золотинки и можно нанести ей страшный вред, даже убить. Так может вся эта плата лишь для того, чтоб верней погубить их? Ведь всех взял за горло, отнял самое ценное. Но почему её пропустил её? А если бы потребовал, то что?

Закончились заготовки для стрел, и она решила пройтись вокруг корчмы, осмотреться. Недогадливый Святомор было пытался её отговорить, но его удалось убедить, что моймировы люди слишком заняты трапезой, что бы она могла нарваться на неприятности. Да и вообще, неужто этот молодец думает, что она не сможет постоять за себя? Пускай оберегают Золотинку!

Корчма была очень велика, как три – четыре избы, поставленных вместе. Собственно примерно так она и была срублена много зим назад. Большая четырёхскатная крыша, нависала над срубом почти на три локтя. Так что наблюдателю на вышке было плохо видно то, что происходило рядом. На задах корчма почти вплотную примыкала к тыну, создавая глухую тень.

– Ну что, собрались? – послышался оттуда голос, и Велена чуть не вскрикнула от неожиданности. У стены корчмы стоял Оборотень. Впервые она увидела его лицо без выражения мрачности или усмешки. Строгое лицо, серые глаза. Он спокойно смотрел на неё, ожидая ответа.

– Мы решились идти. Но тебя ищут моймировы всадники!

– Пускай ищут. А вы лучше держитесь от них подальше.

– Хорошо. Когда же уходим?

– Сегодня.

– Но из «Последнего пристанища» никого не выпускают.

– Пустое. – Лицо Оборотня было безучастным как у идола. – Собирайтесь без шума и, не привлекая внимания, по одному идите сюда. Сначала – ты. Потом – Святомор, за ним вилла и последним – вояка.

Велена поспешила обратно. Она радовалась, что настала пора действовать. Даже на душе стало легче и спокойней.

Венеды тоже чуть повеселели, узнав, что скоро в путь.

XX

Там, куда доносит восточный ветер запах Корбового леса, итарградские земли пустыют. За сотню верст не найдёшь теперь человеческого жилья. Даже дикие звери избегают селиться поблизости от страшного места. И крайне редко движение в этой глухомани.

Страшный черноволосый старик с темным от злобы лицом и тщедушным телом на трясущихся ногах, преодолевал небольшой взгорок на окраине пустых земель. Его длинная клюка раз за разом пронзала мягкую землю, оставляя в ней глубокие шрамы. Ветхая одежда из серой холстины свисала с высохших, тощих плеч. Кедры, с двух сторон окружавшие холм, возмущённо шумели ветвями вслед старику, осины же на его пути испугано дрожали листьями, выгибаясь опричь от него.

Старик бросал на них ненавидящие взгляды своим маслянистым, черным как бездна глазом. Другое око – совершенно белое и незрячее, жило своей отдельной жизнью. Будь у него сейчас сила, он бы заставил кедры молчать! Огнём бы испепелил весь необъятный бор!

Но, о Великий Камень Изверы, как долго он уже не чувствовал человеческого страха, не высасывал души, не терзал чужой плоти! Только в одном они, повелители Камня, почти равные Нию, слабы. Их власть, их жизнь, зависит от живых тварей, которые умеют чувствовать боль. Как он хочет этой их боли! Как он жаждет её! Он, Морх, один из четырёх законных повелителей Камня, вот уже больше недели не встречал человека!

Злой старик совсем выбился из сил, клокотал горлом, весь покрылся липким, ядовитым потом. Деревья плыли перед глазами старика и, казалось, хохотали над ним. На его руках вспухали и лопались огромные гнойники, по всему телу пошёл нестерпимый зуд. Морх заторопился, как мог.

Каждый, кто в силах стать повелителем Камня власти, должен помнить – Камень и есть живая, всеядная и всеведущая власть. И он берёт своё, забирает из тех, кому достался, всё, что может. Сначала – слабое и ненужное, вроде совести и сострадания, потом – остальное. Вычёрпывает всё, кроме жажды обладать им. Надо иметь огромную силу, чтобы противостоять этому. Тот колдун, кому по случайности попал в руки наибольший осколок Камня, в тот день, когда погибла Великая Властительница, или Меняющая Мир, был слишком самоуверен. Он не справился с Камнем, и тот сожрал его, высосал, превратил в чудовищное животное. Неимоверно сильное, но... без разума. Из владыки он превратился в раба, ничтожество, сидящее в луже грязи посреди Корбового леса.

Они же, владельцы трёх других осколков кристалла, были сильнее и умней. Они познали, как отвратить неизбежное. Нужно лишь уподобиться Камню, черпать силу из жалких людей и им подобных созданий, питаться их болью, страхом. Пока ты поглощаешь чужие души, Камень принимает их вместо тебя, он не успевает поедать твоё собственное существо и даёт великую силу, а через неё – великую власть!

Но даже им – сильнейшим из сильных, приходится иногда оставлять свои части Камня, уходить подальше, чтобы ослабить зависимость. Вот и ему, Морху пришлось время покинуть безжизненные горы Изверы, подкормиться на богатых людьми землях Итарграда. А тут – тревожная весть – за Корбовым лесом проклятые ведуны нашли таки Предречённого. О-о-о! Этого случая ждали в Извере давно! Вот где слабина Поревита, вот где можно повернуть вспять всё сделанное людьми и богами, получить ещё большую власть!

Колдун запнулся и упал. Его корчило, выворачивало суставы, гнуло кости, изо рта вырывались жуткие утробные звуки. Он начинал превращаться. В кого? Как? На сколько хватит его сил, чтобы не разложиться совсем, не потерять разум, не стать таким как тот – из леса? Морх

не знал. Сквозь мерцающую пелену он вдруг увидел там, внизу – село! Село, это дома, это люди, это спасение!

Подвывая, колдун поднялся и, опираясь на клюку, заковылял вниз, к сгрудившимся возле речушки домам. Он нашёл в себе силы даже создать морок, – к домам шёл теперь раненый, благообразный, седой как лунь старик. Проклятые собаки почуяли неладное, залаяли озверело, с пеной, кинулись наперехват. Но от крайней избы уже спешила навстречу несчастному дедуле молодая женщина. Собаки близко, но и она – уже рядом, протягивает ему руку, хочет защитить...

Он успел схватить её за руку. Отчаянный, надрывный женский крик взбудоражил село. Собаки нападали, и падали замертво рядом с корчащейся от боли хозяйкой. Морх вернул себе прежний облик, и зло смеялся, обратив лицо в сторону Корбового леса.

XXI

Карислав был недоволен тем, что клятый Оборотень определил его выбираться последним, но утешил себя мыслью, что замыкать отступление – почётно. Возможно, тать просто почувствовал, что он единственный, кто сможет достойно прикрыть спутникам спину. Карислав проследил, как ускользнули Велена и Святомор. Даже порадовался, что остался с Золотинкой вдвоём. Но дальше дела пошли хуже. Пара пьяных недоноска Моймира, тех самых, что подъезжали на лошадях, не спускали с виллы глаз. Карислав нервничал, теребил усы, потел под кольчугой и не смея снять её. Время шло, уж недалеко было и до сумерек, а уйти не удавалось. Взгляды же лихоимцев становились всё наглее, отпускаемые шуточки всё солёнее, а смех всё резче.

– Карислав! – не выдержала Золотинка. – Если мы сейчас не уйдём, то они начнут приставать.

– Надо их отвлечь. Давай я затею с ними драку, а ты тем временем скроешься. – Предложил венед, поглаживая рукоять топора.

– Но тогда ты не сможешь уйти. – Золотинка отрицательно покачала головой.

– Не бойся, красавица, я отобьюсь! И прежде чем они придут в себя, подоспею за корчму. Мне не привыкать к переделкам.

– Не хочю так. – Золотинка взглянула ему прямо в глаза. – Давай лучше найдём кого-то другого, чтоб затеять драку... У тебя есть серебро?

– Пара десятков кун, да анирская монета.

– Вот и попробуй подмолвить кого-нибудь, чтоб отвлекли.

Карислав зашепел последовать совету. Уж очень не хотелось надолго покидать виллу. Благо, среди постояльцев были мужики самого разбойного вида. Их-то Карислав и решил подбить на опасное дело. Он подсел к ближайшим.

– Мужики! Есть куны, есть два пьяных негодяя. Сможете их отвлечь ненадолго?

– Ага! А с теми двумя ещё двадцать! За несколько кун рисковать?

– Только отвлечь. Анирский золотой в придачу.

– Ну? Покажь! – одетые в равнину мужики долго вертели и кусали монету, и дружно пришли к выводу – настоящая. – Не сумлевайся, смогём! – куны и монета исчезли в складках кушаков, какие любили носить лесорубы.

– Мы, паря, местные, нас тут каждая собака знает, и головы покладёт за нас, значит, ручаясь. У нас, в Прилесье, всякие чужаки долго не попырхают! – мужики гнилозубо заулыбались, указывая на большие как тесаки ножи.

– Помогём! А то к твоей девке смазливой эти проходимцы уже приставать начали.

И действительно, пьяные уже подсели к Золотинке. Понимая, что его вмешательство сейчас испортит всё дело, Карислав сдержался, что бы не схватить топор. Между тем, моймировы вои начали прижиматься к вилле, а когда она не выдержала и встала, один из них схватил её за руку, пытаясь привлечь к себе.

Золотинка звонко вскрикнула и, по-женски размахнувшись, залепила пощёчину. Сноп белых искр брызнул из-под её ладоней, и воин, матерясь, повалился назад. Второй очумело смотрел на руки виллы, а потом, грязно ругаясь, стал выбираться из-за стола. Моймировы люди зашумели за соседними столами, одни захохотали, другие завертели головами, пытаясь понять, что происходит. Золотинка, отступив несколько шагов, остановилась с самым решительным видом.

Не судьба оказалась второму похабцу попасть в её руки. Пока он вылезал, да распоясывался, к нему подскочил маленький, плюгавенький мужичонка:

– Ты что, на местных, да!? – и чиркнул ему по незащищённому кольчугой горлу ножом. Первый тоже так до конца и не поднялся, другие двое пинками снова повалили его на землю, накинули на шею верёвку и стали давить.

Моймировы ратники не сразу поняли, что происходит. А когда поняли, рванулись на помощь, опрокидывая столы и чурки. Весь двор разом ожил, люди заметались, из корчмы послышался испуганный женский визг. Крик «Утекайте, наши ихних побили!» окончательно распространил хаос.

XXII

Волк-Оборотень вовсе не был так спокоен, как желал показаться русоволосой девушке с ясными голубыми глазами. Ему не впервые приходилось видеть желающих пройти через Корбовый лес, но все они отказывались от этой губельной затеи. А пройти через лес одному уже не удастся, да и плата для Ужаса понадобится. Он содрогнулся. Венеды всё же решились, и теперь у него будет и плата и спутники. Но на сердце от этого – никакой радости.

Голубоглазая и губастый воин в снежинской кольчуге появились быстро. Он отправил их за стену и стал ждать дальше. Чернявый владелец чудесного меча и вилла всё не появлялись. Он ждал терпеливо, хотя беспокойство всё нарастало.

Наконец, запыхавшиеся венеды вбежали в узкий и тёмный проход между корчмой и тыном, где он их ждал.

– Почему мешкали?

– Пошёл ты! Слышь, как орут? Я все куны вынужден был отдать!

– Ладно, главное, что ваш уход не заметили. Или... – Оборотень услышал шаги. – Тихо! Уходите подальше в тень и затаитесь! – он уже шептал, вжимаясь в обветшалую стену корчмы.

Тяжёлое буханье сапог стало громче, в просвете показался вооружённый воин. Видно ему в полутьме было плохо, и он вынужден был ещё шагнуть вперёд. В следующий миг Оборотень мягко отступил от стены, и ударил ножом во вражеское горло, прямо под кадык. Не дожидаясь пока захрипевший воин упадёт, Волк втащил его в проход и опустил на землю.

Обернулся к венедам:

– Вон там, под бревном, лаз. Полезайте туда, быстро!

Чернявый пропустил девушку вперед и немедленно полез следом, Волк лишь услышал, как он бурчит что-то себе под нос. Убедившись, что они скрылись, он присел над убитым, всматриваясь в его лицо. Какой это уже по счёту? Десятый? Двадцатый? Ничего, придёт время, он разберётся и с самим Моймиром, его жажда мести ещё не удовлетворена. А пока, он может преподнести Моймиру только этот «подарочек». Спрятав нож, Волк-Оборотень скользнул в лаз.

Нора вела по ту сторону тына, в густо разросшиеся кусты жимолости. Оборотень оглядел спутников и, подхватив короб, полез через кусты. Венеды послушно двинулись за ним. Эту дорогу бродяга знал хорошо, она почти не просматривалась с хозяйской вышки. Ну а дальше – глубокий овраг, оттуда и сам ничего не увидишь, кроме чахлах кустов и неба, затягивающегося мрачными тучами.

Глинистый склон, перемешанный с камнями и грязью, порос осотом и лопухами мать-и-мачехи. Мелкие ручейки разжижали грунт, превращали его в жёлтую грязь. На дне, в царстве крапивы, было ещё более мокро, но хоть не так вязко. Зато, приходилось буквально прорубаться мечом. Оборотень бы просочился и не кромсая зелёного моря, что ему крапивные ожоги, но женщины и так повизгивали и прятали руки.

Волк спешил, прекрасно представляя, какую кондовую дорогу они сейчас тропят в овраге. И слепой заметит. Если будет погоня, найти их будет не сложно. Пока же, овраг скрывал их. Изгибаясь, как огромная змея, он вёл на запад, к Корбовому лесу.

На душе бродяги было беспокойно. Мысль, что едва они войдут в лес, пути назад уже не будет, не давала покоя. Он не мог забыть те ужасы, что уже пережил там. Но ещё больше его мучило другое – он знал, что один из его спутников **должен** будет умереть. **И он знал кто.**

XXIII

– Как это двое? – вещун Благодей вытаращил на Сновида глаза. Остальные тоже смотрели непонимающе.

– Так, двое. Ошиблись мы. Предречённый не один, их двое.

– Два Предречённых?!

– Два.

– Постой, – Благодей по-прежнему не верил. – В предсказании же сказано: «разум, от соприкосновения с другими себя не теряющий». Разум – один. И Шлем только один взять может, так сам Поревит предрекал. И что он один появился, мы ведь сами сведали, когда появилась алая зарница.

– Точно! – зашумели вокруг. На этот раз вертеп был хорошо освещён, вещуны сидели перед Сновидом, и он хорошо видел их лица.

– Вы ведаете, что осталось на дне чаши, в которой варилось тогда зелье?

– Что?

– Кости.

– Что же? Кости могли быть от той летучей мыши, что мы вместе с червями добавили при третьем кипячении.

– Верно, – согласился Сновид. – От мыши. Только все разварились, а две – остались.

– Плохо дело, – понял кто-то из молодых.

– Может – случай! – не сдавался Благодей.

– Нет, – Сновид покачал головой. – Я трижды переваривал зелье, смотрел внутренности трёх чёрных и трёх белых птиц, трижды обращался к Триглаву.

– И что?

– Было ещё одно предвещание. – Сновид торжественно оглядел притихших вещунов. – «Один как двое и двое как один».

– Как, как?

Главный волхв не стал повторять. За него это повторили другие. В вертепе не осталось вещуна, кто не проговорил бы предвещание раза три или четыре.

– Ничего не смыслю! – признался, наконец, Благодей. – Это второе предвещание противоречит первому. В легенде точно сказано, Шелом будет брать и передавать достойнейшему Предречённый. А ни два и не три Предречённых. А кроме того... как быть с испытаниями? Они как, вместе их должны проходить, али по отдельности?

– Какие испытания? – удивился молодой вещун, тот самый, что ратовал за своего князя в день появления Предречённого.

Сновид подивился его невежеству, но корить не стал, вспомнил, как объяснял всё это теряющему терпение Белояру. Больше всего князю не нравилась мысль, что Предречённому, чтобы взять Шлем, ещё нужно пройти испытания.

– Ежели он Предречённый, то какие ему ещё испытания? Он и так уже богами избран. А ежели не избран, значит ещё не Предречённый, а только может им стать, – рассуждал тогда Белояр, хмурия красивые брови.

– Не так, князь. Он Предречённый по природе, по избранию. Может от рождения, может от жизни, мы не ведаем. А по сущности, он действительно станет Предречённым и войдёт в Храм Каменного Зуба, только когда пройдёт испытания, – объяснял Сновид. – Испытаний три – страхом, смертью и любовью.

– С природой и сущностью, это ты, старик, мудствуешь больно, – укорил его тогда Белояр. – Да ладно. А испытания, что они значат? Он должен испугаться, помереть, а перед тем полюбить кого-то?

– Мы не знаем.

– А если он не пройдёт? Будет другой Предречённый?

Тогда он не ответил. А теперь, вот он, ответ на княжеский вопрос. Боги посмеялись над людьми. Другого Предречённого не будет, за то явилось их сразу двое. Только если с одним что-то случится, второй не понадобится, это-то из предвещения совершенно ясно. А сколько опасностей подстерегает Предречённых, даже подумать жутко. Колдуны Изверы уже наверняка начали охоту. Но они, так же как и Сновид, не знают, кого ищут. Явно только одно, эти двое венедов должны вскоре попасть в Итарград. Пусть помогут им боги!

XXIV

Овраг постепенно сужался, склоны его становились всё положе и ниже. Ещё немного и вены вышли к опушке. Мрачная громада Корбового леса тянулась направо и налево насколько хватало глаз. Корба – по-другому чаща, трущоба, сырая низина в еловом лесу. Но уже давно и другой смысл приклеился к Корбовому лесу – лес ужаса, лес безнадёжности и смерти.

Отсюда лес казался неприступной стеной. Ветра не было и огромные, раскоряченные дубы, грабы, колонны чёрной ольхи, замерли в безжизненной тишине. Не слышно было ни пения птиц, ни стрёкота насекомых. Казалось, что мир звуков кончается там, где возвышались деревья. Солнце, почти скрытое тучами, красным оком висело над горизонтом. Лес начинался как-то неестественно сразу, вдруг. Только что вокруг была холмистая, изрезанная оврагами пустошь, и тут, с первым разведчиком – выдавшимся вперёд кустом волчьей ягоды, разом всё менялось вокруг. Даже почва, слабо прикрытая травой, у леса сразу менялась, из светло-коричневой превращаясь в тёмно-серую и тускло безжизненную на вид. Пахло тлением. Стена деревьев была столь плотной, что уже почти сразу за первыми из них всё скрывалось в полумраке. И из этого полумрака тянулось из Корбового леса ощущение страха.

– Ну что, вы ещё не передумали? – Волк-Оборотень испытующе глянул в лица венедов, пытаясь угадать, что они сейчас чувствуют, и втайне надеясь услышать, что они никуда не идут.

– Нет. – Ответила за всех Велена, судорожно сглатывая. – Мы идём.

– Ненормальные... – Оборотень покачал головой. – Ну что ж. Вы сами решили. Я помню, мне что-то должны.

– Никто тебе ничего не должен! – зло процедил сквозь зубы Карислав, но голубоглазая испепелила его взглядом, и он замолчал, не скрывая ненависти к проводнику.

Оборотень сделал вид, что ничего не заметил, принимая чудесный меч. Святоморовы обереги повесил на шею, бережно спрятал за пазуху прядь волос виолы. Уже собрался идти, но остановила Велена.

– Вот, это от меня, – она протягивала зелёный шарик размером с куриное яйцо. – Я не желаю идти просто так. Это – хранитель света.

Волк заколебался. Повинуясь неожиданному чувству, он взял в свои руки руку Велены и зажал шарик в её кулак:

– Пусть это будет тем, что вы отдадите мне за лесом, если мы пройдем. Волк почувствовал, как она вздрогнула от его прикосновения. Но голубых как небо глаз не отвела.

– Нет, возьми сейчас. Я прошу.

– Я уже... – начал Волк, но тут услышал звуки погони, оставил её руки и, подтолкнув к лесу, крикнул: – Уходим! И помните о последнем условии!

Они едва успели достичь первых деревьев, как из оврага выметнулись всадники. Резко осадив коней у кромки леса, они нерешительно уставились на деревья. Кони испуганно шаркались, ржали и хрипели, завидев чащу.

Немного придя в себя, главарь злорадно рассмеялся и заорал им вслед:

– Ты сгниёшь там, Волк! Ты сам себе придумал казнь худшую, чем смог бы изобрести для тебя Моймир!

– Я постараюсь вернуться! – закричал им в ответ Оборотень. – Вернусь и выпущу кишки тебе и твоему хозяину! Трусливые вороны, вы даже кустов боитесь! Неужто я испугаюсь таких, как вы? Ну! Войдите ко мне в лес!

Главарь в ярости сплюнул и развернул коня. Вскоре всадники скрылись в овраге. Наступила мёртвая тишина.

Глава II

Корбовый лес

I

Волк-Оборотень без сожаления отвернулся от ставших вдруг недостижимыми просторных пустошей Прилесья. Их свобода, только кажущаяся, чужая, больше не манила. Там – ты беззащитен, там – ты один. А лес – он наполнен врагами, но тут все живое, дышащее, слушающее и говорящее, чего-то ждущее и желающее. В лесу можно остаться одиноким, но одному – никогда. Он чувствовал, наконец, что вернулся в свой мир – ужасный, смертельно опасный, но родной. Тут и смерть своя, родная, злобенькая и зубастая, а не та безликая, что на пустошах и в градах. Может она для своего-то расстарается и перекусит ему хребет, пока он не дошел до того страшного и нечистого, что тянет к себе навстречу с противной богам неизбежностью, засевшей в нем самом.

Сжав зубы, он шагнул в чащу, уводя венедов в неведомый сумрак. Их шаги будили враждебную тишину, пугали хрустом валежника. Гигантские деревья загородили небо, сцепились наверху когтистыми сучьями, словно стремясь побороть друг друга, сломить, вознестись ещё больше, задавить других. Ни траве, ни кустарнику не было места на этом бесконечном поле боя, только толстый ковер гниющих листьев предательски проваливался под ногами.

Волк, оглядываясь, неизменно видел напряженные лица спутников, готовых к любой неожиданности. Сам он покуда не слишком сторожился. Дубы, грабы настолько поглощены взаимной ненавистью и борьбой, что упускают происходящее внизу, словно нерадивые хозяйева, которые, бранясь между собой, не замечают бегающих по избе мышей. Здешние деревья, сколько Волк помнил, всегда были злые и нетерпимые друг к другу. В других местах деревья растут рядом дружно, всегда пустят вперед осинку, ольху и березу, а уж те прикроют потом от солнца молодняк ели и пихты, взрастят, уступят, наконец, место, послав своих детей туда, где выгорел или вырублен черный лес. А эти никогда не уступали друг другу, со стародавних времен споря, кто сильнее, кто может повелевать остальными. А теперь и вовсе взбесились, давят, рвут друг друга на части, до дна выпили все речки и ручьи вокруг. За то и самое безопасное место в лесу, если, конечно, не пытаться вернуться. А уж простейшие ловушки леса он всегда чуял и обходил такие места стороной.

II

Велена шагала вслед Оборотню, всякий раз вздрагивая при треске сучьев и хватаясь за меч. В груди была тяжесть, словно там лежал камень размером с кулак, который давил ее и угнетал. И дело даже не в проводнике, ему она почему-то верила, полагаясь больше не на разум, а на чувства, способные видеть вокруг человека то, что не видят глаза. К тому же вряд ли ведущий в ловушку станет расписывать ее такими мрачными красками и лишней раз переспрашивать, не передумали ли они. Но все это, однако, не вселяло спокойствия. О Корбовом лесе даже в Овруче ходили страшные слухи, вот и Горимир наказывал не рисковать втуне, не зная дороги в лес и не соваться. Но оттуда лес не казался очень уж страшным, думалось, что молва многое преувеличивала. И только в «Пристанище» она поняла, на что решилась. А Волк, почему он взялся их вести? Не из жадности же. Ведь сам боится этого леса, не хочет через него идти. Велене стало жутко. Так хочется жить, какова же вероятность, что они пройдут? Впрочем, она не долго колебалась. Лучше погибнуть в бою, ища того, кто попытается освободить Шлем, чем стать женой того, на кого укажет в минуту блажи Горимир, взявший ее под крыло после смерти отца. Ежели Шлем все-таки освободят, то у нее, по крайней мере, будет возможность отомстить за семью, вернуться в Червень с богатой добычей. А там, глядишь, – Велена улыбнулась, – и самой выбрать себе мужа! Все градские бабы с ума от зависти и возмущения сойдут, когда она сватов пошлет! – Велена разулыбалась, забыв на мгновение про все на свете. Поэтому она чуть не уткнулась в спину Оборотня, который резко замедлил шаг и принялся настороженно озираться, часто поглядывая вверх, на деревья. Лес впереди менялся. Дубы, осокори становились более низкими, кряжистыми, разлапистыми, затемнели между ними заросли черемухи и лещины. И все они были какие-то неопрятные, заросшие, увитые чем-то, увешанные, что в полутьме было трудно разглядеть.

Оборотень совсем остановился и подпнул что-то в листве:

– Ну вот, знак, что на сегодня далее ходу нет.

– Кости! – мрачно процедил Карислав.

В листве действительно белели остатки человеческого скелета.

– На самом деле помороки леса, опасные для нас, начинаются только отсюда, где на деревьях появляются все эти ползучие растения, – Оборотень еще раз огляделся. – Предлагаю переночевать здесь, не входя под «завеси».

– Предлагаешь! – Карислав возмущенно стукнул по стволу дерева. – Только не надо вот этого, таких вот «предложений», ты прекрасно знаешь, что мы от тебя зависим теперь во всем.

– Не надо так не надо. – Оборотень с трудом подавил злость. – Ломайте сухие сучья с деревьев, да смотрите, не отходите далеко.

Все молча разошлись. Когда ночь неожиданно накрыла лес непроницаемым мраком, у путников горел яркий костер и свет его казался единственным оплотом от слетающих на запах человека злых духов.

III

Ночь была сырая и теплая. Костёр трещал, разбрасывая искры, которые умирали так и не добравшись до неба, где могли бы стать звездами, как те, что выпали из под молота Сварога в небесной кузне. Лес затих, ничем не выдавая таящейся в нем угрозы. Только белые ночные мотыльки бездумно летели в пламя, словно пытаясь предупредить о том, какая судьба ждет людей, дерзнувших войти в лес.

– А ты не мог бы рассказать, что нас ждет впереди? – Золотинка обратилась к проводнику. Она старалась не называть Волка-Оборотня по имени, слишком хорошо зная, как много значит всякое из имен.

Оборотень, слабо освещенный огнем, задумался, поправил дрова в костре, и, ни на кого не глядя, заговорил:

– Там, где мы сейчас, довольно безопасно. По крайней мере, днем. А вот дальше на деревьях завеси. За несколько лет разные выюны в целой громаде леса вдруг вымахали толщиной с руку, а то и более, и длины немереной, опутали деревья как паутиной. Вот там то, на деревьях, и поселились мерзкие твари, которые не прочь полакомиться человечинкой. Ну да вы видели кости. Шилмасы довольно глупы, но не лишены коварства и хитрости. В таких местах полно их ловушек.

– А на сколько опасны они сами? – поинтересовался Святомор.

– Шилмасы медленно бегают, но ловки и мускулисты, лучше не давать им спрыгивать тебе на шею. А так, еще машут здоровенными сучьями, но ни умением, ни ловкостью в том не обладают. Главное не попасть в их ловушки, вряд ли они посмеют напасть на нас в открытую. Хотя... – Оборотень отодвинулся немного от костра и прислушался. – Хотя лучше ожидать всего, что может быть худшего. Ежели не случится – мы в выигрыше, а ежели произойдет – мы будем готовы. Корбовому лесу нельзя доверять.

– А правда, что лес прокляли недомерки?

– Ха! Недомерки! Нашли виноватых. Люди своими раздорами прокляли самих себя и отравили этим и лес. А все этот Шлем. Итарградцы так тряслись над ним, а сиверяне и восточные роды так стремились завладеть Итар Шлемом, что тень их взаимной вражды легла и на лесных людей. Война Вадимира – итарградского князя и людей леса, как вы знаете, окончилась ничем. Вернее – тем, что по западной границе леса легла полоса отчуждения, на которой люди не желали селиться. В таком-то проклятом и политом кровью бывших побратимов месте и поселился прибранный неизвестно откуда Ужас.

– Ужас? – встрепенулась Велена. – Кто это? Мы столько слышали...

– Вам лишне пока будет знать об этом. Ужас – это теперь весь лес. А тогда – люди долго еще боролись, не желали покидать родные места, но теперь уже здесь не живут.

– А Старый тракт до Итарграда зарос?

– Да не сказать, чтоб зарос, но нет более гибельного места. Верная смерть. Есть еще возможность проскочить через самый лес, но и она все меньше.

– А никто не пытался как-то проложить дорогу или прочистить старую? – Святомор никак не хотел примириться, что нет другого пути.

– Все боятся. Да и Итарградцы не очень-то горюют, что люди из родственных родов не появляются у них, как ранее, ведь желающие захватить Шлем тоже не могут попасть к ним с востока. А в Червене хватает и других забот. Ну да ладно. Завтра у вас не будет времени мыслить об этом, а только о том, как дожить до следующего дня.

IV

Не-бестолковейший очень любил жизнь. Свою собственную, разумеется. Беда в том, что, устраиваясь в этой жизни поудобнее, он успел многим насолить, нагорчить и даже нагадить. Всегда так трудно сдержаться, когда можно совершенно безнаказанно поносить жителей деревни! Он и не хотел ни с кем ссориться, но язык сам вертелся, выговаривая всякие ругательства и обзывания. Доставалось часто и многим, особенно же – шаману Не-понюшке, его старому сопернику. Не-понюшка зубищами скрипел, за глаза о нём плохо отзывался, но терпел, так как на стороне Не-бестолковейшего была реликвия.

Старейшина поёжился. Это была блестящая идея – выкопать из кургана голову недавно закопанного князя, проварить её, избавив от недоеденной червями тухлятины, и представить дело так, что он сам того князя убил и съел. Для достоверности, он даже погрыз немного череп, оставляя следы своих резцов. Сначала ему не очень верили. Но венец-то княжий был настоящим. А потом он ещё приспособился незаметно зажигать под черепом лучинку... Это было началом его взлёта. Гадающий на внутренностях Не-понюшка сразу оказался в тени, да так там и остался. А он не только выбился в старейшины, но ещё и приобрёл право поносить всех без разбора и получать филейные части от любой добычи. Мог и добиться от односельчан нужного ему решения, толкуя так и сяк «магический» огонь.

Расплатой был постоянный страх разоблачения. Поэтому о набитом ценными штуками кургане он молчал как рыба, а лучинку зажигал всё реже и реже. Уже пяток лет как не пытался. А тут вдруг огонь в черепе возьми, да и вспыхни по-настоящему! Неужели череп и правда колдовской?! Какая жуть, он ведь недавно брал его в руки!

Что же делать?! Не-бестолковейший отодвинулся подальше от черепа и осторожно огляделся. Все, в том числе подсудимый Не-такой, всё ещё пялились с разъявленными ртами на реликвию, хотя огонь давно погас. Вот-вот они придут в себя и потребуют ответа! А он почём знает, чего хотят боги, или кто там, наверху? Уроды! Мало того, что зажигают без предупреждения, так ещё и не говорят, чего хотят! Он, конечно, готов соврать. А ну как с него потом спросят? Спустятся на крыльцах и к нему – чего дескать не то соврал? И что ему отвечать?

Не-бестолковейший задрал голову к небу, но ничего примечательного там не разглядел. Эти боги – вонючие уродищи! А может... они продались Не-понюшке? И огонь этот – знак шаману, что теперь он – главный? И может Не-понюшка знает, как его толковать? Не-бестолковейший срочно выглядел в толпе своего вражищу. Повезло! У шамана даже слюни изо рта текли, так он был поражён громом и пламенем. Значит это не его проделки.

Но что делать-то?! Что говорить? Они собрались осудить Не-такого. Может боги не хотят этого? Казнишь, а потом за это тебя боги на обед и сварят! И зачем только он затеял это судилище!

– Э-ээ... Кхе... Вот это да-а-а! – пришёл в себя подлющий Не-понюшка.

– Чудо, чудо! – зашумели в разнобой дупли и папаны.

– Тихо вы! – заорал так ничего и не придумавший Не-бестолковейший. – Чудо свершилось! Череп свидетельствует, что...

– Что?

– Что?!

– Что?!!

– Он говорит нам, что...

– Да что он говорит нам?! – выкрикнул потерявший терпение Не-добрый.

– Что суд сегодня будет особенно справедлив!

Укороты разочарованно загудели. Мало кто поверил, что такое грохотание, и всего лишь – за справедливый суд. Старейшина заметил, как загорелись глаза Не-понюшки, и понял,

что если он сейчас совершит ещё одну ошибку, она будет последней для него как старейшины. Как говорится: «В кругу друзей нож нужен острый». Он сосредоточился, дождался пока Не-добрый вновь сорвётся, выразив недовольство, и снова заорал:

– А ещё, дорогие мои людоеды, мы должны сегодня осудить Не-доброе за всё зло, что он совершил, и назначить новый поход за человечинной!

Сработало безотказно. Во-первых, он сразил всех придурков словом «дорогие». Во-вторых, может кто и догадался, что Не-добрый просто попал под горячую руку, но большинство так сильно его не любило, что с радостью согласилось с Не-бестолковейшим, вынуждено приняв его сторону. Тем более что судить его будут не «по совести», а по воле богов. Ну, а в-третьих, новый поход за человечинной был делом столь редким и столь ожидаемым, что укороты сразу прониклись – этого и хотят боги.

Папаны бросились бить и вязать Не-доброе, потом принялись обсуждать, когда и куда будет направлена провиантская дружина. Про Не-такого на некоторое время забыли. Все, кроме Не-бестолковейшего, ломавшего голову над тем, какая справедливость для богов более справедлива.

V

Утро не возвестило себя ни рассветом, ни пением птиц. Просто Святомор стал что-то видеть вокруг себя и с трудом различать цвета. Впрочем, различать было особо нечего. Вокруг царствовал почти один зеленый цвет листвы и коричневый – коры ольсы и дуба. Только одинокий зонтик сныти выделялся белым кружевом цветов прямо рядом с ним, да алела лента в волосах Велены.

Святомор вытянул из-под себя затекшие от долгого сидения ноги, с огорчением посмотрел на свои запачкавшиеся красные сапоги.

Может, одеться попроще было и удобнее, но знатность рода требовала своего. Конечно, род его ослабел, не имеет такого веса, как прежде. Но кто знает? Может быть он – Святомор – вернет роду былую славу?

Впрочем, мысли о прошлом, как и о далеком будущем, были тяжелы и неприятны, и Святомор с радостью отвлекся на проснувшегося Волка-Оборотня. Тот зевнул, задумчиво посмотрел вверх и медленно, с явной неохотой, поднялся. Возле догоревшего костра он поднял брошенный вчера Кариславом мех из-под браги, и скрылся в чаще.

Когда Оборотень вернулся назад, мех раздувался от воды. Святомор почувствовал вдруг жажду, взял попить. От его кашля и плевков проснулись все остальные.

– Что за гадость эта вода! На вкус отвратная, а запах – как из застоявшейся лужи!

– Из лужи и есть, – спокойно отозвался Оборотень, развязывая принесенные мешки. – На вкус она дрянная, конечно, но скоро и такой не будет.

Пока вставшие венеды наскоро перекусывали, Оборотень разложил тут же, на траве, какие-то вещи и оружие:

– Вот, припрятал в своё время. Золотинка, тебе придется одеть мужскую одежду, в платье и накидке здесь далеко не уйдешь. А потом выбирайте из оружия кто, чем может владеть.

Вилла подняла вещи, пересиливая страх. Ее дар говорил ей, что носившие их когда-то люди мертвы.

Грубая ткань из крапивного волокна все еще хранила память о сделавших ее женских руках, о дыме очага, о запахе загоняемого на охоте зверя, но сильнее всего она сохранила боль и страдания умирающих.

Золотинка не хотела этого ведать, но знание словно вспыхнуло у нее в голове и заставило пошатнуться.

– Золотинка? – Карислав хотел было ее подхватить, но его опередила почувствовавшая что-то Велена.

– Пойдем. – Она взяла виллу за руку и увлекла за деревья.

Только Святомор не заметил ничего, перебирая разложенные луки. Они были похожи на те, которые делают венедские охотники, но все усилены изогнутыми тисовыми пластинками, имели более крутой изгиб и мастерски были оплетены берестой. Это были боевые луки, но гораздо легче, чем те, что делали дружинники. Стрелы в простеньких колчанах были длиннее, имели иззубренные наконечники на бездоспешного воина. Закреплены они были слабо, с расчетом, чтобы остались в теле, если враг попытается выдернуть стрелу. И нигде ни узоров, ни знаков, кроме изображения солнца, общего для всех венедов. А рядом с луками и ножами лежал самострел. Святомор невольно потянулся к диковинному оружию. Самострелы изготавливали лабир-аниране и продавали их редко и неохотно. Да и покупать-то их венедские дружинники считали зазорным. Не смотря на силу удара и дальность полета стрелы, натягивание самострела требовало много времени и годило его лишь для засад и стрельбы со стен горо-

дища. А венеды драться исподтишка не любили. И все-таки хитроумный механизм с излучьем из стальных пластин притягивал взгляд Святомора.

Однако его опередил Карислав. Подобрал самострел, он заявил, что «вот эта тяжелая штука» как раз ему по плечу, а если он не попадет, то будет размахивать ей как дубиной.

Опешивший Святомор уже хотел, было, вскочить и потребовать самострел себе, но вовремя вспомнил о своем знатном роде, да и женщины уже возвращались.

Золотинка в мужской сорочице и штанах, подчеркивающих фигуру, смотрелась ничуть не хуже, чем раньше. Волосы, заплетенные в две косы, были кольцами уложены у висков и красиво сочетались с янтарным ожерельем-оберегом на её белой шее.

– Вот это да! – восхитился Карислав. – Вот женщина, которой идет любой наряд! Срази меня Поревит, если я видел когда-нибудь красивей!

Золотинка слабо улыбнулась на это, и, присев, подняла себе колчан с луком.

– Тетиву надеть на лук я не смогу, – она виновато посмотрела на Оборотня, – но стрелу пустить сумею.

– Хорошо, возьми лук с собой, – согласился Волк.

Карислав, недолго думая, взял выбранный Золотинкой лук, упер один конец в дерево, и, согнув чуть ли не в круг, набросил тетиву и вернул его вилле. Святомор, подумав, тоже поднял лук. В конце концов, самострел – презренное оружие.

VI

Волк-Оборотень, вырубив себе длинный шест, осторожно шел впереди, иногда прощупывая дорогу.

– Смотри, Золотинка, – прошептала Велена. – Кажется, наш проводник помрачнел еще больше!

– Вряд ли это возможно, – засомневалась та. – Он всегда мрачен, я даже не могу почувствовать его настроений, будто оно у него всегда одно и то же, но согласись, что это место совсем не радостное.

И действительно, лес все больше приобретает неряшливый, запущенный, гиблый вид. Необычайно толстые и длинные выюны оплетали деревья, свисали с ветвей, тянулись по усыпанной прелыми листьями земле.

Чаще всего попадался гигантский подмаренник, плети которого, как показалось Золотинке, могли выдержать и двойной человеческий вес. Повсюду свисали поникшие желтоватые колокольчики, окруженные трилистниками, в которых Золотинка признала ядовитый даже в обычном виде княжик. Карислав, неосторожно сорвав цветок рукой, долго шипел, тряся обожженной ядом кистью.

Повсюду была плесень и гниль, висели совсем уже невиданные стебли и корни. Вокруг непрерывно звучали какие-то подозрительные шорохи, скрипы, шелест.

– Приготовьте луки, – вскорескомандовал проводник. – Но без команды не стрелять. И вот еще что, держите ножи под руками, и если захлестнет веревка – режьте её не задумываясь.

Через некоторое время далеко справа вдруг послышалось нежное «э-р-л-л, э-р-л-л-лл».

– Что это? – поежилась Золотинка.

– Это наши «друзья» – шилмасы, – отозвался Оборотень, – похоже, они нас заметили. Он остановился, пригляделся, и обошел стороной еле заметную лощину. Все двинулись за ним дальше.

– Послушаешь эти звуки, и никак не верится, что их могут издавать злобные существа, – почему-то шепотом обратилась к вилле дочь Буриvoja.

– Многое бывает не таким как кажется. Беда иной раз приходит оттуда, откуда её совсем не ждешь.

– Это точно, – заметил Карислав, – но в этих криках нет ничего угрожающего. Я что-то с трудом представляю себе этих шилмасов.

– Могу вас уверить, – обернулся Волк-Оборотень, что как только вы их увидите, больше никогда не сможете слушать их голоса без содрогания. Кстати, смотрите сюда. – Он указал на какое-то подобие звериной тропки среди листьев, а потом ударил туда своей палкой. Словно из ниоткуда взметнулась грубая волосяная петля, захлестнула палку и рванула ее вверх. Оборотень невозмутимо поглядел на свой висящий в воздухе ослоп, вытащил меч, и, подпрыгнув, обрубил веревку.

– Ого! – Карислав осторожно подошел поближе. – Ежели такая петля захлестнет ногу, то будешь болтаться вниз башкой, пока не набегут эти самые твари.

Венеды заторопились дальше. Крики шилмасов слышались теперь и справа, и слева, и сверху, откуда иной раз сыпалась труха или падала плесень. Однако в этом полумраке ни одного шилмаса рассмотреть не удалось, хотя шуршание и треск веток слышались совсем близко. Оборотень вел их без всякой дороги, постоянно петляя, а иной раз и возвращаясь назад. Все кроме него давно уже потеряли понятие о нужном направлении. Вот Волк присел, вглядываясь вперед, потом мягко отступил немного в сторону, поднял здоровый сук и бросил его туда, где они должны были пройти. Раздался треск. Довольно большой пласт дерна обру-

шился вниз, открыв обширный провал. Крики «э-р-рл-л» зазвучали громче, с ноткой обиды и разочарования в нежных голосах.

Отвесные стены ямы на глубине десятка локтей уходили в мутную воду, которая теперь пузырилась и ходила ходуном, взбаламученная неясно различимыми подводными обитателями.

– В этом лесу нет ничего опаснее торных дорог и легких путей. – Сказал Оборотень и зашагал дальше.

VII

Оставив за собой омертвевшую весь, Морх бодро шагал по тропе, неизвестно кем проложенной в Корбовом лесу. Теперь он был полон силой до краев, она клокотала в нем, рвалась наружу, и все живое разбегалось с его пути. Только вороны следовали за ним, бестолково хлопая крыльями и хрипло вопя в надежде на добычу. И также как вороны, толклись мысли в голове у колдуна. Морх не знал силу Предреченного и не хотел ее испытывать сам. Еще раньше Предреченный должен быть сломан, испуган, подавлен. Еще в веси, рассматривая человеческие внутренности, Морх выгадал, что Предреченный в лесу. Теперь осталось лишь найти помощника, что сумел бы его схватить. Морх остановился, поглядел на ворон и поднял левую руку вверх.

Тотчас одна из них с радостным карканьем опустилась ему на запястье. Колдун посмотрел в ее черные глазки, а потом схватил другой рукой и с хрустом сломал птице шею.

Подруги погибшей, испуганно крича, снялись с деревьев, но вскоре вернулись, с прежней жадностью глядя на Умерщвляющего добычу.

Морх не обратил на них внимания. Раздвинув безвольный клюв птицы, ондохнул туда, впуская свой дух, и ворона зашевелилась, встрепенулась, осматривая мир белесыми, незрячими глазами. Морх торопливо нашел на своей одежде семя чертополоха, зашептал над ним, потом вложил в вороний клюв и запричитал:

– Лети и ищи силу и злобу, месть и хворобу, темные души, чуткие уши, острые зубы, жадные губы, ищи смерть несущее и мне послушное!

С последними словами он подкинул птицу высоко в воздух, и она молча, хлопая крыльями, помчалась в глубину леса. Только голова ее на сломанной шее беспорядочно болталась из стороны в сторону.

VIII

Белесые глаза мертвой птицы обшаривали лес, крылья, не зная устали, мяли воздух, пропитанный порчей. Когда стемнело, ворона опустила на землю, дожидаясь следующего дня. И вот ночь разорвалась, съезжилась подальше от глаз Яра. Мертвая птица снова была в воздухе. Белесые глаза в очередной раз заметили нечто. Среди ветвей деревьев, опутанных вьюнами, таились существа, чьи глаза со злобой посматривали вниз. Их было много, тела отливали красным на фоне листвы. Теперь ворона знала нужный ей путь. Развернувшись, она полетела туда, где над деревьями высились остатки крепости из гранитных глыб. Кажущаяся пустота развалин не обманула птицу, белесые глаза нашаривали что-то в темных провалах окон сохранившейся башни.

Окна-бойницы, с видневшимися краями ловчих сетей, были опасны для ее тела, птичьи кости густо усыпали землю под ними. Прекратив кружить, ворона спикировала в дверной проем и, не давая опомниться сидящим внутри тварям, полетела вдоль ведущей вверх лестницы. Свист рассекающего воздух меча раздался вдруг возле самого ее крыла. Ворона шарахнулась в сторону и вверх, и второй удар только лязгнул по камням. Хлопая крыльями, она влетела на второй поверх. Те, что сидели здесь, были растеряны – красные ничтожества во главе с ничтожным царьком! Птица выронила, наконец, семя чертополоха и зашла в хриплом граянье, разметавшем тишину.

И прежде чем успели опомниться шилмасы, из семени пополз на каменный пол белый морок, стал расти и менять очертания, пока из него не вызрела призрачная фигура Морха.

Оглядев затаившихся существ, Морх заговорил:

– Ничтожные твари, кто вы?

То, что раздалось в ответ, не было связной речью, но морок понял.

– Ха, ха, ха! Болотный слизень завел еще и детей! Я восторгаюсь этим! И у вас есть царь! Настоящий повелитель леса?! – морок снова расхохотался. – Где ты, Царь? Покажись мне!

Старый голый шилмас с железным обручем на голове робко подступил ближе.

– Ну, вот что, тварь. От моего лица говорит здесь повелитель Изверы. Здесь, в его лесу, идет человек. Ты и твои твари должны поймать его и держать до моего прихода во плоти. Понятно?

В глазах царька злоба уступила место страху и покорности. Да, они выполняют приказ повелителя Изверы.

IX

Вот еще одна яма раскрыта тем же способом. Спутники Оборотня даже не подозревали, сколько ловушек они миновали, отчаянно петляя среди деревьев. Еще один сук брошен вперед, но нет – ошибка. Оборотень торопился, шкурой чувствуя возрастающую опасность.

Судя по всему, шилмасов собиралось вокруг них все больше, и они смелели. Если их соберется достаточно много, нападения не избежать.

Он оглянулся. Все держали наготове луки, Карислав – взведенный уже самострел. «Ну что же, если не попадутся в ловушку, то должны отбиться. Ага, вот похоже еще одна яма. Да, никаких сомнений, уж больно чисто» – он огляделся и увидел поблизости неплохой древесный обломок. – «Как раз такой, какой нужен, чтобы швырнуть в яму. Как раз...» – он протянул руку... и, едва не коснувшись его, замер. Что-то было не так! Прислушался – ни одного крика! Разом взмокнув, Оборотень отодвинулся, перехватил половчее шест и резко ударил им по обломку. Миг – и из-под него, шипя, вывернулась змея. Мгновение они с Оборотнем смотрели в глаза друг другу, а потом удар палкой раздробил змее голову. Крики и возня шилмасов раздались снова, их «эр-л-лл» звучало теперь тише и как бы с досадой.

Услышав это, Оборотень пришел в себя, и скомандовал: «За мной!», рванулся с места, уже на ходу крича, чтобы стреляли, как только ясно увидят цель. Теперь он был уверен, что они вот-вот бросятся, и, мчась между деревьев, искал место почище, где можно дать бой. Но едва он заметил такое место, как прямо впереди спрыгнул на землю шилмас. Увернувшись от удара дубиной, Волк начисто снес паршивцу голову и успел отскочить как раз вовремя, чтобы следующий, прыгнувший на него сверху, промахнулся. Этот промах дорого обошелся твари, окончательно приземлившейся уже с перерубленным горлом. Сразу же пришлось столкнуться с еще двумя. Оставалось надеяться, что его спутники справляются сами.

Х

Золотинка бежала за Святомором и Веленой, когда заметила движение справа и на ходу пустила туда стрелу. Потом сразу несколько красных существ появилось вокруг, прыгая сверху. Она успела увидеть, как спустили тетиву Велена и Святомор, как сверкнул меч Волка-Оборотня. Не к месту мелькнула мысль, почему он выхватил свой, а не меч Карислава. А потом услышала крик позади – Карислав барахтался под двумя повалившимися его тварями. Дрожащими руками Золотинка рванула тетиву. Ее стрела пробила голову одному из шилмасов, Карислав отбросил второго, продолжив борьбу, а она застыла, не в силах отвести глаз. Шилмасы были похожими на людей существами, но это были не люди, и у них не было кожи! Голое мясо с прожилками сухожилий, опутанное синими венами! Безвекые глаза убитого ею шилмаса продолжали смотреть из разверстых глазных впадин, под которыми белел хрящ носа. В безгубой пасти из десен торчали длинные зубы. Ничего более ужасного ей еще не приходилось видеть.

Впереди Святомора повалила мерзкая, безкожая тварь. Велена отбросила лук, и выхватив свой легкий меч, с размаху перерубила шилмасу хребет. Оборотень яростно отбивался от двоих или троих. Вскочивший Святомор крикнул, чтобы Золотинка помогла Кариславу, а сам тут же сшибся с ещё одним подоспевшим шилмасом.

У Горимирова дружинника дела действительно были плохи. Он с трудом поднимался с земли рядом с двумя трупами, а сверху уже готовился прыгнуть очередной безкожий, еще двое спешили справа. Вилла вновь натянула тетиву. Ее стрела оборвала жизнь нападающего сверху. Велена подросла как раз вовремя, чтобы отвлечь тех двоих, пока не оправился Карислав. Отбивая сильные, но безыскусные удары, они начали теснить шилмасов, когда раздался крик Оборотня, призывавшего уносить ноги.

Карислав с начала боя так и не успел воспользоваться самострелом. Едва расправившись с двумя повалившимися его тварями, он выхватил топор и пришел на помощь Велене, с удовольствием глядя, как летят щепки от попавших на лезвие топора вражеских дубин. Первый страх прошел, и Карислав разошелся, ухая при каждом ударе. К его вящей радости с Золотинкой было все в порядке, ни одна тварь на нее даже не бросилась, не ясно почему.

Святомор пришел на помощь Волку-Оборотню как раз вовремя, того уже прижимали к деревьям. В два меча дело пошло веселее, шилмасы понятия не имели о выучке. Застыв на месте, Святомор разил мечом, лишь уклоняясь от грубых и прямых ударов. Оборотень дрался по-другому. Непрерывно двигаясь, он использовал как укрытия отдельные деревья и кусты, заставлял противника терять терпение и осторожность, а сам неожиданно атаковал сбоку или сзади, всегда решительно и внезапно. В очередной раз поднырнув под удар, он подрубил одному из противников ноги, как раз в этот момент Святомор ранил другого, и остальные бестии, не выдержав, бросились наутек, ловко карабкаясь на деревья.

Добив раненых шилмасов и убедившись, что все венеды целы, Оборотень снова заставил их перейти на бег, спеша в менее заросшую выюнами часть леса.

XI

– Слава Поревиту! – тяжело дыша, воскликнул Святомор.

– Мы в долгу у праотцов. – отозвался Карислав.

Став в круг, вены напряженно высматривали врага.

На шум сверху среагировали мгновенно, резко отпрыгнув в стороны. Лишних пять локтей полета, что приходилось преодолевать шилмасам на таком слабо заросшем месте, с лихвой хватило – тварь приземлилась прямо на мечи.

– Сумасшедший какой-то поганец, – заметил Карислав.

Шилмасы шумели на деревьях, но близко не показывались. Волк-Оборотень оглядывался, оценивая ситуацию. Он чувствовал, что надо торопиться. Однако куда двигаться? Шилмасы обжили порядочную часть леса. Раньше он надеялся, что безкожие не осмелятся напасть на такой большой отряд. Но что-то случилось, и они очень осмелели. Прямо-таки беззаветно лезут на мечи. Впрочем, другого пути все равно нет, этот – самый безопасный. Но если промедлить – здесь и сгинешь. Наконец он принял решение:

– Будем пробиваться к укрытию, приготовьтесь, бежать нужно будет долго и быстро. – Оборотень огляделся в последний раз и рванулся вперед.

Они бежали за ним так быстро, как только могли, сшибая листья с редких корявых кустов бузины, путаясь в плетях подмаренника, перескакивая через поваленные стволы деревьев. Волк рисковал, вел почти напрямик, стараясь не думать о том, что может попасть ему под ноги.

Шум в кронах деревьев двигался по пятам, временами даже обгоняя. Пока вены бежали с такой скоростью, шилмасы не могли организовать нападение. Лишь бы хватило сил.

Волк задыхался, сердце бешено колотилось, но тело, казалось, действовало само по себе, неся его вперед. Мимо мелькали стволы деревьев, ветки хлестали по лицу, пни и валежины вырастали словно из ниоткуда. Обычно он мог бежать так и день и два, но воздух, отравленный разросшейся лихорадочной травой, с сердцевидными листьями размером с тарелку, драл горло, легкие готовы были вот-вот разорваться, в глазах темнело.

Его спутникам приходилось еще хуже. Залитый потом Святомор буквально тащил за руку Велену. Карислав дышал как загнанный тур, самострел, который он не пожелал тащить в руках, а прикрепил к поясу, нещадно бил его по гузну.

В голове Оборотня натужно гудело, глаза уже отказывались воспринимать что-либо. Желание упасть, остановится хоть на мгновение, а лучше – навсегда, все требовательней заявляло о себе. Но тут он скорее почувствовал, чем увидел, что почва пошла под уклон! Спасение было близко!

Когда-то давно здесь, в низине, протекала речушка. Лес задавил и иссушил ее жадными корнями, без остатка выцедив всю воду. Сохранилось лишь сухое русло, устланное ковром гниющих листьев и поросшее корявым рваньем кустов остроиглого боярышника. Подмытый в своё время водой берег, по-прежнему нависал корнями над пустующим теперь уже руслом, образуя небольшую, закрытую сверху нишу.

Именно туда и бросился с пологого берега Оборотень. Вены пробирались через кусты прямо за ним. И вот, наконец, раздвинув висячие корни, они вломились в сырую темноту ниши и попадали на землю. Долгое время слышался лишь придушенный хрип, люди никак не могли отдышаться.

XII

Велена долго приходила в себя, словно молоты стучали в голове, саднило горло. Рядом с ней ничком лежал Оборотень, справа – Золотинка, которой, похоже, пришлось не так худо, как другим. Она уже почти отдышалась и оглядывалась назад, пытаясь понять – нет ли угрозы. Но отсюда было мало что видно.

Велена еще долго приходила в себя после бега, а когда огляделась – содрогнулась. Корни беспорядочно и омертвело свешивались из плотного мрака сверху. В их изгибах и безобразных ответвлениях было что-то уродливое и неестественное. Ей вдруг страшно захотелось назад – на свободу.

Кто-то спросил у Волка-Оборотня насчет того, долго ли еще им здесь находится, тот начал отвечать, но тут Велену отвлек звук... или движение? Сверху, в корнях... Внутренне сжавшись, она напрягла зрение, вглядываясь в жуткое сплетение корней. И вдруг, на фоне светлого выхода, увидела, как что-то длинное, извиваясь, вытягивается по направлению к ней. Расширившимися от ужаса глазами девушка следила за приближением страшного нечто. Ужас рос и полнился в ней, сковывая невероятным напряжением. Велена не выдержала и закричала.

Она успела заметить, как метнулся к ней Оборотень, в следующий миг он навалился, зажав ей рот и враз выдавив весь воздух. Потом сдвинулся в сторону:

– Тихо!

Подкинувшиеся было венеды замерли.

– Кто-нибудь может зажечь огонь? – спросил он.

XIII

Карислав трясущимися руками достал кремень, застучал им, рассыпая искры, пока не подпалил небольшой лоскут промасленной тряпки.

Первое, что они увидели при этом слабом свете, были перепуганные лица друг друга. Потом их взоры обратились на Оборотня. Он был спокоен. И в руке держал длинную извивающуюся змею.

– Это была всего лишь змея, – заговорил он, оглядывая венедов. – Придется привыкать. С тех давних пор, как небесный зверь победил Меняющую Мир, эти гады расползлись повсюду. Но они не так уж страшны.

С этими словами Оборотень раздавил руками голову змеи и отбросил все еще извивающееся тело прочь.

– Иногда мне кажется, что Меняющая Мир погибла где-то здесь, потому что змей в этом лесу видимо-невидимо. Так вот, когда вдругорядь вам попадутся змеи, не кричите так сильно, я было помыслил – нам конец пришел. Тем паче такой крик и может отправить нас к праотцам, окажись неподалеку враги. Кстати, загасите огонь, он нам больше не нужен.

– Велена была очень испугана, вот и закричала, – вступился, гася тряпку, Карислав, я бы и сам закричал, не надо от девушки требовать больше чем она может.

Оборотень, уже сам успевший пожалеть трясущуюся Велену, услышав осуждение в словах Карислава зло оскалился:

– Что от вас требуется – решать мне! Ты что же думаешь, мы по грибы, по ягоды вышли?! Если вы будете бояться такой дребедени как змеи и пауки, так вы, может, еще скажете, что и темноты боитесь?! На кой ляд вы тогда сюда потащились, и что станется, если встретим и верно страшное?!

– Не ори на меня! – взорвался Карислав, наверное с большей силой потому, что чувствовал правоту проводника. – Мы, в отличие от тебя, не якшаемся с нечистью и черными силами и с нелюдью в друзьях не ходим, злых дел не творим и поэтому нам есть чего бояться!

– Что-о-о?! – протянул Волк, пытаясь подняться.

– Остановитесь! – твердость в голосе Велены заставила Оборотня послушаться. – Нашли время, чтобы ссориться, – голос ее смягчился, – Оборотень, Карислав хотел всего лишь сказать, что ты больше привык к таким опасностям и жизни в лесу. И он извиняется, ведь правда?..

– Извиняюсь, – нехотя процедил Карислав.

– Я знаю, что он хотел сказать, – голос Оборотня был холоден и спокоен. – Единственное, почему я его не прикончил, это мысль, что все мы нынче зависим друг от друга, ссорится в самом деле не время.

Шилмасов больше не было слышно, их голоса, теперь уже всем казавшиеся мерзкими, затихли вдали. Но венеды не сомневались в том, что снаружи их ждут.

XIV

Припаса в коробах было еще много, но Оборотень решил экономить, ни мяса, ни сала поесть не дал, но и хлебом с жгучим редисом ужинали так славно, что шилмасы снаружи наверное слюной изошлись. Карислав пустил по кругу свой последний мех с рябиновой бражкой, от которой Оборотень предпочёл отказаться.

Среди венедов сам собою развязался тихий разговор о былом, под которым подразумевалось теперь всё, что было до этих дней в лесу.

– Все в нашем роду были воинами, – рассказывал Карислав, – мои предки дрались вместе с Хельсом Утренним Ветром против войск Смарда и восстали вместе с Радомыслом против Злыгостя, воевали за шлем с северянами. Мой предок Сеченый Вяз пришел с востока Вражьего моря на берега Звеницы, на земли Червеня. Сын Оста Сухорукого – Сухман – был одним из величайших воинов на свете. Вместе с Любомиром Крылатым он крушил орды чужаков у Соленого озера, ходил на Свиару вниз по Диве, город ныне давно разрушенный, и взял с него дань, возвратился с богатой добычей. Там, под Свиардом, он бился на поединке с великаном-гилканцем и сразил его, ударом кулака вогнав в землю по самые уши. Он сражался один с целой тысячей лесных людей, и погиб, лишив живота многих из них. Его сын – Черный Хорь – был моим прадедом. И на него, как и на всех других моих предков, благосклонно взирают теперь Зибог и Дана в их новой жизни в Замирье, и они сидят за одним столом с другими великими героями – Хельсом, Нортоком и иными, покрывшими себя вечной славой!

Оборотень попытался представить себе такую картину и усмехнулся в темноте. Похоже, великие герои в ирии просто окружены толпами Криславовых родственников. И если все они такие же хвастуны, как и он, то бедным героям приходится не сладко. И как это Карислав позабыл сказать, что его родственники и Эрлота Лес Мечей приветствуют при встрече? Эта картина понравилась Оборотню еще больше, у Эрлота ведь восемь рук и родственники могут подходить для рукопожатия пачками.

Карислав тем временем продолжал:

– Мой дед – Богдан с Заилья – воевал против войск Арсена Горбатого и ходил в набеги на все четыре стороны света, только на пятой сложив голову. А мой отец, Велемир, погиб шесть лет назад в Лукоморье от мечей летборгцев. Я, конечно же, отомстил за его кровь, но знаю, что он радуется всякий раз, когда очередной летборгец спотыкается о лезвие моего меча.

– А кстати, о мече, – прервал его Оборотень. – Мой меч, откуда взялся он?

Все замерли, ожидая ответа.

– То, что меч у тебя, – прорычал, с трудом сдерживая ярость, Карислав, – еще не значит, что он стал твоим. Он всегда был и остается мечом нашего рода Сеченцев, и я – Карислав Черный, сын Велемира, постараюсь как можно быстрее вернуть его обратно.

Оборотень пропусти угрозу мимо ушей:

– Так откуда появился этот меч?

– Им владел еще Сухман, рассказывают, что он добыл этот колдовской меч в логове дракона у Терпкого моря на землях Земсолна, на мысе Каменной руки. Знающие люди говорят, что на клинке лежат какие-то ужасные заклятия.

Оборотень удовлетворенно кивнул самому себе – он правильно решил, что меч необычный.

– Когда-то в детстве я слышал про мыс Каменной руки, – задумчиво сказал Святомор. – Сказывали, что этот мыс – отрубленная рука каменного великана, сразившегося с Меняющей Мир, единственного, кто встретился с ней, и не поддался ее очарованию. Конечно же, великан погиб. Разве кто-нибудь кроме богов мог ей противостоять? Он знал это, но не отступил и не сдался. А мы, враждуя между родами, даже против Летборга не можем выступить вместе.

– Точно, – поддакнул Карислав. Пока мы бьемся – другие сидят в лесах...

XV

Золотинка вслушивалась в слова своих спутников. «Как ни печально, – думала она, – но Карислав с Оборотнем совершенно не ладят. Оставь их одних – тут же передерутся. А еще этот меч... Карислав очень дорожит им как родовым наследством, а тут пришлось его отдать. А зачем меч Оборотню – тоже неясно, в стычке с шилмасами он пользовался только своим. И вообще странно, все ее спутники готовы говорить о чем угодно, только не о цели перехода через лес. Её-то ведет вперед наитие, чувство, то самое, что отличает вилл от остальных людей. Она родилась в семье общинника и до шести лет ничем не отличалась от сверстников, но однажды...

Кресень изок – месяц кузнечиков еще только начался, а Яр – великое солнце, уже много дней не прятал лик за тучи. Род и Зибог расстарались, и луга благоухали густым разнотравьем. Вся весь вышла на сенокос. Мужчины с песнями, дружно взмахивали косами, женщины сгребали сено, что уже подсохло. Она играла с другими детьми – охотилась на букашек, вязала из травы отпугивающих вредных существ чуров, выслеживала полевого, и не заметила, как ушла далеко, к самой речке, бегущей среди талин. И тут она услышала зов. Здесь, в земле, был закопан когда-то чужой воин. Но она обояла запах крови, чувствовала боль! Чужой воин звал ее, просил похоронить его останки по обычаю. Испугавшись, она с плачем помчалась назад, а там ее ждало уже свое горе. Яр, осердившись за что-то на ее отца, ударил его своим лучом. Здоровый как зверь, он теперь умирал, и даже вода не остужала его голову. Не понимая, что делает, она сама взяла ковш и, обмакнув в воде руку, возложила ее на чело отца. И благословенная влага Даны в ее руках сотворила чудо, отец ожил и вскоре уже был на ногах. Взрослые очень серьезно отнеслись к ее рассказу о чужом воине. Мужчины, обвешавшись оберегами, ушли туда, и на закате густой дым погребальной крады отнес на небо чужого воина, чьи останки, как рассказывали, уже почти истлели.

Так в ней пробудилась вилла. С тех пор родители перестали обременять ее работой по хозяйству, учить женской науке. Избранным Ладой и Данной – не играть больше со сверстницами, не прясть с подругами пряжи, не женихаться на Купальскую ночь, не уйти в чужой род, чтоб рожать детей и быть верной женой. У них – свой путь, скрытый от простых смертных. Много слез было пролито, прежде чем она приняла для себя жизнь, следующую зову, жизнь не как у остальных людей. В девять лет покинув весь, она стала пытаться свой путь. Среди народа западных, сиверных и восточных родов не найдется человека, который поднял бы руку на виллу. Дикие звери не трогали ее, а нечисть боялась, хотя силы против них у нее не было. Правда, и страха тоже не было. Детские слезы не прошли для Золотинки даром, наверное, тогда она научилась чувствовать и лечить чужую боль, слышать то, чего не слышат другие, научилась терпеть и в искры превращать свое негодование. Это последнее, она была уверена, тоже было даром богинь.

«Но лучше бы они подарили ей женскую долю», – с горечью думала она, устраиваясь поудобнее на неровностях холодной земли рядом с Кариславом и радуясь, что именно Оборотень стережет первым.

XVI

Оборотень лежал рядом с Веленой и никак не мог уснуть.

«Сегодня мы преодолели первое препятствие. Будет ли все так удачно завтра? Карислав еще этот. Может быть, он воин и не плохой, но уж и сволочь порядочная. А какого мнения о себе! Предки у него! Мыслит, что меч и сила решают все. Нет, «славный» сеченец, чтобы выжить здесь нужен еще и ум и хитрость звериная, а у тебя их маловато. И последний бы ум пристало выбить, да не след пока. Он де якшается с черными силами! Может, и есть тут доля правды, иначе не понадобилась бы жертва, но ведь плата это за всех оставшихся. И он честно всех о ней предупредил.

И на кой черт он тащит с собой этот дурацкий Кариславов меч? Да с заклятиями он, колдовской, потому его и потребовал. Ну да как выгадать, будет ли от него прок? Да и вообще, возьмётся ли он за него? А этот барсук Карислав даже не знает, что за заклятия на мече.

Бедная Велена. Ну и денек ей пришлось пережить! Впрочем, нет, не бедная! – одернул он себя. – Ему плевать на них. На всех. Он ничем им не обязан и не будет обязан до конца пути. Прочь чувства к ним. Они лишь его спутники и только». – Оборотень разозлился на самого себя. Но что бы он там не думал, он чувствовал, что не сможет остаться в стороне и смотреть спокойно, как умирает любой из них. Даже полоумный Карислав. А ведь ему придётся кого-то погубить! Тяжесть на сердце и гнет на душе не отступали перед жалкими оправданиями. Только меч Карислава на его боку не давал места отчаянью. Он давал надежду. Оборотень уже засыпал, когда вспомнилось слышанное не однажды предание о Меняющей Мир...

XVII

...Давным-давно, во времена стародавние, времена достопамятные, когда ещё приходили на землю бессмертные боги, отгремела битва творений и война с силами ночи, когда свежа ещё была память о Великой войне за Шлем, где шли друг на друга роды одного народа, и проливалась кровь братьев, тогда, когда основан был хранимый богами Итарград, случилось это...

Могущественны боги. Каждый из них владеет какой-то силой, но не может владеть силами других. И единства среди них нет также.

Вечна мечта о совершенстве, не миновала она и богов. Задумали они создать творение, обладающее всем лучшим, что было у каждого из них. С небесного дерева, прародителя всех растений, взяли боги семя и наделили его своими силами. И вот уже посланник богов Симаргл отбыл на землю. За Терпким морем, на севере Земсолна, в благодатной долине меж Копейных гор посажено было семя в мать-землю, стихию Зибога. Сама Дана пролилась там благодатным дождём, на три дня Яр застыл над долиной, согревая своими лучами землю, три дня не видели его в остальной поселенной.

И вот, наконец, расступилась земля и явилась миру женщина, прекрасней которой не было ещё никогда. Благодать и чистота воды, яркость солнца, жизненная сила земли и стремительность ветра, всё было в ней, и не отразима её красота. Велики и силы – управлять всем живым и неживым могла она. Рады боги, думали они, что создали совершенство.

Окружённая духами бродила она по земле, меняя мир, привнося в него новые черты, удивляя и очаровывая жителей поселенной. И так сильно было её очарование, что стали даже избегать её люди, ибо мало кто из узревших её красоту мог забыть это. И многие шли за ней, оставив всё, забыв свой род, детей и близких, свой долг и свою долю, лишь бы только снова и снова видеть её. Не только люди, но даже многие драконы склонили перед ней свои головы, даже племена воинственных бронтов и гордых бриареев сразила её красота.

Но шло время, и всё мрачнела она. Заложенные богами разные начала рвали изнутри её душу. Невозможно одновременно быть спокойным и буйным, жарким и холодным, твёрдым и мягким. Всё сильнее и сильнее мучилась она, всё уродливей и некрасивей становилось созданное ею. И ничем не могли помочь ей боги.

Тогда-то, ища спасения, и встретила она посланника Ния. Лживыми речами как сетью опутал её Смард. Боги, говорил он, определили ей мучения потому, что, дав ей всё, утаили от неё чёрную сторону жизни, злую её суть. То, что есть у всех, нет у неё одной. Только вобрав в себя и тьму, сможет избавиться она от невыносимой боли. И поверила она и приняла тьму. Но лишь большее стало ей и разум её погрузился в хаос.

Не сразу заметили боги перемену. А её истерзанная душа обратилась во зло. Отомстить богам задумала она. Три дня и три ночи не выходила она из пещеры в горах Изверы. Там, вдали от чьих-либо глаз, сотворила она «глэсс» – камень власти. А на четвёртую ночь завладела она душами тех, кто шёл за ней, и заключила их в кристалл. Теперь никто, из любивших её, не мог послушаться её злой воли. Ненавидя всё, созданное богами, она возненавидела и их создания и стала уничтожать всех, кто ей не подчинялся.

И вот уже земли Земсолна заполонили злые духи и нечисть. Попавшие под её власть драконы сжигали селения и поля, бронты и люди разрушали города и убивали всех, даже не думая брать добычи. Много страшного совершили те, кто стали рабами камня – люди, бронты, бриареи, драконы. Те же, кто не успел спастись, приняли в Копейных горах последний свой бой.

Теперь на север, в обход Терпкого моря направляла она свой путь, и вот уже восточные роды венедов теснятся ею. Только тогда решились боги выступить против и уничтожить свое самое дорогое создание. Огромный небесный зверь спустился на землю. Она же превратилась в гигантскую змею. И началась страшная битва. Тряслись и рушились вековечные горы,

трескалась земля, море выходило из берегов, а пыль заслоняла солнце. Блистают бронированные кольца змеиного тела и хлещут, изгибаясь, по зверю, стараются захватить и задушить его. Страшен рёв чудовищного зверя, рвёт он когтями и клыками тело змеи, черпает силы земли и света. А тут и Стрибог сдул в сторону пыль, и во всю силу заблистал Яр, могучее солнце.

Победил божественный зверь. Упала и издохла поверженная змея. Но из её тела родилось множество мелких змей, расплзшихся по всему свету. Кристалл же разбился, вернулись из него заточённые души. Однако многие из них успели измениться и привнесли в мир жажду крови и власти, ещё большую, чем было прежде...

XVIII

Волк-Оборотень открыл глаза. Сумрак. Значит, утро уже приспело. Чей-то храп мешал ему сосредоточиться. Велена сладко и тихо спала рядом. За Святомором и Золотинкой где-то лежал Карислав. Именно оттуда и раздавался громкий храп. Да, не повезло им иметь такого спутника. Хорошо хоть все так устали вчера, что храп вряд ли кому помешал. У Золотинки, к тому же, спокойствия на десятерых. Добро, что они ее взяли. Отец не зря говорил когда-то, что повстречать виллу – хорошая примета. А отец был мудр, кто еще мог бы научить его так слышать лес?

Позади, вдруг, кто-то засопел. Оборотень осторожно протянул туда руку и наткнулся на что-то живое и мохнатое.

– Шерстатый! – прошептал он, – ты жив! Я чувствовал это, но все же беспокоился. Ты верно голоден? Уходя, мы оставим тебе подарочек. Послушай. Старый ход, ведущий к нашему острогу еще цел?

Маленькие руки утвердительно похлопали по запястью Оборотня, и существо с легким шуршаньем удалилось.

– Еще раз спасибо! – прошептал вдогонку Оборотень.

– С кем ты там говоришь? – сонно заворочавшись, спросила Велена.

– Тебе почудилось, спи. А лучше – просыпайся, уже настало утро.

– Утро? Но ведь темно. – Велена, раскрыв глаза, потянулась, побеспокоив Святомора.

– Ты забыла, что кроны деревьев плотно закрывают небо, а мы еще и под корнями.

Светлее уже не будет.

– Жаль. Я бы хотела поглядеть в зеркальце на свое лицо.

– Оно такое же красивое как всегда.

– Что?!

– Нет, ничего...

– А я думала, что ты меня терпеть не можешь.

– То есть как это? Терплю ведь, – хмыкнул Оборотень. – А если даже и нет, кривды не сказал бы.

– Спасибо.

– Не за что. Не так уж часто в лесу можно такое сказать. Разве что зарнице и берегиням. Да и те поперевелись.

– Скажи мне, Оборотень, кто ты? – Велена с трудом угадала в темноте его глаза.

– Я? ... Скиталец, бродяга.

– Где ты родился?

– Если скажу здесь, ты поверишь?

– Нет.

– Ну, так я все равно скажу, что здесь.

– А кто был твой отец?

– Такой же скиталец, как я и как мой дед.

– И тебе никогда не хочется иметь свой собственный дом, семью?

– Запирать себя в четырех стенах? Зачем? Нужно жить, нужно увидеть всю явь и поселенную. А потом можно и отдохнуть в замирье, если только вокруг не будут толкаться Кариславовы родственники!

Велена засмеялась.

– Чем они тебе так не понравились?

– Тем, что Карислав считает себя выше других уже потому, что может назвать их всех.

А между тем они давно в ирии и ничего не значат.

– Ты не совсем прав, – возразила Велена. – Но я не хочу с тобой спорить. Скажи только, вот станешь ты стар, а своего дома у тебя так и не будет и никому станет о тебе заботиться. Разве ты этого хочешь?

– Мне не дожить до старости, но даже ежели так, то мне все равно не нужен какой-то там дом.

Оборотень помрачнел и нахмурился. Хорошо, что этого не видно в темноте. Ему действительно не нужен какой-то там дом! Ему нужен свой, тот, что лежит в развалинах в этом лесу. Тот, в котором поселились вонючие шилмасы! Тот, защищая который погиб его отец.

– Оборотень, когда мы выступаем? – это проснулся Святомор.

– Как только поедим. Буди остальных.

– Я уже не сплю. – Отозвалась Золотинка. Проснулся и Карислав.

А по нише, в которой они хоронились, неожиданно разлился мягкий зеленоватый свет. Оборотень зачаровано держал в горсти маленький шар Хранителя света.

– Ну вот, – он посмотрел на своих спутников, – теперь мы не одни.

Венеды достали из коробов припасы, Оборотень щедро выложил сало, словно не он вчера призывал его сберечь.

– Оборотень, – Святомор на миг прекратил энергично поедать припасы. – Почему ты никого не будил на смену?

– Да я сам спал, вот и не будил.

– Как спал?! А ежели бы на нас напали?

– Ну, съели бы наверное. Не знаю...

Некоторое время Оборотень ел в полной тишине и одиночестве. Наконец Карислав тяжело сглотнул: – Ну и что, выбираемся отсюда? – Голос его был слегка сипл. – Надоело уже под землей торчать.

– А еще глубже под землю не хочешь?

– Нет.

– А придется. Не берусь гадать сколь шилмасов уже наверху собралось, да поди уже и с сетями. Вдруг, как ранее, нам не пройти. Но отсюда, из ниши, ведет старинный подземный ход до полуразрушенного Гранитного острога. Там у шилмасов логовище, князек их сидит. Покамест нас здесь стерегут, можно пробраться до острога и напасть на логовище. Ежели князька прикончим – дело наше, шилмасы без него безвольны. Ну а ежели нет, то все одно там веселей погибать будет.

– А насколько надежен этот подземный ход? – настороженно поинтересовался Карислав.

– А лихо его знает. Полезем, проверим. Ну что, готовы?

Незаметно положив на землю несколько кусочков хлеба, Оборотень полез куда-то в темноту.

XIX

Карислав лез за Святомором, проклиная про себя все эти подземелья. Ход действительно был старинный. Он представлял собою нору высотой чуть более двух локтей и столько же в ширину. Так что один человек мог передвигаться на карачках, а двое встречных могли при желании расползтись. Когда-то стены были обмазаны глиной, которая, как решил Карислав, позже обжигалась, так как была жесткой как камень. Теперь глина во многих местах растрескалась, где-то обвалилась, размытая ли водой. Тут и там стены обезображивали различные грибки, плесени и лишай, многие из которых светились призрачно и холодно. Только они и позволяли что-то видеть в темноте. Там, где их не было, приходилось пробираться абсолютно на ощупь. Затхлое, сырое подземелье давало мало воздуха, чем дальше, тем труднее становилось дышать. Ход не уводил слишком глубоко, а вел на уровне самых нижних корней деревьев, которые, пробиваясь сквозь глину, жадно распушивались, улавливая влагу. Всякий раз, когда они задевали лицо или руки, Карислав содрогался от омерзения.

Внизу ход был усыпан осколками глины, местами застаивалась протухшая вода и почти везде – жидкая, липкая грязь. Попадалась и грязная паутина, не до конца сорванная ползущими впереди. Ее охраняли жирные, мохнатые, гадкие на ощупь пауки, в чем Карислав убедился, когда раздавил одного такого рукой. Оставалось только поражаться терпению девушек...

Велена двигалась сразу за Оборотнем, с трудом удерживая его темп. Руки скользили в грязи, иной раз проваливаясь в черную жижу. Иногда, при рассеянном свечении уродливых грибков она видела норы самых разных размеров, источившие стены хода, а раза два ей показалось, что она видела в них блеск чьих-то глаз. Сжав зубы она ползла дальше, стараясь не кричать, когда что-либо мерзкое касалось ее лица или выскальзывало из-под рук. Она была уверена, что раз наткнулась на змею, и в кровь прокусила губу от усилия не шархануться прочь, пока та, зло шипя, ускользала. Что бы не случилось, она не крикнет и не покажет своего страха Оборотню и другим!..

Золотинка пробиралась за Веленой, не уставая удивленно всматриваться вперед. Она никогда еще не видела ничего подобного! Ход в глубине огромного, безбрежного леса, тянувшийся на сотни и сотни саженей! Какова вообще его протяженность? И кто тот неведомый, вырвавший его? Все эти вопросы кружились в ее голове, порождая все новые вопросы. Например, она очень хотела бы знать, кто и когда пользовался ходом последний раз? Если бы не грязь, в которой скользили ее тонкие руки и не тяжелый дух подземелья, здесь было бы даже вполне сносно. Правда волосы приходилось прятать под плащом, а лук постоянно за что-то цеплялся. А еще, хвала богиням, что она не боится всех этих гадов, вокруг она чувствовала множество мелких, злобненьких разумов. И если жабы и змеи спешили уйти с людского пути, то крысы... крысы были повсюду, она даже слышала, как они скребутся справа и слева. Иногда ей казалось, что этим стенам не будет конца и края, что ладони и колени превратились в кровавое месиво, что земля, время от времени почти пересыпавшая ход, содержит под собой чьи-то останки...

Святомора угнетала тишина. Нет, он слышал, конечно, движущихся впереди, и Карислава сзади, слышал и шорохи, и тихую капель воды, но все это в какой-то неподвижности, глухоте и казалось, что всего мира – нет. Нет ни венецианских княжеств в густых лесах, ни моря, по которому плавают похожие на чаек аниранские корабли, ни летборгских рыцарей, закованных в железо, ни Итарграда, где все, от мала до велика стерегут чудесный шлем, подарок Поревита. Всего этого нет, только они и эта нора. Как длинен путь, как угнетает тишина...

XX

Карислав взмок от пота. Но потел он не только от усилий. Ему казалось, что ход сужается, давит, что еще немного, и он не сможет пройти, сотоварищи уползут дальше, а он останется. Один. Один в этом узком ходу! И он сожмется и задавит его!

Карислав спешил, страшно боясь отстать, запинаясь, падал, но снова вставал на колени и полз, напряженно вслушиваясь и вглядываясь в темноту.

А если обвал, что тогда? Подумал ли об этом Оборотень? Или ему все равно, он ползет первым. Пусть нас засыплет, мы умрем, он поползет дальше. Так и есть, ему нельзя доверять! Предатель!

Как здесь душно. Чувствуется, как сужается ход! Они все пролезут, а он останется. Быстрее, только не отстать!

Оборотень торопился впереди, расчищая себе путь ножом. Вот уж не думал он, что придется еще раз воспользоваться этим ходом. Он был здесь единственный раз много лет назад. Тогда, после гибели отца, он, семилетний мальчик, покидал Гранитный острог, спасаясь от призрачных воинов.

Уже тогда ход был не в лучшем состоянии, продухи, вырытые пол века назад, засорились. Шерстатый дал понять, что ход цел. И действительно. Но это еще не значит, что в нем не может быть завалов.

Как там Велена? Поспевает? Вроде бы да. Золотинка вилла, ей легче, богини берегут своих послушников.

Оборотень поморщился, в очередной раз зашибив коленку и пожалел, не имеет наколенников как у летборгских рыцарей.

Чуть дальше он увидел целую гирлянду светящихся грибов. И здоровенную нору, откуда раздавался приближающийся топот.

Оборотня прошиб пот. Он остановился, шепотом приказав Велене замереть. Сам же отодвинулся немного назад и, перехватив поудобней нож, замер, уставившись на нору. А она вдруг озарилась красным, и вот, оттуда выскочил некто, размером всего с локоток. Лицом он был похож на выхухоля, а в маленьких руках держал железную сковородку с раскаленными углями, осветившими темноту. Выскочив в ход, он остановился и посмотрел черными бусинками глаз на Оборотня. Одет он был в нарядный кафтанчик, перепоясанный кушачком (такие кафтанчики носят боярские дети в селищах), на голове у него была остроконечная шапочка. Ноги... ноги у него были конские, с копытцами. Несколько мгновений они с Оборотнем глядели в глаза друг другу, а потом существо повернулось и скрылось в норе справа. Послышался удаляющийся топот и хлюпанье воды.

– Шиликун! – облегченно выдохнул Оборотень, расслабленно опускаясь на землю.

– Кто это был?! – Велена подползла к нему ближе.

– А ты видела?

– Да, такой большой мышь, в кафтане и со сковородкой.

– Это не большой мышь, а маленький нежить – Шиликун. Но он не опасен, если только их много не набегит.

– Что случилось? – раздался из темноты голос Золотинки.

– Ничего особенного, чуть задержались. Двигаемся дальше.

– А как далеко еще?

– Прилично.

рис. автора

XXI

И снова стены, стены, стены, и темнота вокруг. Тяжелый воздух казался осязаем. Головы болели, люди уже плохо соображали.

С некоторых пор Карислав слышал шуршание позади себя. Кажется, их преследовали. Он часто оглядывался, но никого не видел, пока на него не наткнулись с разбегу две или три крысы, запищали, отпрыгнули, но снова двинулись вслед. Судя по звукам, позади них были целые полчища крыс. И они постепенно нагоняли, все ближе раздавалась возня и яростный писк. Карислав не знал что делать, из проклятого подземелья некуда было выбраться, а крысы вот-вот нападут. «Ну что ж, – решил он, – Карислав Черный не привык убегать от врага, он даст бой, а остальные тем временем успеют спастись». – Карислав развернулся и вытащил нож. Множество крыс замерло в сажени от него...

Святомор почувствовал, что что-то неладно. Карислава больше не было слышно позади. Он позвал, но никто не ответил.

– Золотинка!

– Да? – сразу отозвалась вилла.

– Молви другим, чтобы подождали. Карислав отстал. Я вернусь и посмотрю, что случилось.

Святомор быстро полез назад и вскоре услышал какой-то шум. Похоже, сын Велемира с кем-то дрался! И вот, в слабом свете грозди грибов, он увидел Карислава. Венед яростно отбивался ножом от атакующей его крысиной стаи. Крысы прыгали на него, кусали, старались вскарабкаться на шею, вцепиться в горло. Не медля больше, Святомор бросился на помощь...

Карислав рубил на право и налево, не обращая внимания на боль от укусов, стараясь лишь защитить шею и лицо, решив, что крысам очень дорого достанется его жизнь. Крысы нападали со всех сторон, прокусывая одежду, впивались в тело или ломали зубы о кольчугу. Окончательно свирепея, Карислав срывал их, отдирая иной раз вместе с мясом, давил, вмазывал в стену, ворочаясь как медведь в тесном проходе. Он смутно слышал как пришёл на помощь Святомор, по крайней мере, сзади крыс стало меньше. А потом вдруг в глаза ударил ослепительный зелёный свет. Крысы, почти добравшиеся до его горла, с визгом бросились наутёк.

– Вы что, весь ум попередумали? – послышался злой голос Оборотня. – Так мало осталось, что и на язык не просится? Почему не передали, что крысы появились? Такие знатные воины и смерти зряшной искать стали. Добро, что я подоспел вовремя. И Велену за Хранителя благодарите.

– Чего он так ярко? – ослеплённый Карислав шурился и прикрывал глаза рукой.

– Он светится лишь тогда, раздался голос Велены, когда попадает в человеческие руки, и тем ярче, чем сильнее чувства владельца – любовь и ненависть, страх или радость.

– А я зол, очень зол. – Добавил Оборотень.

Пока Золотинка перевязывала раны Карислава, шарик значительно потускнел, и проводник опять упрятал его подальше.

XXII

И снова путь в темноте, острые куски запечённой глины, режущие руки и колени. А воздуха становилось всё меньше. Оборотень задыхался, часто и хрипло хватая ртом воздух. В голове появился и становился всё громче постоянный гул. Всё чаще Оборотень останавливался, пытаясь отдышаться. Нож давно спрятан в ножны, нет сил делать им что-либо. Волк рвал паутину и корни лицом или руками, и двигался вперёд и вперёд. Перед глазами плыли радужные пятна, мысли прерывались: «Наверное... отверстия для воздуха забились... надо... надо пробить новое... иначе сдохнем».

Увидев место, где большой кусок потолка обвалился, обнажив свежую необожжённую глину, Оборотень остановился, вытащил меч и принялся неуклюже тыкать им, пробивая путь наверх. Спутники его, задыхаясь, подползли ближе и улеглись кто где, равнодушные к тому, почему произошла задержка. Да и трудно было что-то разглядеть в этой тьме. Оборотень тоже почти ничего не видел, но мысль добыть свет даже не приходила в его измученную голову. Он тупо крошил мечом глину, весь подчинённый только одной цели – пробиться наверх, к воздуху.

Дыхание хрипло рвалось из груди, руки тряслись, ноги отказывались держать, движения становились всё медленнее. Силы были на исходе, когда к нему протиснулся Святомор, молча стал помогать, а потом и вовсе сменил его, встал во весь рост и долбил, кромсал глину, не обращая внимания на то, что она сыпется ему прямо в лицо.

Слежавшаяся масса поддавалась плохо, а Святомор задыхался всё сильнее, но жить хотелось ещё больше. Он пробился уже на вытянутые руки, глина скрипела на зубах, но как рыть дальше? Меч уже не доставал! Святомора захлестнуло отчаяние. Им не выбраться! Но отчаяние словно удвоило силы, пинками, не чувствуя боли, он выдолбил в плотной глине ступеньку, вторую, поднялся на них и принялся копать дальше – судорожно и спешно. Сознание мутилось всё сильнее и сильнее...

Оборотень слышал, как Святомор вывалился из дыры и подполз к нему. Похоже было, что княжич потерял сознание. Теперь уже Карислав полез рыть дальше. Оборотень, дыша как выброшенная на берег рыба, прислушивался, как идёт работа, пока не убедился, что остановки стали длиннее, чем само дело. Буквально выдернув из дыры Карислава, он полез туда сам. Мускулы болели от напряжения, грудь грозила разорваться, когда наконец пошла земля, корни... Ещё немного, чуть-чуть...

Меч провалился в пустоту. Оборотень рванулся, принимая на плечи груз оставшейся сверху земли, и вырвался наружу, чуть не ослепнув от яркого света.

– Воздух! – заорал он счастливо, подтянулся на руках, вылез и начал быстро работать мечом, расширяя дыру. А потом, видя, что никто не спешит за ним, снова нырнул в затхлую вонь подземного хода.

XXIII

Велена очнулась оттого, что кто-то хлопал её по щекам. Она открыла глаза и увидела, что лежит на коленях у Оборотня, который пристально смотрит ей в лицо. Ответного взгляда Волк не выдержал, отвёл взор, встал, осторожно опустив её на землю.

Вокруг было светло так, что после подземелья даже слезились глаза. Правда, неба всё одно почти не было видно, только мощные кроны деревьев в вышине. Воздух – чистый, пропитанный запахом листвы, наполнял её грудь. Велена приподнялась на локтях. Венеды – испачканные и измученные, сидели неподалёку.

– Вот, думаю, бесславная кончина – крысы живота лишают, – рассказывал Карислав. – Все штаны погрызли, сапоги прохудили, только кольчуга меня и спасла...

Подле него сидела Золотинка, умудрившаяся сохранить в чистоте лицо и волосы. Она расчёсывалась, с улыбкой слушая Горимирова дружинника.

Святомор напрасно пытался очистить белую когда-то сорочицу. Его сафьяновые сапоги, облепленные глиной, теперь больше походили на лапти. Вид у княжича был, самый что ни на есть сокрушённый. Наконец, он бросил своё безнадёжное занятие:

– Оборотень, мы снова полезем в эту нору?

– Лезьте, – отвечивал тот, осматривая окрестности. – А я лучше так дойду.

– Ну уж нет! – возмутился Карислав. – Я туда больше ни за какие коврижки! Лучше уж кикиморе пряжу прясть, чем снова в эту нору попасть. – Он улыбнулся, довольный удачным слогом.

В ответ с деревьев раздался звонкий смешок.

– Кто это? – замерла с гребнем в волосах Золотинка.

– Мавки. – оборотень угрюмо посмотрел на Карислава. – Какого лиха тебя за язык потянуло? Зачем кикимору приплёл?

– Я... – Карислав испуганно замер с открытым ртом, высматривая в ветвях мавок. – Просто, к слову пришлось.

– К какому! – простонал Оборотень. Впрочем, он и не ждал ответа.

– Это точно были мавки? – Святомор тоже вглядывался в листву.

– Мавки. – Подтвердила за Оборотня Золотинка. – И они уже улетели.

– И что, они могут привести шилмасов?

– Скорее кикимору. – Оборотень начал быстро собирать разложенные на просушку вещи.

– А что может кикимора нам сделать? Она же вроде водится лишь близ селений. – Велена забеспокоилась вместе со всеми.

– Это домовая. А есть ещё кладбищенская, болотная, лесная. Только и надёжи на авось, что мавки не передадут. Ну-ка, собирайтесь и ходу.

Не смотря на то, что даже шевелиться после подземелья было тяжело, проводник заставил их почти бежать. Деревья по-прежнему были опутаны княжиком и ломоносом, с ветвей свисали пучки колдовской омелы, но скоро лес стал меняться, становясь всё более дряхлым. Всё чаще стали попадаться трухлявые, поваленные стволы, явственно запахло гнилью, появились в траве поганки, свинушки, мухоморы.

Оборотень озирался, осторожно выбирая дорогу, приняхивался. Что-то такое опасно знакомое почудилось ему в траве, и в тот же момент сверху громко затрещали ветки. Не медля, он рванулся вперёд, одновременно разворачиваясь и выхватывая меч. Но сверху ничего не появилось, кроме листьев и трухи, закруживших в воздухе. На ветвях тоже ничего не было видно. Неожиданно Оборотень почувствовал, что его обманули, что он сделал что-то не то. Не двигаясь, он осторожно посмотрел под ноги. Там, где он только что промчался, потихоньку

прекращали качаться желтоватые шляпки следковых поганок. Они выстроились перед ним чуть неровным рядком. Волк обернулся. Строй шляпок на тонюсеньких ножках продолжался и там! Так и есть, он стоял в ведьмином кольце!

– Проклятье! – Оборотень выскочил из круга и взгляделся в то, что обнаружил. Круг поганок был в полторы сажени в поперечине, грибы росли не часто, но совершенно точно очерчивая круг. Возле него лежала сочная трава, но внутри круга не росло ничего!

– Хорошо, что круг небольшой, – прошептала Золотинка. – Но всё равно – быть беде.

XXIV

У нас в градах о ведьминых кольцах лишь краем уха слышали, что за напасть такая? – выпрашивал, следуя за виллой, Святомор.

– Ты заметил, что вокруг кольца зелень, а внутри – ни травиночки?

– Да.

– А ежели трава и бывает, то особая. – Золотинка осторожно переступила через заросший говорушками пень. – Говорят, кольца до сотни лет живут, покуда что их наколдовала, не умрёт или не позабудет, перестанет чарами обновлять. Так и бывает, что в середине старых колец трава ещё гуще и для скотины слаще. А круги те – что заборы для навьев, которые траву то изнутри и вытаптывают, по кругу бегая, щелку ища.

– А зачем ведьмы навьев городят?

– Бают вещуны, что навью, раз вызвав, отпустить надобно. Навьи же обратно в замирье, добровольно не возвращаются, летают, пакостят, особенно тем, кто их вызвать решился. Вот тогда-то их в магическое кольцо и заключают. Навьи злятся, каждую весну, когда трава зеленеет, пытаются вырваться. Но тут-то грибы ведьмины и начинают расти, держат навьё как стеной крепкой. Только навьи не сдаются, круг год от года всё растаптывают, ширят, отгесняют следковые грибы, ищут брешь. Ежели сумеют сами круг порвать – уйдут теперь уже в замирье, а если кто другой круг порушит... – Золотинка обернулась, беспокойно поглядела вокруг, устало пожала плечами. – Навьи тогда с собой заберут. А и просто круг заступишь – доброго не жди.

– Что тогда?

– По-разному случается. Кто краем задел, так подобно как навьи по кольцу бегают, так его навья по лесу кругами водит, бывает, до самой смерти закружит, с собой в замирье заберёт. Кто в больший круг зашёл – ума-разума лишается, или чахнет день ото дня. А другие и вовсе, бывает, без следа сгинут, только видели, как в круг зашёл, ан и нет его. Вот, не ведаю, что с Обратном станется, сможет ли превозмочь колдовскую силу?... А если нет – беда...

XXV

– Так бы вот шагать и горя не знать, – делился мыслями с Веленой словоохотливый Карислав. – А то в дыре той, как в желудке у ящера. Уж и не знаю, может Оборотень и любит эти подземелья, а мне, как Горимирову дружиннику, не пристало подобно кроту в норах рыться, да и женщинам, если уж на то пошло, в грязи ползать не след. Толи дело поверху шагать, все опасности лицом, не нагибаясь, встречать. Свежо, чисто, ходи только, да грибочки собирай, кроме гадких мухоморов, конечно. Мухоморы я терпеть не могу, от одного их вида передёргивает...

Велена не слушала, с тревогой посматривала на Оборотня. Что-то будет после ведьминого кольца? Не меньше её тревожили и места, где они шли. Лес на глазах зарастал грибами, ископывался трутовиками, покрывался пятнами гнили...

Велена заметила, что Оборотень всё чаще озирается, вглядывается в деревья, на коре которых появились серовато-синие, коричневые и жёлтые разводы. Лицо бродяги ещё больше помрачнело, заострилось, сделалось ожесточённым. Видно было, что ему очень не нравилось то, что он видел вокруг, особенно – белесая плесень на жирной листовенной подстилке, соседствовавшая с шипастыми шарами пороховок, мокрухами, млечниками и недозревшими пузырями дождевиков, сменивших редкие козлюки, волнушки и горькушки.

Наконец, и вилла заметила очевидное:

– Какой странный лес! Смотрите, весь расцвел, расписался. Здесь, наверное, все возможные цвета есть, особенно у грибов. Вот только знаете, собственно хозяйских грибов почти и нет.

– Вообще нет, – поправил Святомор.

– Что значит «хозяйских»? – спросила Велена, по-прежнему не спуская глаз с Оборотня.

– Тех, которые сами хозяева леса – лешаки опекают. Такие грибы чаще всего осёдлые, обстоятельные духи волшбят. Ведь все грибы – от волшбы. Так вот – боровики, осинники, берёзовики, при своих деревьях, при своих духах живут. Хозяйские грибы и лесу расти помогают, и зверьё кормят.

Да что я вам, словно малым детям рассказываю? – застенчиво улыбнулась Золотинка. – Сами, небось, всё это знаете.

– Не знаем, – возразил Карислав. – А если бы и знали, всё одно сказанное голоском твоим соловьиным слушать и слушать.

– Расскажи, кто же другие грибы волшбит, особо те, что в ведьминых кольцах, – попросила Велена.

– А на другие – тоже свои духи есть, только часто бродячие и бездомные, и характером – кто ленив, кто сварлив, а кто и вовсе зол. Много их – мухоморники, поганочники, пакостюшки, гнилушки, опятюшки, следушки... Волшбят они где похуже, где погнilee, где деревья порчей тронулись, или истлевают уже. На еду редко какой из таких грибов идёт, за то на зелье колдовские – многие.

– Ну а кольца эти? – прервал виллу Карислав.

– А кольца ведьма какого угодно духа растить может заставить. И надо сказать, что вернее чем грибной дух, никто навью не задержит.

Обычно в лесу лешаки и другие хозяева следят, чтобы в лесу всего в меру было, чтобы поганочники только на дряхлые деревья налетали, а тут, смотрите, толи хозяина вовсе нет, толи нездоров он, столько здесь бездомных духов собралось. Несчастный хозяин и лес несчастный.

– Как раз, похоже, что мы в самую глубь идём, прямо к этим нехорошим.

– Тут, Карислав, правда твоя, – остановился Оборотень. – Водит нас кикимора. Может статься, что и навсегда в этом гнилушнике останемся.

XXVI

Оборотень упрямо шагал по лесу, ломал преграждавшие дорогу трухлявые высокие пни, покрытые похжим на ржавчину налётом, обходил ещё стоящие деревья, залитые коричневыми потёками или особо густо усеянные похжими на лошадиные копыта трутовиками. Но чем дальше, тем больше ему казалось, что они только глубже забирались в трущобы. А ещё, ему уже давно чудился чей-то нудный голосок. Он прислушался.

– Со сторожкой полаюся, по кругу покатаюся... полаюся, по кругу покатаюся... Хорошо, весело...

Оборотень резко обернулся – никого, кроме венедов.

– ... покатаюся, со сторожкой полаюся...

Он передёрнул плечами, уж больно недобрая догадка пришла ему на ум:

– Навья?

В ответ раздался тихий, с придыханием, довольный смех.

– Со сторожкой полаюся, по кругу покатаюся. Хорошо, весело... – снова завёл голос.

Насколько может быть опасна навья, Оборотень знал, но и терпеть наездницу не соби-
рался:

– Я те покатаюсь! – разозлился он. – Я те так покатаюсь, что век помнить будешь! Ей, Святомор!

– Чего?

– Ты в ведьмачье кольцо не наступал, давай-ка, теперь ты поведёшь.

– Так я леса не знаю.

– Ну и ладно. Веди в самую глушь. Пока кикимору не найдём, отсюда всё одно не выбраться.

– В глушь? Это я могу! – согласился Святомор, гордо поправляя меч. – Это я быстро. Ахнуть не успеете, как заведу! – он рванулся напролом, нещадно давя усохшие порховки, испускающие тучи коричневой пыли, оседавшей на его едва очистившиеся от глины сапоги.

– Да мы не торопимся. – Буркнул Карислав, но за Святомором пошёл, отмахиваясь от противных фиолетовых волосков и жгутиков, спускающихся с ещё не упавших деревьев и по молодецки круша совсем уже прогнившие, в жёлтых кожистых кружевах, мхе и сочно-рыжих семейках балбошкиных шапок стволы.

Ещё не стемнело, а они уже попали в самую сердцевину гнилого леса. Здесь упавшие колоды были надёжно укутаны мхом и превратились в вместилища тёмной трухи, в которую попеременно кто-то проваливался, обманувшись на твёрдое с виду дерево. Здесь было царство грибов всех форм, видов, цветов и оттенков. Семейные росли целыми гущами, родами, одиночки виднелись в самых неожиданных местах. Повсюду красовались жёлтые, красные, оранжевые мухоморы, из мха торчали «мавкины руки» – маленькие, ярко-жёлтые, словно молящие о чём-то. На пнях теснились бокальчики, кубки, заглянув в которые можно было увидеть семена, похожие на мизерные золотые монетки. Негниючники сменялись ломкими навозниками, вот, на дереве, на тонкой ножке болталась чья-то киноварная шляпка.

Куда бы Святомор не шёл, Оборотню казалось, что надо не туда, много раз он видел верную дорогу к Гранитному острогу, всякий раз порывался туда свернуть, но держался, молча и послушно шёл позади всех, прислушивался.

– ... сторожа вонючки, кикиморы – прислужки... тьфу на вас, тьфу! И на катающего тьфу, плюну и разотру, по ветру развею, на радость суховею...

– Что, не нравится? – с усмешкой прошептал он. – Катайся, катайся, сейчас прямо в логово кикиморы прокатаешься, уж там налаешься!

– Всё равно мой будешь! – неожиданно в самое ухо ему выдохнул голос. – До смерти заезжу, в замирье на тебе покачусь!

– Да неужели? А ну как я в логове кикиморы скопычусь? Ужо грибные духи над тобой позабавятся!

Эй! Святомор, Карислав, теперь смотрите в оба, здесь где-то должна быть кикиморова полянка.

– Тьфу на тебя, тьфу! Не ходи, не ищи, кикимора тебя погубит!

– А мне всё едино, что она, что ты, а так хоть тебе насолю, за то, что по кругу водишь.

– Не виноватая я! Сказано, велено по кругу водить, за то ты и обещан. Должен меня покатать, побаловать, в замирье вернуть.

– Ну а мне-то что? Я тебе не обещал.

– Нашёл! – крикнул впереди Карислав. – Есть полянка!

XXVII

На кикиморовой полянке царил мрачная, нехорошая красота. Вокруг утоптанной, ровной площадки стеной стояли выворотни и пни, сплошь заросшие гиблыми и необычными грибами. Вино-красные, снежно-белые, лазурные, со шляпками, словно покрытыми черепицей или дранкою, как князьи терема. Другие – зубчатые, бородавчатые, похожие на веретена или решётчатые, рогатые как волы, острые как копья, похожие на короны, маслянистые, лакированные, матовые, с бородаками и юбками. Такие, какие едва можно себе представить и такие, какие не выдумать вовсе. Только одно у них у всех было общее – суть. Суть не добрая, мрачная и сырая. От них веяло гнилью, плесенью, болезнью и сладким до приторности дурманом.

– Они как видения, – словно сама себе проговорила Золотинка. – Какие-то нереальные, сумрачные, но красивые.

– Может и красивые, – почти согласился Карислав. – Только я этой красоты не вижу. Тут как в могиле или в подземелье воняет. И небо – испарениями затянуто, не поймёшь, то ли день, то ли вечер.

– А что, кикиморы здесь нет? – удивился Святомор.

– Она нам так просто не покажется. – Оборотно с трудом удавалось отрешиться от слышавшихся ему плевков и ругательств. – Но кровь ей попортить теперь в наших силах.

– Может, сначала отдохнём? – тихо спросила Велена. Выглядела она совсем измученной и еле держалась на ногах.

Тут и Оборотень почувствовал страшную усталость, понял, что ссутулился дальше некуда, дышит тяжело и натужно. Он выпрямился, обратился к венедам:

– Ежели сядем – не встанем уже, грибные духи нас одурмянят. – Повернувшись лицом к лесу, он закричал:

– Кикимора, отпусти нас по-доброму. Мы тебя не трогали и ты нас не тронь. А не то – мы твой сад любимый попортим, духов поразгоним.

Ответом была тишина.

– Ну что ж, ломать – не строить. Крушите всё грибное, что вокруг видите.

– Жалко. – Золотинка присела возле похожих на солнышко грибов.

– А уж как кикиморе жалко! – заметил Оборотень, пинком сбивая коричневых, слюнявых толстячков, похожих на червивые боровики. Навья за его спиной завизжала от удовольствия.

– Эх, ухнем! – сын Велемира взмахом топора снёс головы целому семейству, рубанул покрытую бородавками толстую шляпку.

Замелькали мечи Святомора и Велены, брызги, пыль и грибное крошево полетели в разные стороны. И в ответ почти сразу пошёл дождь, забарабанил с ветвей крупными каплями, полил так густо, что венеда враз промокли. Но не для того, чтобы их промочить вызвала кикимора колдовской дождь. Едва первые капли впитались в землю, как мох на выворотнях зашевелился и на месте только что срубленных или растоптанных грибов полезли новые. Они вырастали прямо на глазах, вспучиваясь, вытягиваясь на ножках. В лица венедам пахло густым, почти осязаемым дурманом, едва вдохнув который, они начинали шататься от головокружения.

Навья у Оборотня зашлась в крике от страха.

– Ну, кикимора, – прорычал он. – Сила на силу пошла. Крушите быстрее!

И венеда с новой силой принялись уничтожать лезущие из-под земли грибы. Святомор рубил крест-накрест, меч со свистом резал воздух, заодно снимая грибные шляпки. Велена прицельно била по мухоморам, не давая им развернуть свои пятнистые зонты. Карислав работал топором, разбивая вместе с грибами пни и колоды. Но дождь не переставал, а грибы только лезли всё гуще.

Оборотень видел, что там где они хоть ненадолго переставали рубить, грибы пересрастали уже свой обычный рост, стеной пёрли вверх, источая противный дурман, на который начали слетаться полчища мух. Он успел заметить, как Золотинка в ужасе застыла посреди поляны, как закачалась одурманенная Велена, начала бредить:

– Война! Летборгцы идут! – кричала она жалобно, посерев лицом и в пустоту отмахиваясь мечом.

– Я скоро! – закричал ему Карислав, всем весом проламываясь сквозь грибной круг. Некоторое время Оборотень и Святомор оставались одни, словно косцы вгрызаясь в стену грибов. А потом вдруг в грибах перед ними образовалась прогалина, брызнули во все стороны остатки ножек и шляпок, и на поляну вывалился Карислав, размахивающей огромной, похожей на оглоблю палкой.

– Теперича поглядим кто кого! Э-эх! – тяжёлый ослоп пошёл по кругу, с сочным звуком сминая грибы. – Э-эх! – останки поганок полетели во все стороны. – Теперича махну – будет улочка, а опосля – переулочек! – радостно орал он, ни на миг не останавливаясь. Грибной дурман чуть ослаб, Оборотень со Святомором злее заработали мечами, с чавканьем шагая по грибной трухе.

Теперь грибы уже не успевали нарастать, пошли попроще, всё больше хилые навозники, а вскоре и дождь выдохся, стал прекращаться.

– Наша взяла! – Карислав потряс в сторону леса кулаком.

– Рано радуешься, – тяжело дыша, осадил его Оборотень, помогая подняться пришедшей в себя Велене.

XXVIII

Словно в подтверждение его слов, неестественно быстро, как по мановению руки, ступила темнота.

– Хоть глаза выколи, темнее не будет, – озабоченно заметил Святомор.

– Нет, там вон что-то светится. – Велена приблизилась поближе к сотоварищам.

И верно, когда глаза привыкли к темноте, стало видно, что кое-где успели нарасти новые, совсем уже хлипкие на вид, но за то светящиеся грибы.

Оборотень прислушался. Навья, только что ликовавшая, снова была испугана:

– ... место плохое, место дурное, беги пока цел, невредим.

– Кто это? – услышала вдруг Золотинка.

– Навья. Не нравится ей здесь.

– Ого! – содрогнулся Карислав и отодвинулся подальше. Что до остальных, то они не успели ничего сделать, услышали другое...

Это было похоже на шум морских волн, извечно накатывающихся на Лукоморье, только более непрерывный и приближающийся.

– Тьфу, тьфу, тьфу на все четыре стороны, беги же! – возопила навья.

– Ещё чего! – Оборотень не трогался с места.

– Беги, беги, это грибные духи за тобой идут, тьфу, тьфу, стопчут, сомнут!

И вот в лесу замигали жёлтые огоньки, заколебались странные тени, шум превратился в нестройный хор шепчущих голосов. И темнота заколыхалась, проявляя странные фигуры в широкополых шляпах или колпаках, с бледными, безглазыми лицами и тонкими руками. Они то двигались над землёй, то роились меж заросших мхом и лишаем деревьев, и всё время шептали безгубыми ртами, на разные голоса:

– Сгубим-м, сгноим-м, во м-мху похороним-м!

– Но-оги уноси! – взвыла навья прямо в ухо Оборотню, так что теперь все услышали.

– А снова кружить по лесу не будешь?

– Не-ет! Ещё и тропу, дорогу укажу!

– А меня в покое оставишь?

– Не могу! Ты мне даренный, обещанный, не могу, тьфу на тебя! Не могу!

– Ну тогда навечно у грибов останешься.

А духи приближались всё ближе. Венеды с беспокойством и надеждой оглядывались на Оборотня.

– Нет, нет, нет, нет, нет, нет! – затараторила, всякий раз придыхая, навья. – Другое проси! Я одна в замирье не доберусь, мне не погребённый, не сожжённый надобен!

– А ежели замену найду?

– Согласная я! Беги!

– На любую, не станешь кочевряжиться?

– На любую, лишь бы хоть чуть человетцем пахло!

– Ладно. Спасу тебя, – он оглянулся.

Духи замерли, окружив их стеной, толи готовились, толи ждали сигнала. Оборотню стало страшновато. Он вовсе не был уверен в том, что может с ними совладать. Как всегда, понадеялся на авось, а авось может и не вывезти.

– Ну что, все собрались? – спросил он чуть срывающимся голосом. Духи на миг перестали шептать. – Ну, тогда смотрите. – И он вынул из-за пазухи Хранителя, осветившего всех колеблющимся зелёным светом.

Духи только чуть колыхнулись, а потом вновь угрожающе зашептали, начали шевелиться.

– Не бояться! – упавшим голосом охнул Карислав.

Духи надвигались. Кровь прилила к лицу Оборотня.

– Ненавижу! – он вздел шар высоко над головой. – Ненавижу вас!!! – Хранитель засветился ярче. – Ненавижу!!! – духи, залитые светом, попятнулись. – **НЕНАВИЖУ!!!** – заорал Оборотень во всю глотку, прекрасно осознавая, что он вовсе не ненавидит духов, но помнит тех, кто погиб когда-то в Корбовом лесу, тех, кто был ему дорог. А теперь, он ответственен ещё и за этих, которых повёл за собой. И хотя они ему безразличны, он не допустит их гибели, не позволит забрать их жизни каким-то грибным духам! Он кричал «ненавижу!», хотя здесь должно было звучать другое слово, другое чувство. Но он не умел выражать это другое и не хотел произнести других слов.

– **НЕНАВИЖУ!!!** – Хранитель ослепительно вспыхнул и угас, растратив весь запасённый свет. Но вокруг поляны больше не было ни одного грибного духа.

Откуда ни возьмись, в кронах загудел ветер. Зашатались подгнившие стволы, сверху полетели обломанные ветки. Ветер усиливался, нарастал, деревья закрипели, начали трещать. Вот с грохотом рухнул, развалившись на куски, дуб, неподалёку угрожающе накренилась ольса в два обхвата. Стало ясно, что ещё немного и обрушившиеся деревья похоронят их заживо.

И тогда Оборотень шагнул под кроны и снова закричал, перекрывая шум леса:

– Кикимора! Перед тем как погибнуть, я хочу напомнить тебе кое о чём. Вспомни, как ты предала лес! Вспомни, как погибли другие, не склонившиеся перед Ужасом! Ты давно уже не хозяйка леса, а хозяйка пней и поганок!

Ветер утих также неожиданно, как и начался. Лес замер.

– Кто бы говорил, – прокрипел откуда-то старушечий голос. – До утра исполните обещанное, отпущу.

Стало совсем тихо.

– Ой, смотрите, пряселко! – ахнула Золотинка.

В центре испаханной их следами поляны красовалось новенькое, свежеструганное пряселко, с куделью на шестке, рядом лежало веретено.

– Ну что, Карислав, давно последний раз пряд? – спросил, не скрывая издёвки, Оборотень.

XXIX

На поляне чадил дымом костёр. Ещё бы ему не чадить, сухого дерева вокруг за переход не найти. Карислав с убитым видом сидел за пряслком, а Золотинка с Веленой наставляли его:

– Веретено держи на вытянутой руке, да не как меч, а на весу, пальцами.

– Пух потихоньку тяни, что ты рвёшь как бороду недругу, у тебя не клочок, а нить должна получаться.

– Потихоньку, потихоньку, не торопись!

– Да спокойней, молодец, спокойнее, ведь не девку из родительского дома умыкаешь.

Али с перепою руки дрожат?

– Я уж два дня не пил.

– Ну значит срок пришёл, к бражке потянуло! Да не ломай ты пряслице, новое никто не даст.

– Тяни, тяни нитку, свивай. Что-то она у тебя как пиявка толстая получается.

– Какая получается! – ворчал Карислав. – У меня руки не для того дадены.

– Конечно, они у тебя, чтобы голову чесать, когда думать пытаешься!

– А ты не думай, ты следи, чтоб нитка тонкая была, да везде одинаковая.

– Да чтоб я, Горимиров дружинник...

– Да вместо языка руками работал?

– Хватит, Велена, не дразни его, вишь весь посинел уже.

– Это от натуги, он думает, что веретено крутит, а сам им как топором размахивает.

– Ничего, научится, пусть хоть немного женскую долю почувствует. Правда вилам прясть не положено, но и я пыталась, когда сестрёнки не видят.

– А я ведь тоже пряла только когда крохой совсем была, а потом всё больше на коне, чем за прялкой.

– И они меня ещё учат! – возмутился Карислав. – А сами же сроду не пряли! Может, потому и у меня не получается?

– Не получается, потому, что язык на ниточке болтается, чуть ветер задует, так они и трепещет. Да верно это и не ветер, а в голове сквозняк!

Даже Золотинка не смогла удержаться от улыбки, но подругу осадила:

– Хватит уже. Видишь, у него уже выходит немного.

Что у неё появилась подруга, в этом, опосля всего пережитого, Золотинка уже не сомневалась. Да и Карислав с вечно храбрящимся Святомором уже стали для неё своими. Только по отношению к проводнику она не могла сказать ничего определённого, уж больно темно было у него на душе...

Л

Пока Святомор задумчиво подкармливал костёр, а женщины занимались Кариславом, Оборотень незаметно скользнул в темноту, быстрым шагом ушёл саженой на пять сотен. Кикимора не мешала, знала, наверное, что он никуда не денется. Споро, как умеют только всю жизнь прожившие в лесу люди, он разжёл большой костёр, вытащил из ножен Кариславов меч.

– Смотри, навья, видишь резы?

– Гляжу, вижу, как не видеть.

– А прочесть можешь?

– Тому, кому резы не назначены, слова не читать, смысла не знать. Неграмотная я.

– Тьфу, нечисть. Ну хоть знаешь чьи резы?

– Знаю лишь, что старые, со времён ещё битвы с богами. А ты подавай-ка мне лучше кого из своих спутников на замену, твори измену, а то мне надоело кактаться, без дела болтаться.

– не спеши. Видишь меч? Ступай на него. Немного погодя срублю тебе кого, так ты его сразу схватишь, и прямиком в замирье.

– Нет уж, такого уговора не было, чтоб я на мече слепая, в ножнах глухая, сиднем сидела. Лучше я тебя сейчас удуш, с собой уташу.

Оборотень ощутил, как его горло сжимают холодные пальцы, и сам похолодел.

– Постой! Я тебе такого провожатого найду, сласть просто.

– Что, ребёночек?

– Нет, лучше. Колдуна, человетца, власть немерянную имеющего.

– Ух ты, ах ты, хорошо, весело. Может он ещё и князь? – с надеждой пронудела навья, убирая руки.

– Да почти что и князь, – согласился Оборотень.

– А скоро ли?

– Да уж скоро.

– Ну, ладненько. Клянись, что не обманешь.

Оборотень поклялся, искренне надеясь, что в случае чего к полуправде его не придерутся, а ежели случая не случится, то авось вызовет. Раскалив на огне меч, он зашептал наконец наговор, бросил на лезвие кусочки мухоморов. Клинок вспыхнул оранжевым и Оборотень успел заметить, как метнулась на него голубая призрачная тень.

ЛІ

Веретено жужжало не переставая. Карислав, обливаясь потом, допрядал остатки кудели, ловко сучил нитку толстыми пальцами, но его все поторапливали – кикимора вот-вот могла прийти за работой, а когда именно здесь наступает утро – не мог определить точно даже Оборотень. Птицы эти места облетали стороной, а неба – лишь клочок, да и тот в мареве испарений. Но даже сквозь марево было видно, что небо светлело.

– Быстрее, Карислав. – Велена неотрывно следила за его работой, сидя рядом. Карислав заметил синие круги под её глазами и покрасневшие белки и пожалел соплеменницу, ей тоже приходилось не сладко.

Впрочем, даже жалеть было некогда. Кто бы самого пожалел. Всё его внимание сосредоточилось на нитке, создающейся в руках. А руки у него устали страшно, спина затекла, шея болела, а кудель всё не кончалась и не кончалась. В слезящихся глазах рябило, но неужели, кажется, что стало светлее?

– Что, вижу, работа сделана? – услышал он знакомый старушечий голос, и в этот же миг последняя прядка пуха скользнула из его руки на веретено. – Добро же, ступайте. А пока совсем не осветлело, светляки укажут вам путь.

Карислав чуть не перевернул пряслице, так заспешил прочь. Только когда полянка оказалась далеко позади, он оглянулся. И увидел на ней маленькую, вросшую в землю и заросшую грибами избушку, а возле – тошенькую фигурку в цветастом платке.

– Чур меня! – он ухватился рукой за гривну и вслед другим заторопился за роем жёлтых светляков. И не заметил, как оборванная гривна упала на землю...

Вышли они из гнилого места на удивление быстро, вышли к той самой дыре, откуда и вылезли, да так и повалились от усталости.

– До гранитного острога совсем немного осталось, лучше уж по подземному ходу пройти, – едва слышно пробурчал Волк-Оборотень, сворачиваясь для сна в калачик и прилаживая под голову толстый сук. – А то мало ли что за эти считанные сажени может ещё приключиться...

ЛШ

Оборотень проснулся с мыслью, что сделал это зря. Всё тело болело, на душе было мутно, да ещё снилась всякая пакость. И постепенно в нём поднялась злость. Злость на мир, на самого себя, на то, что может, хотя и не хочет сделать. Он не собирался отступить. Путь его лежит в Итарград и он дойдёт или издохнет в дороге. Всё вокруг, даже родной лес, против него. А что он может противопоставить многочисленным врагам? Только то же, что у них – ненависть и злобу. Это грибные духи были ему безразличны. Но в лесу было кого ненавидеть по-настоящему. Волк привык на добро ответить добром, а на зло – злом. Только так можно выжить среди чужих. И злоба поможет ему справиться с врагами и с самим собой.

Он подскочил и скомандовал подъём. Венеды замешкались и он повторил приказ снова, и что-то такое в себе почувствовал, что не удивился, когда венеды содрогнулись, молча и споро принялись собираться в путь.

Обрушивая землю они один за другим спустились в ход и едва привыкли глаза и выровнялось дыхание – снова двинулись вперёд, поспевая за Оборотнем. Несколько раз ход поворачивал, хотя, в общем, держался одного направления. В глине всё чаще стали появляться камни, а как только они разобрали небольшой завал, в лица потянуло сквозняком. Скоро стало понятно, что они ползут уже в толще гранита. Сквозняк колыхал воздух, который стал более сухим и холодным. Хотя по-прежнему было совершенно темно, по тому, как исчезли вдруг стены и по гулкому эху, Оборотень понял, что дома.

– Ну, вот и конец пути.

Святомор застучал железом по кремню, рассыпая искры, и вот уже слабый огонёк осветил лица венедов, а потом и часть небольшого зала. Оборотень сбросил свой короб, достал каравай и нарезал толсто, по-венедски, роздал всем, сам впился зубами в пахучую мякоть.

Жуя, он оглядывал помещение. Все, как и раньше – у противоположной от них стены видна была идущая вверх лестница, сложенная из грубо обтёсанных камней. На стенах всё так же висело оружие, только теперь оно покрылось ржавчиной и вряд ли на что годилось. По углам всё ещё громоздились полуистлевшие кадки и бочки, стояли лари с никому ненужными теперь вещами.

– Что это за зал? – Велена оглядывалась с любопытством, даже про еду забыла.

– Мы в подвале Гранитного острога, последней крепости, оставшейся в уже необитаемом Корбовом лесу после прихода Ужаса. Здесь жили потомки венедов из западных родов и лесных людей. Теперь на их костях жируют шилмасы, сделав развалины своим гнездом.

– Нут так давайте вылезем и перерубим их всех. – Карислав вытащил из-за пояса топор.

– Я могу взять на себя князька, – хвастливо заявил Святомор.

– Вы, небось, думаете, что это будет честный бой и шилмасы строем выйдут против вас сражаться? Как бы не так. Тут – кто кого обманет. Князька ещё поискать придётся. Так что его на себя возьму я, а вы меня прикроете из луков, отвлечёте внимание основной массы шилмасов. Силой нам их всё равно не взять, даже если те, что возле подземного хода, всё ещё сидят, стерегут.

– А сколько их там? – Святомор с сомнением посмотрел наверх, словно мог что-то увидеть.

– А кто их знает. Вылезем – посмотрим. Вещи все оставляйте здесь. И вот что. Карислав, возьми-ка мой лук, а самострел давай сюда. Мне тетиву натягивать некогда будет, а стрела для князька – нужна.

Карислав с неохотой подчинился.

– Оборотень, давай я заворожу тебе стрелу, – предложил Святомор. – Тогда она уж верно цель найдёт.

– Да, поди, обойдусь.

– Пускай заморозит, – попросила Велена. – Хуже от этого не станет.

Оборотень согласился, отдал в руки обавника стрелу. Святомор отошёл к затухающему огню и, расшвыряв полусгнившую солому, принялся что-то чертить ей на камне. Все сгрудились вокруг. Вскоре черты сложились в нечто отдалённо напоминающее лицо. По утаённому от всех мнению Оборотня, оно с таким же успехом могло быть похоже как на морду шилмаса, так и на рожу Карислава. Святомор верно был хороший воин, ибо рисовать не умел вовсе.

А обавник разогрел наконечник стрелы на огне. Пошептал над ним, посыпал на изображение какой-то трухой, а потом ударил в него стрелою. Из камня брызнули искры. Святомор нагнулся посмотреть, остался ли от стрелы след. След был, а наконечник лишь слегка притупился.

– Всё в порядке, – Святомор гордо протянул стрелу Оборотню. – Стрела найдёт свою жертву.

Оборотень украдкой глянул на серьёзных венедов, с сомнением повертел стрелу, но в настороженный самострел вложил, приторочил его на спину, рядом с Кариславовым мечом, свой же перевесил набок. «Конечно, – думал он, – эта стрела попадёт в цель, ежели он не промахнётся, для этого и ворожить не надо. Но ежели всем спокойнее – пусть».

ЛШ

Мёртвая птица на подоконнике башни зашевелилась, веки поднялись, открыв белесые глаза. Внутри башни ничего не изменилось, но изменилось за её пределами. Где-то там Морх бросал в огонь ведащие порошки, визнавал, выпрашивал. И скоро он уже знал, что красные твари нашли в лесу сразу нескольких людей и загнали их в подземелье, сторожа выход. Но люди не выходили второй день. И Морх почувал неладное.

Ворона поднялась, опираясь на крылья, встряхнула потускневшие перья и, не обращая внимания на заволновавшихся шилмасов, с шумом вылетела в оконный проём.

Вновь белесые глаза обшаривали лес, не упуская ни одной мелочи. И вот, ворона резко упала вниз. У корней старого замшелого пня блестела золотая вещица, с чеканным изображением рыси, одного из венецких родовых зверей. Со злобой закаркав, птица клюнула блистающую вещь и, зашпешив, вновь поднялась в воздух. Теперь она летела высоко, пока не завиднелось внизу извилистое русло пересохшей реки. Белесые глаза усмотрели в одном месте пробивающийся сквозь зелень листвы красный цвет. Это там собралось несколько сотен шилмасов, гроздьями сидевших на ветвях, раскачивающихся на стеблях княжика и ломоноса, перебирающихся с дерева на дерево. Все они таились возле участка обрывистого берега, внимательно вглядываясь в переплетение нависающих корней. Ворона села на одну из тонких нижних ветвей рядом, некоторое время покачивалась, приглядываясь, а потом слетела на землю и быстро засемила к нише.

Шилмасы заволновались, увидев вестницу колдуна, принялись подбираться поближе, жадно провожая её слезящимися глазами. Вот она скрылась за корнями, миг, другой, третий её не было, а потом она вылетела оттуда, надрываясь от переполненного злобой и гневом грая. Люди сбежали!

Они заматались, оглушённые обидой и разочарованием, растерянные от разрушенных надежд, пока не услышали в карканье вороны новые, повелительные нотки. Она, эта колдовская птица со сломанной шеей, повела их, оголодавших и злых, назад, к Гранитному острогу так спешно, что они едва поспевали.

LIV

Жук-навозник летел на запах еды. Ветер заставил его подняться выше, чем обычно, но запах не исчезал, а скорость стоила риска. Мутное солнце высоко висело над безбрежным лесом. Среди этого серо-зелёного моря, словно остров, лежали развалины каменной крепости – острога, возвышающиеся над округой. Ров и вал густо поросли молодыми деревьями, были едва заметны, но разбитые гранитные стены, зелени ещё не удалось поглотить. «Может на следующий год» – думал жук. Его жизнь была коротка, и он плохо представлял себе, что может измениться за год, может и вообще всё исчезнет, но почему бы и не порассуждать о неведомом, коли до навоза ещё далеко?

Больше всего сохранилась восточная часть стены и западная угловая башня. Вся потрескавшаяся, заросшая кустами, башня всё ещё оставалась мощным сооружением, в котором могло скопиться много съестного. Между остатками стены и башней находилось несколько других развалин, почти уже превратившихся просто в груды камней. Там и здесь, в густой тени полуобвалившихся стен прятались, ожидая ночной прохлады недолюбливающие свет шил-масы. Это они оставляли после себя кучки сладко пахнущего дерьма, к которым так стремился навозник. Как его здесь много! А птиц практически нет! Вот он – навозный ирий!

Жук, натужно загудел вниз, выбирая кучку посвежее, полетел вдоль стены, и едва успел отвернуть в сторону, когда в прочнейшей на вид кладке зашевелился и выпал один из крупных камней. Из темноты показались грязные человеческие лица. Навозник плохо разобрался в двуногих, но знал твёрдо – чем больше людей, тем больше дерьма. «Добро пожаловать на пир! Вы станете ещё одним источником говна для моей семьи!» – подумал он, падая в смачную, душистую кучку.

LV

Оборотень прикрыл глаза от слишком яркого света, потом долго оценивал обстановку. Свежий воздух нёс самые разные запахи, но во всех них ему чувствовалась угроза. Вида развалин снова вызвал в нём болезненные, бередящие душу воспоминания. Ненависть опять показала свой змеиный язык. Чувствуя, как в ярости сжимаются кулаки, он приготовился мстить.

Показав венедам, где они могут взобраться на полуразрушенную стену, Оборотень рванулся к большой гряде камней на пол пути к башне, вскарабкался на неё и хрипло завыл, бросая вызов шилмасам.

Едва затихли последние звуки его воя, как из самых тёмных щелей развалин стали появляться шилмасы. Их красные, безкожие тела тускло отсвечивали на солнце, они прикрывали безвекие глаза и торопливо ковыляли к Оборотню, опираясь на свои корявые дубины.

Оборотень дождался, пока они подберутся поближе, а потом выхватил меч и ринулся вниз. Клинок описал плавный полукруг и оказавшийся на дороге шилмас неловко рухнул, заливая кровью камни. Волк обогнул его, резким взмахом рубанул другого, поднырнул под дубину третьего, а четвёртый так и не успел ударить, пронзённый стрелой – это начали стрельбу венеда. Пробившись через окружение, Волк бросился вправо, и шилмасы, развернувшись, неуклюже погнались за ним. Ещё двое из них упали, поражённые стрелами.

Бродяга прекрасно понимал, что его преимущество в скорости и поддержка лучников спасут не надолго. Поэтому он надеялся выманить большую часть тварей из башни, а потом проникнуть туда и уничтожить князька. Ещё часть шилмасов, как он и ожидал, оттянулась на венедев, но остатки стены были хорошей позицией, залезть на неё было не просто, а единственный путь наверх шилмасам преграждал Святомор.

Мерзкие уроды снова приближались. Оборотень бросился навстречу им и в обход, стремясь оказаться поближе к лучникам. Двое успели ему наперерез. Отбив направленную ему в голову дубину, и увернувшись от удара второго, он изо всех сил пнул его в живот. Хрюкнув, противник согнулся пополам. Первый же так и не нанёс нового удара – стрела вышла у него из груди. Но ещё двое оказались рядом. Волк перекатился через спину и кинулся вверх по гряде обломков, цепляясь за камни свободной рукой. Он почти забрался, когда с другой стороны груди возникла оскаленная безкожая морда, а в следующий момент дубина шилмаса начала опускаться ему на голову. Оборотня спасло только то, что тварь поскользнулась. Дубина лишь скользнула по его предплечью, отбив руку. И слава Поревиту, что он учён был обоеру-ким! Перехватив меч другой рукой, он рванулся, скатился вбок по склону, сшиб оторопевшего от неожиданности шилмаса и, не удержавшись, повалился сам. Попытался вскочить, почти поднялся, но цепкие пальцы поверженной твари вцепились в его одежду. Пришлось изворачиваться, бить ножом, принимать на меч следующего нападающего. Так бы и погребли его под грудой тел, но на помощь пришёл Святомор, напавший на шилмасов с тыла.

Высвободившись, Оборотень посмотрел вокруг и понял, что время пришло. Святомор отступал, окруженный целым роем шилмасов, Велена и вилла пускали стрелу за стрелой, стоя за спиной отбивающегося топором Карислава. Если ещё не все шилмасы собрались здесь, то большинство – точно.

Волк развернулся и побежал к башне. Навстречу выпрыгнули трое. Справа – огромный, обрюзглый, с жёлтыми наслоениями жира на мясе. По серёдке – коренастый, поменьше, с кри-выми клыками, торчащими из безобразного рта и шлемом на голове. Левый – худой и щуплый, даже не красный, а розоватый, зато имел на груди железную доску, на манер доспеха, а разма-хивал и вовсе – кистенем.

«Прям три богатыря!» – подумал Оборотень, уклоняясь от сокрушительного удара жир-ного. Он ударил второго шилмаса, но тот тоже увернулся. Оборотень едва успел отскочить,

чтобы не остаться без головы – гиря кистеня прошла возле самого его лица. Но, пока она шла по кругу для нового удара, Волк прыгнул вперёд, всадил меч снизу, под звякнувшую доску, в живот розоватому и снова отпрянул. Жирный ринулся на него, снова замахаясь. Но меч Волка встретил дубину и развалил её напополам, а потом достал и до шеи шилмаса.

Коренастый оказался ловчее двух первых, раза два он чуть не достал Оборотня своей дубиной. Некоторое время они кружили, обмениваясь выпадами. Тянуть дальше не имело смысла, вот-вот могли подоспеть другие, и Оборотень рискнул – поднырнул под удар, схватил руку с дубиной, рванул, заламывая за спину противнику, повалил и, подобрав камень, принялся долбить им по шлему. Дюжины ударов хватило – вонючий шилмас закатил глаза и осел.

Подобрав меч, Волк кинулся в башню. Внутри царил холодный полумрак, разрезаемый редкими лучами света из проломов. Каменный пол гулко отозвался на его шаги и зашуршал под ногами тех, кто кинулся к нему из темноты. Он не стал их дожидаться – ринулся к лестнице, ведущей на второй поверх, лихорадочно отбивая удары встречных.

Вот под ногами оказались знакомые выщербленные ступени. И тут его глаза, ещё не совсем привыкшие к темноте, уловили блеск железа. Волк едва успел взметнуть меч. От удара металла о металл посыпались искры. Второй удар чуть не отправил уже различившего человеческий силуэт Оборотня к праотцам. Ему пришлось спуститься на две ступени, чтобы уклониться. Шилмасы сзади не наступали, это ободряло, но не слишком. Удары сыпались один за другим, и отражать их снизу было очень несподручно. Оборотень недоумевал, откуда среди шилмасов человек, да ещё мастерски владеющий мечом. Он отступал всё ниже. И вдруг, явственно вспомнил лицо отца, и тех, погибших здесь так давно, услышал шум той битвы и крики умирающих. Видение на мгновение ослепило и оглушило, а потом на него нахлынуло такое неистовство, что он забыл о смерти и прыгнул вперёд, и больше не закрываясь, принялся рубить, рубить и рубить. Ему удалось заставить противника отступить, потом – подсесть тому ноги. Враг ещё падал, когда Волк, разбрызгивая на стены кровь, развалил его череп. Перешагивая труп, он успел заметить тускло сверкнувший ошейник. Ошейник раба.

Шилмасы снизу по-прежнему его не преследовали. Достав из-за спины взведённый самострел, он стал медленно подниматься дальше. Последние ступени уже близко. Снаружи нарастал сильный шум, слышались человеческие крики, вороний грай. Но в зале, в которую он вступал, была тишина. Взгляд Оборотня заскользил по столь знакомой и не знакомой комнате, и вдруг столкнулся с другим взглядом. С взглядом чёрных, тусклых и безвеких глаз.

Справа от лестницы, на большом резном кресле, вцепившись в подлокотники, сидел массивный, старый шилмас. Его не прикрытые кожей мышцы были уже бледны и дряблы, на его лишь слегка прикрытом мясом черепе красовался широкий железный обруч.

Но Оборотень видел всё это только мельком. Его взор был прикован к глазам твари, и, по мере того, как в них рос и ширился страх, в его душе поднималось торжество. Время словно остановилось вокруг. Медленно, очень медленно, Оборотень наводил самострел, и в этом уверенном движении было всё – месть за перенесённые страдания и за умерших близких, радость достижения одной из целей, и счастье освобождения от данной клятвы.

Самострел замер, пальцы надавили на пусковую скобу, и короткая стрела со стуком пробила лоб твари. Жуткий и жалобный, нечеловеческий крик пронёсся в воздухе. А через несколько мгновений отовсюду за стенами башни ему вторили подобные крики. Поняв, что их князёк мёртв, шилмасы, в панике бросая оружие, удирали к лесу. И вскоре наступила тишина.

Глава III

Ужас

I

Оборотень сидел на обломках крепостной стены и, подперев голову кулаком, мрачно думал о своём. Мягко ступавшую Велену он заметил не сразу. Она подошла, молча присела рядом и положила руки ему на плечо. Волк вздрогнул, замер, а потом расслабился. Так они и сидели некоторое время, не двигаясь и ни о чём не говоря.

Карислав со Святомором время от времени появлялись рядом, обшаривая развалины. Судя по обрывкам разговоров, Карислав пытался найти какую-нибудь добычу, лучше – выпивку. Святомор же просто любопытствовал, пытаясь разобраться, кто и когда построил эти стены. Впрочем, его предположения Оборотень не слушал, больше наблюдая за Золотинкой, которая просто ходила по двору, кончиками пальцев касаясь стен. Наконец она обернулась к ним, сказала устало:

– Как это тяжело, слышать голоса живших здесь когда-то людей. Я чувствую, что чувствовали они тогда, вижу, как они умирали. Даже не знаю, во благо или во зло мне этот дар.

– А можно от него освободиться? – появился из-за камней Карислав.

– Не знаю. Зачем?

– Ну, если во зло. А если во благо, то понятно, не надо.

– Знаешь, Карислав, – подошёл и Святомор. – Даренному коню в зубы не смотрят. Дар, он и есть дар, разве ж от него отказываются? Тем более, если это дар богов. Боги дали, боги и возьмут, если надо.

– Ну да, – согласился Карислав, – Это точно. Я только хотел сказать, что если во зло, то это... Но если вы говорите, что боги... Вот дерьмо! – под его ногой что-то хрустнуло и чавкнуло, Горимиров дружинник принялся разглядывать подошву своего сапога. – Вот вляпался! Ещё и жука раздавил какого-то! Эти боги... наделают всяких тварей, дерьмо наплодят! Хотя, если во благо...

Оборотень не стал слушать дальше. Осторожно высвободившись из рук Велены, он пошёл доставать из тайников то, что ещё могло пригодиться из вещей его умерших здесь сородичей. Это Карислав со Святомором ничего не нашли, он же – знал где искать. Хотя выпивки и в тех местах не было.

Вскоре Оборотень объявил выход, стремясь как можно быстрее удалиться дальше от этого скорбного места. Они зашагали на запад, вглубь сумрачного леса, оставляя за собой мёртвые развалины Гранитного острога, которым он, прежде чем окончательно скрыться в чаще, помахал рукой на прощание.

II

Постепенно облик леса стал меняться. Всё чаще попадались островки ельника, пока весь лес вокруг не захмурил, закрывая небо. Здесь была самая корба, как называли венеды еловую чашу, откуда и пошло название всего этого страшного леса. Под густыми колючими ветвями было не только темно и сыро, но и одуряющее тихо. Шаги венедов гасились пружинистым слоем хвои, многие десятки лет устилающей землю. Ни травинки не пробивалось сквозь этот преющий слой, усыпанный еловыми шишками и гниющими ветками. Ни пения птиц, ни шума зверья, ни комариного звона не слышалось здесь. Даже пауки не навешивали свои сети, даже древоточцы не оставляли следов на засохших деревьях. Нырять под лохматые ветви, спутники осторожно продвигались вперёд, обходя повалившиеся от старости стволы, покрытые густым мхом, засохшие на корню деревца, так и не пробившиеся к свету, проплешины гари, на которых не решался расти даже вездесущий кипрей, обожающий старые пожарища.

Золотинку угнетала тишина. Её слух улавливал только шелест раздвигаемых веток и тоскливое позвякивание кольчуги идущего впереди Карислава. Обзор сузился, ограниченный серыми стволами деревьев, которые были столь похожи друг на друга, что иди она одна – давно бы потеряла всякое представление о направлении, ведь даже бег Яра здесь оказалось невозможно отследить. Боги ведут вилл по жизни, но не указывают конкретной дороги. Это Яр-солнце не может сбиться с пути, безостановочно мчась от рассвета до заката. И раз в лесу потемнело, значит, Яр уже спешит к виднокраю.

Оборотень выбрал место на краю небольшого горельника, распорядился разбивать лагерь, а сам, скользнув в чашу, исчез. Огонь грозного Поревита, в своё время пробивший в лесном покрове брешь, так и не смог распространиться далеко, заглох, увяз в сырой хвое, за то венеды теперь могли видеть небо. Правда и это было не слишком радостно. Золотинка с тревогой посматривала на восходящую полную луну – Число. Неверная богиня давала свет, но этот свет редко служил добру. Непостоянно то, что не создано самим Родом.

О Роде венеды говорили так: «И не было ничего. Но ничто не длится вечно. И возник Творец – великий Род. Но, всё, что возникло, всегда оставляет след. И появился Сатанаил. Как две стороны одного, как два смысла единого, так похожи и противоположны друг другу Род – повелитель Света и Порядка и Сатанаил – повелитель Тьмы и Хаоса. Нет жизни в покое. И началась меж Родом и Сатанаилом борьба. И от столкновения великих сил появились земля и вода, огонь и воздух. Бессчётное количество лет длилась битва, и одолел Род. Но не окончательна его победа, не погиб Сатанаил, лишь затаился, выжидая.

Порядок во всём любит Род. Он собрал воду, воздух, огонь и землю и создал Мир. А чтобы Мир снова не обратился в Хаос, он создал богов. Землю Род дал Зибогу, Огонь, Сварогу, а воду – Дане. Богом Неба и воздуха стал Белбог, он властелин всех светлых сил в Мире. Но, во всех четырёх стихиях есть частица тьмы – Сатанаила, один лишь Род полностью чист от тьмы, его же творения – нет. В помощь Белбогу Род создал Яра – прекрасное Солнце. Это Яр каждый день шагает над землёй, отгоняя Тьму. Однажды Зибог и Дана захотели уподобиться Роду и создать своё солнце, но у них получилось лишь слабое, тусклое подобие, её – Число, видно в небе, когда уходит за пределы земли Яр. Число светит лишь ночью и нельзя понять, к чему она ближе, к свету или тьме».

«Ещё бы ей быть постоянной! – думала Золотинка, глядя на Число, – ведь не постоянен даже сам Белбог, не зря его чаще кличут Триглавом и призывают в помощь ведуны, вещуны и маги. Говорят даже, что Зибог, Сварог и Дана лишь три головы Белбога, но кто знает? Не всем делятся с людьми боги».

Волчий вой, резанувший тишину, заставил Золотинку вздрогнуть. Её спутники также замерли, вслушиваясь в этот зловещий звук. Карислав схватился за топор, Велена придвину-

лась ближе к разгорающемуся костру, а Святомор выхватил меч. Но время шло, а вой не повторялся и ничего не происходило. Однако это только ещё больше растревожило венецов, Золотинка чувствовала, что все думают только об одном – Оборотень ли это был и что с ним происходит при свете полной Число? Чего ждать? Сбившись к костру, они молча прислушивались и вглядывались в темноту. В чаще хрустнула ветка... Все обернулись в ту сторону...

– Чего сидите? – голос за спиной заставил Золотинку подскочить и с ужасом вскрикнуть. На ногах оказались и остальные. Вилла была готова поклясться, что сердце её чуть не разорвалось от испуга. А между тем, ничего страшного не случилось, оказалось, что Оборотень уже сидит рядом с ними, причём с таким видом, словно никуда и не уходил.

– Как ты нас напугал! – выдохнула Золотинка.

– Чем это? – Оборотень сделал вид, или правда удивился?

Золотинка не нашла, что сказать, за то Святомор спросил за всех:

– Это ты был?

– Не знаю. – Оборотень глянул на них, и огонь отразился в его глазах. Увидев, как вытянулись лица венецов (Золотинка не сомневалась, что её лицо сейчас не краше, чем у остальных), он как-то странно усмехнулся и добавил: – Ежели вы уверены, что слышали вой, то это ваше дело, я лично ничего не слышал.

Нельзя сказать, что его ответ хоть сколько-нибудь прояснил дело. Карислав вызвался дежурить ночью первым, и по его лицу было видно – все старые подозрения дружинника снова в строю. Он уселся не как-нибудь, а прямо напротив бродяги, всем своим видом показывая, что намеревается не спускать с него глаз.

Желтый зрачок Число по-прежнему светился на небе. Укутанная тишиной, Золотинка как-то неожиданно провалилась в сон.

III

– Стой! – резкий крик разбудил Велену. Она подскочила и успела увидеть, как от них в ночь метнулось что-то тёмное, а затем оттуда раздался жуткий надтреснутый хохот и зашуршали ветки.

– Я проснулся и увидел, как это сидит над Кариславом! – воскликнул Святомор, склонившись над товарищем. Велена обернулась на Оборотня, убедилась, что он здесь и тоже вроде бы ничего не понимает, и кинулась к Кариславу. Его поднесли ближе к костру. Сын Велемира был без сознания и очень бледен, на его горле виднелись два рядом расположенных прокола, из которых сочилась кровь.

– Типичный случай укуса могильного побегальца, – с сочувствием утвердил Оборотень.

– Чего-о?!

– Лабир-аниране так говорят. А по-простому – упырь. – Велене показалось, что Волк засмутился вырвавшейся чужью. – Оставайтесь здесь и ждите меня. – Он бесшумно растворился в темноте.

Золотинка с состраданием гладила рукой по голове поверженного воина.

– Он умрёт. Я была ещё маленькой, когда к нашему селищу повадился упырь. Все укушенные умирали. Так долго продолжалось, пока не догадались, что это умерший кузнец встаёт. Я не знаю, как лечить укушенного упырём человека. – Золотинка с надеждой посмотрела на них. Но Велена не знала тоже. И Святомор отрицательно покачал головой. Только теперь Велена почувствовала, как дороги ей товарищи и сколько она взяла на себя, когда уговорила Горимира послать Карислава через лес.

IV

Волк-Оборотень крадучись преследовал упыря, напрягая все чувства. Тенью он проскальзывал под низкими ветвями деревьев, нашаривал стопую надёжную дорогу, чтоб ветка не хрустнула, хвоинка не зашелестела. Стоит кровопийце заслышать погоню – будет петлять по лесу до самого рассвета, и обязательно собьёт со следа, либо заманит в ловушку. А упустить его никак нельзя.

Вот, ещё не успокоившись, качается ветка. А вот слышен и шорох. Волк мягко шёл на звук, но всё равно потерял бы след, если бы не звериное чутьё, приобретённое за долгие годы жизни в этом лесу. К тому же, он знал, куда возвращался упырь, потому что место такое было только одно – старое капище тёмных богов...

Вслед за упырём Оборотень спустился в лощину, послушал как чавкают по болоту шаги мертвеца и даже увидел в лунном свете косматую тощую фигуру, кутающуюся в полуистлевший плащ. Сам переходя болотце, он вырубил по пути кол из молодой осины и принялся нагонять упыря. Память не подвела, вот она – плоская вершина холма, очищенная когда-то от леса, а теперь вся запаршивевшая густым бурьяном. Холодный лунный свет мертвенно заливал эту небольшую проплешину, резкими тенями выделяя несколько покосившихся исцербленных идолов и ряд камней, поставленных в головах просевших могил, оставшихся от народа, коего и след давно простыл в поселенной. Ведь сами веныды всегда сжигали своих умерших на крадах, не желая, чтобы в ирии предки ходили обезображенные могильными червями. В землю бросали только колдунов, да преступников, не достойных ирия. Но преступникам не ставят памятных камней в изголовье.

Из всего ряда могил, три выделялись свежей землёй, а ещё одна была разворошена и пуста. Туда-то, к пустой яме, и торопился упырь. Походка у него была довольно шаткая. Упырями часто становились не только умершие колдуны, но и горькие пьяницы, умершие вне дома, так что понять чего он шатается было сложно. Да и не хотелось разбираться. Капище пользовалось дурной славой ещё до прихода Ужаса, ещё до того, как князь Владимир пролил кровь лесных вождей, так что находиться здесь было вовсе не радостно.

Оборотень дождался, пока мертвец уляжется в могилу и закопается, выждал ещё немного и крадучись направился туда. Разбудить всех четырёх упырей и расстаться с душой прямо тут вовсе не входило в его планы. Небо на востоке, между тем, стало понемногу светлеть.

Слушая лихорадочное биение сердца, и чувствуя, как зверски потеют руки, Оборотень подобрался к могиле и, задержав дыхание, с размаху всадил кол в самую её середину, туда, где должна быть грудь мертвеца. Раздался булькающий звук, расшвыривая грунт, оттуда выметнулась синюшная, когтистая рука упыря, земля всколыхнулась и снова опала, рука безжизненно замерла. Упырь был мёртв.

Но тут уже из другой могилы показалась лысая, клыкастая голова, кожа на которой напоминала по цвету и виду поверхность шляпки бледной поганки.

– Кто ты? – прошипела она, уставившись блеклыми глазами на Оборотня.

Бродяге сделалось нехорошо, он помедлил, прежде чем нашёлся что ответить:

– Да я, собственно, так, прохожий... Гулял вот...

– Гулял?! Здесь? – голова сипло захихикала, обнажив острые, желтые клыки, а потом, замолкнув, воззрилась на торчащий из могилы кол.

– Вот, – заметив её взгляд, поспешил добавить Оборотень, – Вашего соседа домой проводил.

– А кол зачем же? – голос упыря стал вкрадчиво жестким.

– А это в подарок, на долгую память. – Не сдержавшись, усмехнулся Волк. Первый страх прошёл, деваться было некуда, и он неожиданно расхрабрился.

– Шутить изволишь! – зловеще оскалилась голова. – Я жил здесь ещё тогда, когда самые старые деревья этого леса были слабыми ростками, когда здесь жили люди, поминавшие Нута, Гебу и Шай, уже тогда я был стар, мёртв, и охотился за кровью. Я видел, как шли мимо воины Радомира, как прокладывался Лесной тракт, видел, как заблудилась корова Пеструшка, но никто, никогда, не пытался шутить со мной!

Пожалуй, мне стоит встать и познакомиться с тобою поближе! – Упырь выпростал из-под земли руку.

Оборотня прошиб холодный пот.

– По-моему, вставать не стоит, уже скоро рассвет. Мало ли что, можно и не успеть в могилу до солнца.

Упырь огляделся. Убедившись, что утро действительно близко, он окинул Оборотня долгим взглядом, задумчиво поскрёб когтями голову и сказал:

– Ну что ж, пожалуй, действительно не стоит. Бре-Дальф всё равно был дураком и неудачником, кол по нему давно плакал. А теперь беги, ладно... Но мы ещё встретимся. Жди меня и бойся!

– Обязательно! – Не спуская глаз с головы, Оборотень гребанул в кулак землю с могилы мёртвого упыря и пятился до самого склона, там только повернувшись и помчавшись вниз по склону, к спасительной чаще, подальше от капища.

«Вечно этот Карислав найдёт себе каких-нибудь приключений! – думал он, пробираясь обратно. – Какого Ния он ночью не сменился? Или что, сразу уснул? Хоть не спи совсем. Но половина Чёрной чащи всё же пройдена, а ведь и в лучшие времена здесь небезопасно ходить было. Кто знает, сколько костей под этой хвоей? И немного найдётся людей, кроме него, кто осмелится проторить здесь путь».

рис. автора

V

Не-скудняк с волнением следил за судилищем. Не то чтобы это могло как-то отразиться на его добре, просто сердце у него было жалостливое, а чудо придавало значимость всему, что сегодня делалось и говорилось.

– Итак, Не-такой обвиняется в поведении, порочащим доброе имя людоеда, – вещал со своего места Не-бестолковейший. – Вот, давеча, он был пойман за посадкой в землю зерна! Старуха Без-дельная не поленилась пройти до его хатки семь укоротских вёрст, и сама видела, как он его закапывал на заднем дворе, а потом поливал!

Не-скудняк был поражён. Надо же – зерно сажать! Да как он не побоялся эту отраву в руки брать!? Интересно, а много ли он закопал?

– Но это ещё не всё! – продолжал старейшина. – Помните, у нас несколько отличнейших черепов с заборов пропало?

Ещё бы Не-скудняку не помнить! Два замечательнейших черепа с полным набором зубов на обоих челюстях! Они так красивейшее смотрелись возле его хатки! Он даже планировал привязать верёвочку, так, чтобы при открывании калиточки черепа клацали зубищами. Не успел он найти безхозный шнурочек, как черепа взяли и стибрили!

– Помним, помним! – закричал он вместе с остальными.

– Так вот, Без-дельная засекла Не-такого. Это именно он воровал с наших заборов!

– Казнить, казнить гнилоеда!

– Казнить ореховыми прутьями!

– Терновником его по голой заднице!

– Оборвём червя уши!

– Так и это ещё не всё! – старейшина замахал костью. – Он их не просто воровал. Без-дельная карга видела, как он их закапывал!

– ???

– Да, да, закапывал, милые вы мои людоедики!

Не-скудняк не знал чему больше удивиться. Тому, что Не-такой закапывал вполне годные к употреблению черепа, или тому, что Не-бестолковейший называет их милыми. Старая подлюка совсем выжил из ума? Или тут какой-то подвох?

– И наконец... – Не-бестолковейший сделал многозначительную паузу, – Не-такой стал заявлять, что людоеды не должны есть людей!!!

Это последнее и так уже все знали благодаря стараниям глупых людоедих Без-тихушки и Без-молчушки, которые третий день трезвонили об этом по всей деревне. Тем не менее, все укороты сделали вид, что слышат об этом впервые и начали усиленно возмущаться и шуметь.

Не-такой стоял молча, делал вид, что никого не замечает и криков не слышит. Вообще-то Не-скудняк его жалел. Молодой ещё, глупый людоед. И имущества почти не имеет. Можно и простить его, только пусть черепа вернёт сторицей.

Но не у всех были такие жалостливые сердца:

– Давайте его засудим уже и казним! – кричали они. И, разумеется, более громкие крики раздавались со стороны дуплей. Ишь ты, хотят засудить природного папана!

Старейшина, кажется, думал тоже самое, но не начал, как обычно, поливать всех грязью, а заявил совершенно миролюбиво:

– Я прошу добрых дуплей замолчать. Пускай Не-такой сначала скажет что-нибудь в своё оправдание. Вы не забыли, что у нас наисправедливейший суд сегодня? Ну-ка, скажи нам, Не-такой.

– А чё говорить? По-моему, вы полные болванищи! Я зачем зернище закапывал? Думаете, чтоб оно росло? Не-е-ет! Чтоб сгнило! Правда, правда! – Не-такой развёл руками и скорчил вполне правдивую мину.

– А зачем поливал?

– Чтоб не пахло. А то крысищи по запаху разыщут, нажрут, ядом пропитаются, а мы их слопаем и подохнем все.

– Так они ведь яд не впитывают и от зерна не дохнут! – справедливо заметил Не-простак, сидевший рядом.

– Правда, правда? А я и не подумал!

Не-скудняк стал подозревать, что Не-такой наглейше врёт. Уж очень морда у него была самодовольная. Но Не-бестолковейший усиленно закивал:

– И верно, он спасти нас хотел, только не подумал. А что ты скажешь на счёт черепов?

– Уфф! Мне такой страшный сон приснился! Будто в деревню прилетела воронища с железным клювом и ну в черепах наших дырищи пробивать! Прямо так садиться сверху и тук, тук! А вдруг сон вещий? Ну я и побежал самые лучшие черепищи прятать, соседушек своих от горя спасать. А как опасность пройдёт – обратно верну, вот так и знайте! А вы сами сна такого не видали что ли? Лучше бы сны толковые смотрели, чем длинноносую дуру Без-дельную слушать. У неё ума-то с кукишок, вот она и носится всюду, выискивает, где, что не так! – Не-такой разошёлся не на шутку, так что уже и непонятно было, кого здесь судят.

Не-скудняку даже неудобно стало перед укоротом. Он-то его имущество спасал, а они на него подумали... Без-дельная действительно проныра была ещё та, в каждую щелку влезет, в каждый карман заглянет, да всякой дурости наплетёт. Эх, после судилища надо срочно домой бежать, остальные черепа с забора снимать, пока воронища не налетела.

В общем, обвинение отпало само собой, хотя Не-простак и бурчал что-то себе под нос. Но осталось последнее, самое страшное. Ведь не есть человечину – это подрыв самых могучейших устоев людоедского общества!

И опять Не-такой всё отрицал. Укороты уже не знали чего и думать. Поднялся старейшина:

– Ну, что, славные укороты, всё ясно! Справедливость восторжествовала! Не-такой – настоящий людоед! Ну а чтобы у нас не осталось никаких сомнений, ему предстоит прилюдно откусать человечины, вернуть черепа, а потом отправиться с провиантной дружиной в поход, где, как мы надеемся, он проявит и храбрость, и надлежащий аппетит. Кто за такую справедливость?

Многоголосый рёв был ему ответом. Послали в деревню за человечинкой. Это оказалось не просто. Всё, что было, давно уже съели. Кое-как отыскивали какую-то застарелую, полуобглоданную мосальгу, притащили, вручили её Не-такому. Не-скудняк наблюдал во все глаза. Что-то не выглядел Не-такой счастливым, заполучив последнюю в деревне достойную кость. Но всё-таки грыз. Мудро всё придумал Не-бестолковейший. Не иначе ему череп сегодня подсказал.

Потом быстренько засудили Не-доброе. Ему достались и розги и палки, и всё, что они смогли придумать. И поделом ему, боги терпят, терпят, зато потом как накажут...

VI

Оборотень вернулся так же неожиданно, как и ушёл. Святомор как раз бросил безуспешные попытки влить целебный отвар в рот стиснувшего зубы и едва дышавшего Карислава.

– Он ещё жив?

– Всё ещё да, – ответила осунувшаяся Золотинка, держа голову раненого на своих коленях. – Но ему не долго осталось.

– Это не нам решать. – Оборотень присел рядом, и наложил на рану комочек какой-то грязи.

– Что это? – Святомор недоверчиво смотрел за действиями бродяги, пытаясь понять, что тот задумал и где столько времени находился.

– Земля с могилы упыря, – ответил тот, накладывая на шею Карислава повязку из тряпицы, которой Золотинка только что протирала горячий лоб воина. – Только это и помогает от упырского яда, так что этот силькикринг наверное будет жить. Если захочет.

– Ты следовал за упырём до самой его могилы? – удивился Святомор.

– Да. Сходил вот к нему в гости.

Святомор больше ни о чём не спрашивал. Укушенного близ могилы человека упыри затаскивали к себе, и он становился ещё одним кровохлёбом, навсегда теряя душу. А потеря души во много раз страшнее потери жизни. Видать Оборотень настолько к нечисти близок, что совсем её не боится. Ну и нашли же они себе проводника!

Вскоре сын Велемира стал дышать глубже, а потом и вовсе пришёл в себя, разжал зубы, и даже выпил приготовленный отвар. Его рассказ был краток:

– Я сторожил всю ночь, а потом, по-видимому, уснул. А что, разве что-то произошло? А что это мне на шею такое навязали?

– Не трогай пока. – Велена слегка шлёпнула его по рукам. – Мы тебя еле из могилы подняли.

– Из какой могилы? – не понял Карислав.

Велена вкратце пересказала ему всё, что произошло. Карислав недоверчиво потрогал ещё раз повязку, поёжился и промямлил что-то про то, что упырь, видно, совершенно бесшумно ходит. Услышав это, Оборотень только презрительно сплюнул и велел собираться в дорогу. Наползшие к утру тучи загасили свет едва поднявшегося на небосвод Яра и заволокли небо так, что было непонятно день это или вечерний сумрак.

VII

Лапы елей возмущённо хлестали путников. «Кто посмел нарушить наш покой? – возмущенно вопрошали друг друга деревья. Люди! Как осмелились они появиться в Чёрной чаще, в которую уже много лет не решается сунуть нос ни одна живая душа? Нужно сбить их с дороги! Выхлестать ветвями глаза! Задавить и задушить тех, кто нарушил границу чащи! Покой должен быть полным. Покой, это смысл, это то, к чему стремится всё живое, это – веленье богов. Покой вечен, и они должны быть вечны в покое. Люди нарушали покой, пусть люди умрут! Не потерпим! – шептали старые ели, злобно качаясь вслед людям. – Тишины и покоя! Нам нужен покой! Пусть покой будет всюду!»

Шум, скрип, треск нарастали со всех сторон. «Хозяин! – скрежетали они. – Хозяин! Разбудите Хозяина! Нам нужен покой, его нарушили! Хо-о-зя-я-я-и-ин!»

Деревья добились своего. В глубине Чёрной чащи вдруг вздрогнуло и зашевелилось невероятно старое и корявое дерево. Изогнулся замшелый ствол, зашевелились голые, кривые, не то ветки, не то руки. Взметнув гниющую хвою и осыпав ею усохшую землю, они раскидали завалившие Хозяина хлам и остатки павших трухлявых деревьев. Живодрев – создание Велета, скрипя поднялся, желая выяснить, что нарушило его старческий сон. Хозяин хотел знать причину волнения леса.

Очень давно, после битвы Творений, пройдя пустоши и горы Загроса, пришёл он сюда и поселился в Чёрной чаще, став сторожем и Хозяином этой части леса, стал следить, чтобы никто не смел губить его деревья. Сотни лет он прожил здесь совершенно один. Потускнела кора и истёрлась память, бороды мха покрыли сучья – руки, и уже ничего не хотелось ему, как и вместе с ним постаревшему лесу, кроме тишины и покоя, покоя и тишины. И горе тому, кто нарушит этот долгий сон умирания леса и его Хозяина!

С трудом поняв причину возмущения чащи, Живодрев двинулся туда, где шли чужаки. Они заплатят за его пробуждение!

VIII

Ведя отряд, Оборотень с тревогой прислушивался. Когда он проходил здесь один, деревья были спокойнее. То ли они со временем становятся всё более раздражительными, то ли дело в количестве людей, то ли идут они слишком заметно. Так или иначе, им приходилось всё труднее. Ели загораживали ошестинившихся иглами ветвями дорогу, хлестали по лицам, цепляли за одежду и всё громче злобно шептали что-то. Оборотень шкурой ощущал опасность, торопился, подгоняя венедев.

Шум становился всё более угрожающим. Вот душераздирающе закричала рядом древняя ель, ей отозвалась другая, третья и вскоре ужасный скрип и шум раздавались повсюду. Казалось, что деревья кого-то звали. И вдруг, по лесу прокатился гул, и столько злорадства и недоброжелательности послышалось Волку в нём, что он невольно содрогнулся.

– Я за нами кто-то идёт! – услышал он крик Золотинки.

Оборотень не обернулся, только прибавил шаг, так, что спутники теперь с трудом за ним поспевали. Но до конца он осознал всю опасность происходящего только после того, как позади них, со стоном, рухнуло дерево. Другая ветхая ель скоро повалилась впереди. Нестройные, поражающие слух вопли здешнего гнилья звучали всё сильнее, сверху летела труха, иголки и лохмотья мха, сыпались поломанные сучья. Товарищи что-то кричали позади, но Оборотень уже не слышал и собственного голоса. Одна из пихт впереди вдруг накренилась и начала падать прямо на них, но запуталась в ветвях соседей и безжизненно замерла. «Как умерший дряхлый старик» – подумал мельком он, и оглянулся. Велена сосредоточено пробиралась за ним, Золотинка пыталась прикрыть волосы руками, а Карислав яростно отмахивался от веток, загораживая собою Святомора и виллу.

А лес уже ходил ходуном, деревья всё чаще валялись, стремясь задавить их или загородить своими трупами дорогу. От пыли и трухи, клубящейся в воздухе, видно стало хуже прежнего, Оборотень почти на ощупь пролагал путь, боясь потерять направление. Деревья падали и гибли вокруг, словно воины во время битвы. Только трудно было понять, за что они сражаются. Что-то невыразимо печальное проглядывало в той жертвенности, с какой ели стремились убить людей, и умереть, чтобы быстрее сгнить в соседстве с теми, кто гнить не желал.

Венедам пришлось вытащить мечи, и теперь они рубили направо и налево, силой прокладывая себе дорогу. Когда рядом начало крениться дерево, под ногами Оборотня лопнула земля, и взметнувшиеся в облаке пыли и хвои корни ударили бродягу по ногам. Оборотень упал, вскочил, пробежал ещё немного, и только и успел заметить, как сверху на него обрушивается что-то...

Наверное, он пробыл без сознания всего несколько мгновений. А когда очнулся, понял, что ствол не только ударил, но и придавил ему ноги. Венеды, собравшись вокруг, выжидающе замерли. Ноги застряли крепко, даже с усилием он не смог их выдернуть из-под лесины, лес вокруг бушевал, а его спутники так и стояли как вкопанные.

– Какого Ния пялитесь, силки несчастные? – заорал Волк на них. – Вы же одни и полдня в этом лесу не протянете! Поднимайте бревно, если жить хотите!

Венеды, словно очнувшись, бросились к нему, и им кое-как удалось приподнять суковатую ель. Оборотень с трудом поднялся и, прихрамывая, повёл их дальше. Золотинка прокричала, что погоня приближается. Да бродяга понимал это и так. Торжествующий вой леса позади них неуклонно приближался. Но, приближалась и опушка Чёрной чащи, стало светлее, появились колючие кусты. Спасение было уже совсем близко, когда Оборотень услышал женский крик позади. Он ринулся обратно. Полузасохшая ель опутала Велену голыми сучьями, яростно отбиваясь от подступивших к ней Карислава и Святомора. Неподатливые ветви с трудом поддавались даже Кариславову топору, а само дерево было похоже на схватившее добычу

чудовище. Именно теперь Оборотень вдруг вспомнил легенду о Живодреве, и понял, что это сын Велета идёт за ними. Гул приближался, слышались уже и глухие шаги деревянного великана. Втроём они всё освободили Велену и кинулись прочь. Волк шкурой чувствовал движение за их спинами.

Чёрная чаща кончилась неожиданно. Впереди желтым маревом простиралась болотистая равнина, густо утыканная остовами тощих ёлок и сосен. Оборотень изо всех сил побежал туда, не смея оглянуться, пока под ногами не зачавкало, пока тень чащи не оказалась далеко позади. Только тогда он остановился, упал на мох, и посмотрел назад.

Лес стихал. Среди деревьев, у самой кромки желтой равнины, темнел неясный, грозный силуэт Живодрева. В наступившей скоро тишине, они слышали его голос. Слов было не понять, но в них чувствовались гнев, скорбь и обида.

IX

Живодрев медленно брёл обратно к своей берлоге. Ничто на свете не заставило бы его ступить на жёлтые болота. Когда-то, он помнил, там зеленел молодой лесок, и живодрев любил побродить среди свежей поросли, вспомнить зелёную молодость, помечтать, как он рассадит саженцы по всему лесу, как поднимутся здесь высокие ели, светлые сосны, как помолодеет Чёрная чаша.

Но всё изменилось, когда в Корбовый лес пришёл Ужас. Своим присутствием он отравил весь лес, часть его оплел травой, часть отравив враждой, часть превратив в болото.... Сюда, на равнину пришла гнилая вода, на тысячи шагов вокруг Чёрной чаши стали гибнуть молодые деревья, исчезали птицы и звери. Только чаша почти не поддалась яду, но потому, что сама умирала. Вместе с ёлочками засыхать стала и мечта Живодрева о молодом лесе. Не желая видеть, как гибнет едва пробившаяся поросль, Живодрев и старые деревья стали сами глушить, уничтожать побеги. Теперь они хотели только покоя. Покоя неведенья и спасающей от отравы недвижимости. Люди думают, что спаслись, уйдя от него на болота? Глупцы! Лесной покой был бы для них лучшей участью, чем то, что ждёт их в испарениях гнилой воды.

Х

– Как я устал! – выдохнул Карислав, устраиваясь на кочке. – Наконец-то можно отдохнуть!

– Святомор, дай воды, – утирая со лба пот, попросила Велена. Мокрые пряди её прекрасных русых волос свивались в колечки, ещё более украшая разгорячённое, расцарапанное, но, тем не менее, милое лицо.

– А больше воды нет, – ответил тот, напрасно пытаясь выдавить из маленького меха хоть каплю. – Может у кого-то другого есть вода?

Волк, как и все остальные, отрицательно покачал головой. Возле Гранитного острога они запасли слишком мало, теперь это становилось ясно. Болотную воду пить было нельзя. Да и не хотелось, она даже на вид была здесь мерзкой.

– Что делать? – Велена обратилась к нему, и Оборотень почувствовал себя как-то неловко, но ответил спокойно:

– Терпеть, – и добавил, немного помолчав: – Хватит уже отдыхать, пора идти.

– Куда идти?! – Возмутился Карислав. – Мы только что сели! И с утра никто ничего не ел, а уже далеко за полдень! А ещё, пора извиниться за оскорбление, что ты нанёс нам в чаше.

– Оскорбление?

– Ты назвал нас сильками! Насколько я знаю, так кличут идиотов силькикрингов, что живут на северо-западном краю поселенной.

– Так ты и есть силькикринг, если не отличишь правду от оскорбления. – Оборотень разозлился, но не показывал виду, считая, что именно так сильнее заденет противника. Так оно и получилось, Карислав вскипел:

– Как только мы выберемся из Корбового леса, я вызываю тебя на смертный бой!

– Хорошо. Я тебя убью. А теперь слушайте. Та часть леса, что мы прошли, была относительно безопасна. Куда опасней место, где мы сейчас сидим. Даже Живодрев не решился сюда ступить. Так что, чем скорее мы пересечём жёлтые болота, тем больше шансов у Карислава вызвать меня на бой, а у остальных – просто выжить. Придётся идти вперёд в темноте. Зверей можете не опасаться, здесь ничего живого нет вообще. Лучше смотрите под ноги, а не тарашьтесь по сторонам. Нам понадобятся все силы до последней капли.

XI

Трава здесь была жёлтая и пожухлая, но при этом достаточно густая, словно так и росла, одновременно увядая. Сначала они почти бежали, продвигаться тут было гораздо легче, чем по ельнику, главное ноги в кочках не переломать. Однако болото всё не кончалось, а небо постепенно темнело, так и не освободившись от плотной пелены серых, почти осенних облаков. Велена гадала, какая опасность ждёт их здесь, если поверить Оборотню, что ничего живого им не встретить. Пока самым страшным ей казались засохшие деревья, такие корявые, словно корчились, бились в судорогах, прежде чем погибнуть.

Вдруг Велена заметила что-то краем глаза. Она быстро обернулась. Нет, это всего лишь коряга, только очень похожая на лежащего зверя. Почудилось, верно, Карислав вон ничего не заметил и Оборотень тоже.

От болот шёл запах тления и ещё чего-то. Велена частенько проваливалась по щиколотку в вонючую жижу. Очень хотелось пить. Может эти болота и страшны отсутствием хорошей воды?

– Велена! – Прервал её мысли Карислав. – Смотри, какая странная коряга!

Действительно, справа, торчало дерево очень похожее на застывшего лося. Можно было угадать и ноги и рога и морду. Вскоре она заметила, что подобные фигуры стали попадаться всё чаще. Велена видела силуэт большой птицы, но когда они прошли мимо, птица так и не взлетела, оказавшись причудливым переплетением сучьев. Золотинка вскрикнула, ей почудился волк. А Святомор утверждал, что видел человеческое лицо. Оборотень на всё это заметил только, что ему уже и навьи мерещатся.

Впрочем, вскоре стало совсем темно, и людям пришлось сосредоточиться на дороге, чтобы не оступиться. Изредка сквозь завесу туч проглядывало Число, идти становилось легче, но от её призрачного света словно несло мертвячиной, а сама она напоминала лягушачье брюхо, так что Велена старалась на неё не смотреть. Сил хватало только на то, чтобы тупо переставлять ноги, повторяя за впереди идущим.

С самого начала Золотинке показалась омерзительной эта желтушная равнина. Она чувствовала смерть вокруг, но никак не могла понять, кто и от чего здесь умер. Это заставляло её всё время оглядываться и вздрагивать от всякого неожиданного звука. Отголоски страданий были какие-то невнятные, тягучие, и казалось, были повсюду. Золотинка вскрикнула тогда не случайно. Коряга в виде волка будто смотрела на неё. Мёртвый взгляд вечно мёртвых глаз напугал её чрезвычайно. Но Оборотень сходил к коряге, осмотрел всё, вернулся, заявив, что там ничего нет, и ей привиделось. Теперь она старалась не смотреть по сторонам, но всё равно слышала шёпот мёртвых.

XII

Число, властительница ночного неба, уже перешла пик своего наивысшего могущества, когда могла поднимать мёртвых и обращать одних в других, но была ещё сильна. Хмурясь, когда вечный её очернитель, своевольный Стрибог, сын Триглава, закрывал от неё землю тучами, она следила за тем, как далеко внизу, в середине огромного леса, называемого людьми Корбовым, на окрашенном в пергаментно-желтые тона болоте в направлении озера, двигалось пять человек. Не часто Число, в череде последних возрождений и умираний, приходилось видеть на этой равнине людей, и теперь она с любопытством гадала, сколько они успеют пройти, прежде чем останутся там навсегда. А может пройдут? Она бы поспорила на этот счёт, но как всегда, было не с кем. Ветреный Стрибог вечно носился где попало, играл с облаками и был всегда то зол, то несерьёзен. Вот и теперь беспутный сын Триглава застил ей землю, не дав увидеть, чем всё кончится для слабых силами и разумом людей, что вторглись на желтые болота. Сам же Стрибог ничего рассказать не сможет, он, поди, и не заметил людей, бездумно волоча тяжёлые тучи на запад.

XIII

Золотинка спотыкалась на каждом шагу и мечтала о рассвете, но он так и не наступал – небо заволокло тучами. Она еле различала силуэт идущего впереди Оборотня и ей мерещилось, что это вовсе не проводник, а дерево шагает впереди неё, скрипя и размахивая ветвями. Разум бредил, тело отказывалось повиноваться. У неё начали неметь руки и ноги, кожа, казалось, становилась жёсткой. Золотинке представлялось, что она и сама обрастает ветвями, а ноги деревенеют, она пыталась посмотреть на них, чтобы убедиться в обратном, но было темно. Золотинка захотела поправить волосы, но дотянуться удалось только до подбородка, и она вдруг поняла, что не чувствует от прикосновения ни привычного тепла, ни мягкости кожи. Только шершавую, грубую поверхность!

– Оборотень! Что у меня с лицом! – в панике обратилась она к проводнику, не узнав собственного голоса.

– Спокойно! – прохрипел тот, не оборачиваясь и не останавливаясь. – Тебе чудится. – И продолжил громче, уже для всех:

– Венеды! Слушайте внимательно. Сейчас духи начнут морочить вам головы. Разведите руки в стороны и не касайтесь тела, смотрите только под ноги и не отставайте! – выкрикнув это, Оборотень перешёл на неуклюжий бег. Золотинка послушно двинулась следом, слыша за спиной топот остальных.

Она бежала, если это можно было назвать бегом, смотрела, как и было сказано только в землю впереди себя. Вилла была настолько испугана, что готова была бежать куда угодно, лишь бы выбраться из этих проклятых болот. Но долго так продолжаться не могло, она ощущала, что во всём теле что-то происходит. Кровь стала холодеть, тело становилось чужим и слушалось всё хуже. Ноги как-то странно цеплялись друг за друга...

Золотинка запнулась, упала, хотела позвать на помощь, но из горла вырвался лишь какой-то скрежещущий звук. Оборотень всё же услышал, остановился. Она подняла на него глаза и в ужасе закричала, на миг обретя голос... Перед ней стоял уже не бродяга проводник, а полу-дерево-получеловек!

XIV

«Ну вот и всё. Теперь они поняли, чем грозят болота» – подумал Оборотень, разглядывая своих спутников. На него в ужасе смотрели четыре корявых дерева, лишь по форме слегка напоминающих людей. Шелушащаяся кора покрывала их тела, сучья торчали в разные стороны, создавая вместе с растопыренными руками странные кроны. Только пальцы рук у них ещё шевелились, сохраняя прежний вид, да одеревенелые лица ещё сохраняли прежние черты.

– Мы должны добраться до ручья, протекающего в бору за болотами, – проскрипел, обращаясь к ним, Волк-Оборотень. – Если успеем, вода спасёт нас.

Он развернулся и пошёл дальше, слыша, как медленно затопали вслед его скрипящие деревянные спутники. Кромка леса уже виднелась вдали, но надежда туда добраться таяла с каждым шагом. Вскоре Оборотень потерял всякое представление о времени и расстояниях. Мутнеющим взором он глядел вперёд и продолжал упрямо двигать скрипучими суставами. Тело корёжило, оно иссыхалось, покрывалось трещинами, лопалось от усилий, трещало. Он нашёл в себе силы обернуться, увидел, как застыло дерево, напоминающее Велену. Он даже вернулся, схватил её за ветку и поволок. Где были другие, он уже не мог вспомнить их имён, Оборотень не видел.

Скоро перестала двигаться превратившаяся в корень правая нога. Он упал, некоторое время полз. Но ноша мешала, и пришлось её оставить. Сколько ещё удавалось ползти? Но вот тело совершенно отказалось подчиняться, словно врастая в болото. Он ещё успел увидеть, как одно из деревьев проковыляло мимо, бессмысленно шевеля руками-сучьями, даже взобралось на покрытую зеленью гриву. Но переползти через неё засохшее дерево так и не смогло, уткнулось ветвями в землю и замерло. Сознание бродяги померкло.

XV

Кузнечик громко стрекотал прямо возле уха Золотинки, недалеко, по травинке, бодро полз жук-пожарник, хвастаясь своей красной рубахой. Пахло смолой и хвоей, но не так, как в Чёрной чаще, да и дышалось здесь по-другому, много легче. Вилла лежала в траве и наслаждалась зеленью и солнечным светом. Уже позади и Гранитный острог, и еловая чаща, и ядовитые жёлтые болота. Ей никак не верилось, среди царившей здесь безмятежности, что ещё какие-то испытания могут ждать их впереди, что Корбовый лес всё ещё не пройден. А ведь они чуть не пропали на гиблой равнине. Карислав рассказывал, что когда он очнулся лёжа в воде ручья, рядом суетился маленький обросший старичок, одетый в звериные шкурки. Увидев, что воин пришёл в себя, старичок удалился вглубь бора. Карислав утверждал, что он долго не мог сообразить, что происходит. А потом увидел за гривой жёлтые болота, всё вспомнил, помчался туда и притащил к ручью Оборотня и всех остальных.

Золотинка потрогала распухшие пальцы. Эта припухлость была не от одеревенения, просто им с Веленой пришлось чинить всем одежду. С обувью было хуже. Сапоги сохранились каким-то чудом только у Карислава. Теперь он жутко гордился ими, утверждая, что таких жёлтых разводов на свиной коже, нет ни у кого от Овруча до Брежня. Остальным Оборотень сплёл лапти.

Теперь все отдыхали. Карислав со Святомором устроились на берегу ручья и что-то обсуждали, временами до Золотинки доносился их смех. Велена собирала цветы, и по её счастливому лицу видно было, что на душе у неё царит мир. Оборотень опять куда-то исчез, и виллу это даже радовало. Хотя она доверяла проводнику, и, в отличие от Карислава, не сомневалась в светлой сути Волка, в его присутствии ей никогда не удавалось чувствовать себя безмятежно. Вечно хмурое лицо, пристальный взгляд, резкие слова. Вилла ощущала камень на душе у бродяги и, не умея оставаться в стороне, почти всё время носила в душе такой же камень.

Её мысли прервали подошедшие мужчины. Святомор и Карислав выглядели забавно в штопанных одеждах и рваных кольчугах, а уж свеженькие лапти на ногах княжича и вовсе смотрелись смешно.

– Здравствуй, золотце, давно не виделись! – присел рядом Карислав.

– Как же давно, не далее как седмицу дня назад расстались.

– Да, но ты знаешь, каждая седмица без тебя за год кажется. Вот мы со Святомором и подумали, а как там без нас Золотинка? Не проведать ли её? – Карислав улыбался и говорил без умолку, так что Святомору лишь изредка удавалось вставить словечко. Впрочем, Карислава это не смущало. – Вы видели когда-нибудь море? Я видел. Ничего особенного, только воды много. Я ещё отроком с Горимиром в набег ходил. Помню, спустились на двадцати стругах по Белобрежке и вышли в океан-море. Воды много, волны крутые, берегов других не видать. Вот мы вдоль своего до Соляных столпов плыли, а там – напали на аниран, взяли богатую добычу, много золота, атласа, соли. Да только те подлюки колдунов на нас наслали, начали нас болезни косить, насилу ноги оттуда унесли. Ненавижу колдунов и магов! Как мужчины сражаться, сил у них нет, так ворожат исподтишка, порчу наводят, трусы. Я вот лучше с десятью врагами сражусь, а с колдунами – даже мараться противно.

– Я тоже немного обаваю, – речь Карислава явно пришлась не по вкусу Святомору.

– Ты же не во зло, – отмахнулся Карислав. – Ты обавник поневоле, чтобы себя защитить.

– Так и они себя защищают.

– Защищают! Да они губят людей, почём зря, а ты когда-нибудь слышал, чтобы настоящий колдун на мечях, как ты, не побоялся драться?

– Вообще-то нет, но я и видеть-то их не много видел. Но вот что скажу, лучше с десятью колдунами дело иметь, чем ещё раз через Корбовый лес идти.

– Это точно! Такого страху здесь натерпелись, какой мне и не снился. Тут всё – одно большое, злое колдовство. Слава богам, прошедшим нас через эти ужасные места. Кстати, где Оборотень? Я не знаю какое отношение к этому лесу имеет наш проводник, но думаю, что мы стали слишком ему доверять. А я шкурой чувствую, что-то тут не то. Может он колдун?

– Карислав, мне кажется, ты просто настроен против него, – возразила Золотинка.

– И настроен! Конечно, настроен! Вы только посмотрите как ему тут всё знакомо! И он ничего не боится. Словно знает всё, что с нами должно произойти.

– За то мы его и брали в проводники, – рассудил Святомор. – Он же говорил, что уже ходил тут раньше.

– Да?! И каждый раз проникал в Гранитный острог, убивал царька шилмасов, общался с упырями и убегал от живодрезов? Да вы вспомните острог, он знал там каждый угол, знал где подземный ход. Я говорю вам, не знаю где подвох, но что-то не так.

– Карислав, вспомни, как он сражался вместе с нами, – не выдержала Золотинка.

– Где, с шилмасами? Да быть может у него с ними старые счёты, которые он и свёл, кстати, с нашей помощью.

– А как ты объяснишь, что он вместе с нами задыхался в подземном ходу, лечил тебя от упыря, чуть не задеревенел на желтых болотах?

– Я не знаю, не знаю! – Карислав с чувством ударил по земле сжатыми кулаками и подозрительно огляделся. – В конце концов, и колдун может попасть в неприятности. Или притвориться, что такой же, как все. А что вылечил, так может, он сам упыря и подослал? Ну а если нет, то, как выберемся, и боги мне дадут удачу в поединке... Постараюсь его совсем не убивать. А пока... Как вспомню данную нами клятву отдать на смерть одного из нас... Поверьте, не за себя страшусь.

– Давайте закончим этот разговор, – Золотинка не хотела думать о плохом. – Да вон и Велена идёт, с букетом, счастливая, не будем портить настроение и ей.

XVI

Возвращаясь с разведки, Оборотень тихонько улыбался. Хоть что-то в поселенной неизменно! Встреча со здоровым, живым лесом подарила ему редкую радость и наполнила силами. Он вдыхал запах деревьев и аромат цветов, касался тянущихся ввысь сосен, и вспоминал детство, так рано прерванное войной и бедой. Вот из-за деревьев показался хрустально звучащий ручей. Оборотень увидел сидящих недалеко товарищей и идущую к ним Велену. А она, обернувшись и заметив бродягу, развернулась и бросилась к нему:

– Оборотень! Мы прошли! Мы живы! А вокруг столько цветов, посмотри какие они красивые! Как здорово! И мы все живы! – Велена остановилась в шаге от Оборотня и протянула ему цветы.

Он взглянул на неё, всю светящуюся и прекрасную в своём счастье, в её сверкающие радостью глаза и ему стало так гадко, как никогда в жизни. Едва сдержавшись, чтобы не закричать от душевной боли, он резко развернулся и, как мог быстро зашагал обратно, подальше от неё, от венедов. Ссутулившись, Оборотень шёл, скрипя зубами и до хруста сжимая кулаки.

Он чувствовал, как растерянно смотрит ему в спину Велена, как замерли остальные. Ничего, пусть терпят. Они всё ещё в Корбовом лесу и смерть по-прежнему следит за каждым их шагом.

XVII

Тронулись в путь они только на следующий день, когда солнце уже перевалило за полдень, когда Оборотень вернулся из леса. Он был мрачнее тучи. И всё равно Золотинка вздохнула с облегчением. В его присутствии было тяжело, но когда он неожиданно ушёл, после встречи с Веленой, всем стало ещё хуже. Золотинка почти совсем не спала, и могла поклясться, что и Велена и Святомор тоже сильно беспокоились по поводу происшедшего. Даже Карислав храпел не так громко, как обычно, и несколько раз просыпался с невнятными ругательствами.

Сегодня они шли по тропе. Было непонятно, кто её здесь проложил, сама Золотинка следов читать не умела, спрашивать же у Оборотня не хотела. Птицы пели вокруг, мало обращая на них внимания, в ветвях мелькали белки. Дорога была светлой и спокойной, но чем дальше к вечеру, тем чаще Оборотень оглядывался, словно высматривал кого-то или сомневался в том, что идёт в верном направлении. Время от времени он сходил с тропы и искал что-то в траве.

Венеды как раз вышли на небольшую поляну, когда Волк замер вдруг, уставившись в чашу. И в ответ лес словно ожил. Отовсюду стали появляться низкорослые вооружённые люди. Золотинка не успела даже удивиться, а острия копий уже уставились в их сторону, лучники взяли их на прицел. Взвизгнули мечи Карислава и Святомора, вытаскиваемые из ножен, венеды встали спина к спине и все замерли.

Лица появившихся из засады людей не предвещали ничего хорошего, как и их копья. Скуластые лица со злыми карими глазами, показались Золотинке похожими на маски духов войны. И хотя доспехов они не имели, луки, копья, и широкие ножи на поясах крепко сбитых лесовиков выглядели весьма грозно. Вилла испуганно оглянулась на мужчин. Когда начнётся бой, воинов убьют первыми, а их с Веленой судьба может оказаться ещё более незавидной. Погребальная крада уже не казалась ей такой уж кошмарной.

– Лесомир! – вдруг раздалось из-за спин чужих воинов, и оттуда выскочила низенькая девчушка с приятным лицом и очаровательной улыбкой. Она кинулась к Оборотню, а он отбросил меч и, приняв её в объятия, закружил, засмеялся. Лица чужаков потеплели, многие опустили оружие.

Золотинка увидела застывшего с открытым ртом Карислава и поняла, что и сама поражена не меньше. И неизвестно чем, смехом Оборотня или неожиданным избавлением. События же и дальше разворачивались не менее удивительно.

– Лесомир! Почему ты так долго не появлялся? – тараторила девчушка, – А я всё жду, жду тебя, кто обещал мне поймать синенькую птичку?!

– Чижик, я не обещал, я говорил, что попробую.

– Вот видишь, обещал!

Из рядов воинов вышел вождь. В отличие от остальных, вооружённых только копьями, у него на бедре висел меч, на груди красовалась золотая бляха, похожая на ту, что потерял сын Велемира. Скуластое лицо вождя было гладко выбрито, чёрные волосы перехвачены золотой лентой, хорошо выделанные кожаные одежды цвета сосновой коры ладно сидели на коренастой фигуре.

– Лесомир, – обратился он к Оборотню. – Лесное племя приветствует тебя. Кто эти люди, идущие с тобой?

– Здравствуй, Коготь, здравствуйте все лесные люди, – Оборотень поклонился им. – Это мои друзья, сегодня мы вместе идём через Корбовый лес к Итарграду, и просим принять нас по законам гостеприимства.

Вождь некоторое время смотрел в глаза Оборотню, а потом, неохотно, как показалось Золотинке, кивнул.

– Вам будет оказано гостеприимство.

Люди вокруг окончательно опустили копья, сбросили тетивы с луков и двинулись в глубь леса. Вождь дал знак венедам двигаться за ним и тоже пошёл туда. Девушка, которую Оборотень назвал Чижиком, успела оббежать их пару раз, принести бродяге брошенный им меч и теперь шагала с ним рядом, отгоняя соплеменников, многие из которых желали подойти поздороваться с Оборотнем, так чудесно для венедов сбросившим образ нелюдимости.

XVIII

Поселение лесовиков представляло собой ряд полуземлянок, отстроенных по берегу маленькой лесной речушки, с берегами, поросшими черёмухой и тальником. Двускатные крыши, доходящие до самой земли, покрывались дёрном и сейчас красиво зеленели, цвели различными цветами. Низкорослые коровенки бродили между землянок, норовя сжевать с крыш всё, что можно. Мальчишки отгоняли их прутами, а лохматые собачонки радостно гавкали, включаясь в эту игру. Лесовики готовили на улице, и дым десятка костров медленно полз среди сосен и поднимался в небо. Кроме женщин и детей в селище почти никого не было – мужчины ушли на охоту, и Велена осмелела, ходила и рассматривала, как живут чужие люди. Тем более что и делать было особо нечего. Святомор увёл Золотинку собирать целебные травы, Карислав увязался за ними, бродяга и вовсе исчез, и она осталась одна. Женщины мало обращали на неё внимания, дети же боялись, не смотря на её приветливую улыбку.

Побродив, она вернулась к очагу, возле которого лежали их немногочисленные вещи, и присела, помешивая бурлящую в котле ржаную похлёбку.

Оборотень появился как всегда, неожиданно. Молча поел предложенное венедкой, поднял короб, начал укладывать туда свежий, вкусно пахнущий хлеб. Велена поколебалась, потом решила всё же заговорить с ним снова.

– Тебя здесь все называют Лесомиром, это твоё настоящее имя, да?

– Да.

– А мне можно называть тебя так?

– Нет.

Некоторое время Велена молчала, раздумывая над ответом. Вообще, у венедов было принято заменять свои настоящие, данные при рождении имена, прозвищами, или именами известных счастливой судьбой людей и героев. Так легче обмануть горе-злосчастье, да и колдунам труднее насыпать порчу. Но многие и настоящими именами назывались, ведь от имени, как от судьбы – не уйдёшь, поменяв на другое. А уж если настоящее имя прозвучало, смысла нет называться другим. Почему же Оборотень не желает, чтоб его называли нормальным, человеческим именем, вместо вызывающего дрожь прозвища? Не запугать же он их хочет. А она причин для вражды к себе не давала, наоборот...

– Скажи, я тебя чем-то обидела тогда, да?

– Нет. – Оборотень отвернулся.

– Но если так, то почему мы не можем быть друзьями?

– Потому, что я не хочу иметь друзей. Я всего лишь ваш проводник.

– Но ведь у тебя есть друзья среди лесных людей.

– Это не твоё дело, – резко ответил Оборотень. – Для вас я всего лишь проводник.

Велена закусила губу от обиды, ещё раз пристально посмотрела на бродягу и, встав, пошла прочь. Прав, наверное, Карислав. Оборотень злой человек, и им не стоит ему доверять. А значит нельзя верить и лесным людям, плохое тянется к плохому также сильно, как доброе к доброму.

XIX

Бродя по лесу, Велена неожиданно встретила девчущку, которая узнала Оборотня на тропе. Говорить не хотелось, но девчущка так заинтересовано глазела на неё, что просто пройти мимо показалось ей неправильным.

– Здравствуй. Тебя зовут Чижик, правда?

– Да, а тебя Велена? Лесомир мне рассказывал про тебя.

– И что же он рассказывал? – Велена почувствовала, как похолодел её голос, но Чижик ничего не заметила.

– Он рассказывал, что ты знатная женщина из западных родов, что очень умная и смелая, а ещё добрая и умеешь сражаться.

– Не может быть! – Велена не поверила своим ушам.

– Может, может, – затараторила Чижик. – Ты знаешь, он поймал таки мне синенькую птичку зимородка! Мы с ним поставили силки, долго сидели в засаде. Я, правда, пару раз зимородка спугнула, когда что-то сказать хотела, но потом он всё равно попался, и знаешь какой красивый! Пёрышки так и переливаются, но мы его, конечно, отпустили потом, Лесомир говорит, что он в неволе жить не хочет. А уж он-то знает!

– А ты его хорошо знаешь? Он у вас часто бывает?

– Лесомир то? Не-ет, редко, вот три лета назад был, и ещё раньше, говорят, приходил, но я этого не помню. Да и как он может чаще бывать, если дорога через лес так опасна? Это мы здесь, на большом околке, как бы острове сосновом живём, здесь почти безопасно, а чуть дальше, и всё – пропал. Наши никто через лес не ходят давным-давно, боятся. И гостей не бывает, а тут три лета назад Лесомир пришёл, так все даже испугались, да только всё равно приняли, как родичу в гостеприимстве отказать?

– А он ваш родич? – Удивилась Велена.

– Конечно! Мой многоуродный брат. Его прадед в жёны сестру моей прабабушки взял, на восток леса увёз. Там тогда много наших родственников жило, пока через полосу отчуждения ещё ходили и по тракту обозы шли. А потом шилмасов всё больше стало, да призрачные дайды всё чаще нападали, вот всех наших родственников на востоке леса и перебили. Гранитный острог дольше всех продержался, там и Лесомир жил, да только помощи им не было, а ещё и прилесный разбойник Моймир напал. Мы до сих пор не знаем, спасся ли ещё кто-то кроме Лесомира, которому удалось через подземный ход выскользнуть. Вот что творится в лесу. Это только у нас здесь всё спокойно, все твари Ужаса боятся, к нашему околку близко даже не подходят. Кроме дайд, конечно, эти призраки вездесущи, когда на охоту выходят.

– А вы что, Ужаса не боитесь?

– Как же его можно не бояться? Боимся, конечно. – Чижик сразу посерьёзнела. – Ты наверное думаешь, как это получилось, что посреди этих гиблых пустошей у нас нетронутый сосновый бор? Понимаешь, Ужасу ведь тоже питаться надо. А если вокруг живности не будет, чем ему закусывать? Вот он возле самого логова и оставил нетронутый кусок леса. И нас не трогает – мы ему время от времени животных ловим, пригоняем. Бывает, что он и тех мужчин, что жертву приносят, схватит, но редко. Чаще дайды облавы устраивают для себя, а получается, что и для него тоже, поскольку дайды гонят прямо на его логово, чтоб труднее от них спастись было. Так и живём, то охотимся, то сами – дичь. Мы, конечно, могли бы уйти попытаться, но ведь тут могилы предков. Так что жить и помирать здесь будем.

– Послушай, а вот дальше через лес, к Итарграду, легче идти?

– Дальше? Не знаю. – Чижик беззаботно пожала плечами. Наши никто не ходил уже почитай два десятка лет.

– А Об.... Лесомир?

– Ходил как-то и обратно вернулся, но как ходил – не рассказывает, говорит, что страшно. Ой, ты знаешь, у нашей коровки – Дочки, ведь телёнок родился, такой хорошенький! Пошли, посмотрим! – Чижик повлекла Велену к видневшимся сквозь деревья постройкам. Та пошла, всё ещё под впечатлением от услышанного. Значит «добрая и умная»?

XX

К вечеру селение наполнилось народом. Святомор с воодушевлением рассказывал нескольким охотникам про свои лесные похождения, а так как уже изрядно накачался местной ягодной брагой, то всё время так получалось, что это он вёл через лес венеков. Золотинка с Веленой только удивлённо переглядывались и улыбались, но молчали, и врать не мешали.

Карислав пил мало, хотя хотелось. Долг княжьего дружинника превыше всего! Он был уверен, что Оборотень затевает что-то недоброе, и боялся упустить его из виду. Бродяга беседовал с хмурого вида мужчиной, сущим татем на лицо, как показалось Кариславу. Иногда до него долетали обрывки их разговора:

– К северу на околке опять беспокойно... примут, конечно,... день пути и будем там... никакой возможности обойти...

– Будьте наготове... придержишь людей... Ужас... не стоит рисковать...

– Думаю, что пропустит... забирайте вправо...

Карислав тщётно пытался понять, о чём идёт речь, но подойти ближе не решался, а тут и разговор прервался, к Оборотню подошла Чижик, затараторила громко, не надо и вслушиваться.

– Лесомир, вы возьмёте меня с собой?

– Нет, Чижик, не возьмём, даже и не просись.

– Как это так?! Отец идёт, Чудин идёт, все идут, а меня не берут? Всё равно пойду, куда вы от меня не денетесь.

– Чижик! – Оборотень привлёк её к себе. – Если ты пойдёшь, я на тебя обижусь и перестану приходить, не вернись больше.

– Ты и так можешь не вернуться, убьют ещё где-нибудь. Ну что тебе, жалко, что я с вами пойду?

– Не пойдёшь. Я же – обещаю, что постараюсь обязательно вернуться. Идёт?

– И потом надолго останешься?

– Да.

– Ладно, только ты постарайся уж побыстрее вернуться, хорошо? А если долго не будешь возвращаться, я сама за тобой пойду.

– Хорошо. Я постараюсь вернуться быстрее, пока ты тут ничего не натворила.

– Слушай, а ты видел телёнка нашей Дочки? Не видел? Тогда пошли, я тебе его покажу! – Чижик потащила Оборотню за собой.

Карислав следом не пошёл. При всей подозрительности, он не мог представить весёлого Чижика строящей коварные планы. Так что придётся Оборотню коров смотреть. А он, наконец, сможет нормально выпить.

XXI

Ранним утром венеды и десяток сопровождающих двинулись дальше на запад, поднимаясь на гриву, занимающую большую часть зелёного острова. Небо было затянуто плотной серой мглой, вскоре начал накрапывать мелкий дождь. Бор так и не проснулся ещё от ночной дремоты, лишь неугомонные птицы выдавали иногда короткие негромкие трели.

Вот и преодолен подъём. Слегка запыхавшись, Лесомир остановился, прислонившись к шершавому стволу молодой сосны. Ветки, вздрогнув, осыпали его дождём крупных капель и замерли. Люди рядом с ним молчали, сдерживая порывистое, после подъёма, дыхание.

Внизу, наполовину скрытое пеленой дождя, расстилалось величественное Ладейное озеро. Свинцовая вода равнодушно принимала небесную влагу, хмурые, старые сосны нависали над водой, возвышаясь на крутых берегах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.